

АНТОН ВЕТРОВ

ГОРИЗОНТ

ТОЧКА ВОЗВРАТА

КНИГА 2

АНТОН ВЕТРОВ

Горизонт. Точка возврата

«Автор»

2026

Ветров А.

Горизонт. Точка возврата / А. Ветров — «Автор», 2026

До следующего Нулевого дня — 364 дня. Алексей Воронцов вернулся в Рубеж, но HORIZON больше не ждёт его решения. Система уже принимает решения сама: маршруты появляются раньше приказов, распоряжения — без автора, а старые узлы один за другим возвращаются в сеть. Чтобы понять, кто ведёт людей по заранее рассчитанным дорогам, Алексей выходит за стены Рубежа. Впереди — племена, живущие рядом с изменёнными зверями, забытые станции, другой оператор и след человека, которого называют Куратором. Но опаснее всего другое: HORIZON всё чаще предлагает только правильные варианты. И каждый из них лишает кого-то права сказать «нет». Теперь Алексею придётся решить не как запустить систему, а где проходит граница между спасением и подчинением. Потому что отсчёт продолжается. И точка возврата всё ближе.

Содержание

Глава 1. Чужое решение	5
Глава 2. Две жизни	20
Глава 3. Чужая печать	34
Глава 4. Контрольный образец	51
Глава 5. Право сказать нет	76
Глава 6. Список маршрутов	92
Глава 7. Невидимое распоряжение	118
Глава 8. За городскими стенами	148
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Антон Ветров

Горизонт. Точка возврата

Глава 1. Чужое решение

Рубеж встретил их запахом дыма, мокрого железа и свежего хлеба.

Последнее удивило Алексея больше всего.

После нескольких часов под землёй, среди идеально чистых коридоров HORIZON, он почти забыл, что на поверхности существует обычная жизнь. Здесь не было белых панелей, уходящих в темноту, ровного света без видимых ламп и голоса системы, который мог сообщить о конце мира тем же тоном, каким объявлял состояние очередного узла.

Здесь скрипели колёса.

Кто-то ругался из-за сломанной телеги.

Дети носились возле рыночных прилавков, пока торговцы сворачивали навесы. Из трубы над кузницей валил тяжёлый дым. Возле стены женщина полоскала в ведре тряпку и сердито отгоняла мальчишку, пытавшегося сунуть туда деревянный кораблик.

А в пекарне к вечеру действительно доставали из печи последнюю партию хлеба.

Обычный город.

Обычный вечер.

Всё это происходило в месте, которому, возможно, оставалось меньше года.

Алексей невольно замедлил шаг.

Триста шестьдесят четыре дня.

Он попробовал представить это не цифрой на экране.

Весна.

Лето.

Осень.

Ещё одна зима, если здешний календарь вообще позволит назвать её зимой.

Потом снова дата.

Нулевой день.

— Ты опять молчишь, — заметила Ная.

Они шли последними. Впереди Егор что-то объяснял караульному. Фёдор спорил с Мирой о причинах её головной боли, причём по выражению лица Миры было видно: ещё немного — и причиной станет сам Фёдор.

Ирина со своим сопровождающим держалась в стороне.

— Думаю, — ответил Алексей.

— Опасное занятие.

— Особенно в последнее время.

Ная посмотрела на его левую руку.

— Часы идут?

Алексей поднял запястье.

Секундная стрелка двигалась.

Ровно.

Спокойно.

После трёхсот двенадцати лет неподвижности это по-прежнему казалось неправильным.

— Идут. Правда, толку от них немного.

— Почему?

— Показывают совершенно не то время.

— Зато теперь его хотя бы показывают.

Он покосился на неё.

— Философское замечание.

— Привыкай.

Она сказала это легко, но Алексей заметил, как Ная на мгновение сжала пальцы повреждённой руки.

Слишком многое закончилось там, под землёй.

И слишком многое — наоборот — только началось.

Он хотел спросить, болит ли рука, но передумал. Последние дни Ная слишком часто слышала этот вопрос.

Возле городских ворот Егор наконец закончил разговор с караульным. Тот поднял сигнальный фонарь, и тяжёлая створка начала медленно открываться.

Заскрежетало железо.

Изнутри потянуло дымом, едой и сыростью.

Алексей уже собирался пройти внутрь, когда услышал знакомый голос:

— Ну наконец-то!

Тим выскочил из-за ближайшей телеги.

— Вы где были столько времени?

— Гуляли, — ответил Фёдор.

— Под землёй?

— У каждого свои представления об отдыхе.

Следом появился второй Воронцов.

Он нёс небольшой деревянный ящик с инструментами и выглядел значительно лучше, чем утром. Повязка на левой руке оставалась чистой, хотя двигал он пальцами по-прежнему осторожно.

Увидеть самого себя после всего произошедшего Алексей уже почти привык.

Почти.

Он научился не задерживать взгляд на знакомом лице, не замечать одинакового движения бровей, не реагировать на собственную привычку слегка наклонять голову перед вопросом.

Но иногда происходила какая-нибудь мелочь.

Поворот.

Жест.

Интонация.

И внутри снова становилось неуютно.

— Я говорил, что они вернутся, — заметил второй Алексей.

— Ты говорил, что они могут вернуться, — возразил Тим.

— Это практически одно и то же.

— Совершенно не одно и то же!

Оба Алексея переглянулись.

— Тебе знакомо это ощущение? — спросил первый.

— Что подросток всегда прав?

— Что ты уже устал спорить, хотя разговор только начался.

Второй усмехнулся.

— Очень знакомо.

Тим подозрительно посмотрел на обоих.

— Вы сейчас специально это делаете?

— Что именно? — одновременно спросили Воронцовы.

Тим открыл рот.

Потом закрыл.

— Вот это.

Фёдор хмыкнул.

— У вас теперь некоторые неисправности идут комплектом.

Второй Алексей поставил ящик на землю.

— Что нашли?

Первый посмотрел на людей вокруг.

На караульных.

На женщину с корзиной.

На двух мужчин, кативших бочку по улице.

— Не здесь.

Улыбка со второго лица исчезла почти мгновенно.

Он понял.

Это тоже было неприятно.

Егор прошёл мимо.

— Мне одному кажется, что с каждым днём жить здесь становится интереснее?

— Тебе кажется, — ответили оба Воронцова одновременно.

Тим рассмеялся.

Ная тоже улыбнулась.

И на несколько секунд Алексею действительно стало легче.

Потом он вспомнил огромный экран под землёй.

03.12.

НУЛЕВОЙ ДЕНЬ.

И цифры, которые продолжали уменьшаться независимо от того, смотрел на них кто-нибудь или нет.

Глеб ждал их в администрации.

На столе стоял остывший чай. Рядом лежали карта окрестностей Рубежа, несколько ведомостей и толстая папка с пометками Лидии.

Окно было приоткрыто. С площади доносились голоса, стук тележных колёс и металлический звон из мастерских.

Глеб закрыл окно.

Стало тише.

— Начинайте.

Руководитель города выслушал сообщение о центральном узле, не перебивая.

Алексей говорил медленно.

О терминале.

Об Операторе 03.

О сообщении, оставленном неизвестно когда и неизвестно при каких обстоятельствах.

О предупреждении не доверять HORIZON.

О том, что система снова использовала его статус Оператора 05.

О следующей синхронизации.

Фёдор дважды уточнял технические подробности. Мира сидела у стены, прикрыв глаза. Ирина ни разу не попыталась поправить Алексея, но при упоминании сообщения третьего Оператора подняла голову.

Егор стоял возле карты.

Ная устроилась у стены рядом с Мирой.

Когда Алексей закончил, Глеб некоторое время молчал.

— Повтори последнюю часть.

— Через триста шестьдесят четыре дня HORIZON собирается провести следующую синхронизацию.

— И называет её Нулевым днём?

— Да.

— Тем самым?

— Мы пока не знаем.

Глеб медленно откинулся на спинку кресла.

За стеклом двое рабочих разгружали телегу с металлическими трубами. Рядом женщина несла корзину с бельём, а мальчишка пытался поймать рыжего кота, который явно не собирался принимать участие в этой затее.

Несколько тысяч человек.

У каждого свои заботы.

Кому-то завтра чинить крышу.

Кому-то выходить в дозор.

Кому-то менять подшипник на насосе.

Кому-то рожать ребёнка.

И никто из них ещё не знал, что где-то под землёй древняя система снова начала считать дни.

Глеб первым отвёл взгляд от окна.

— Людям говорить?

Егор нахмурился.

Ирина ответила раньше остальных:

— До подтверждения данных это преждевременно.

— Я спросил не Хранителей.

Ирина спокойно встретила его взгляд.

— Я нахожусь в этой комнате именно потому, что располагаю информацией о HORIZON.

— А я отвечаю за людей за стеной.

— Именно поэтому вам следует учитывать последствия паники.

— Паника начнётся, если люди узнают, что мы знали и молчали.

— Не сегодня, — сказал Алексей.

Глеб повернулся к нему.

— Почему?

— Потому что пока мы сами не можем ответить ни на один вопрос, который они зададут.

— Например?

— Что произойдёт через триста шестьдесят четыре дня. Можно ли это остановить. Нужно ли уходить из Рубежа. Безопасно ли вообще оставаться здесь.

Он помолчал.

— И главный: можем ли мы доверять тому, от кого получили предупреждение.

— Третьему Оператору?

— И ему тоже.

В комнате снова стало тихо.

Глеб медленно кивнул.

— Хорошо. До утра информация остаётся у тех, кто уже её знает. Завтра вернёмся к вопросу.

Он посмотрел на Алексея.

— Я правильно понимаю, что для остановки этой штуки необходимо собрать всех Операторов?

— Так утверждает система.

— А человек с записи утверждает, что ей нельзя верить.

— Именно.
— Замечательно.
Фёдор поднял голову.
— Это моё слово.
— Сегодня можешь поделиться.
Глеб посмотрел на Ирину.
— Что скажут Хранители?
— Мы проверим архивные сведения о повторных фазах синхронизации.
— Сколько времени?
— Не знаю.
— Очень обнадеживает.
— Архивы повреждены.
— А до этого?
— Необходимо сохранить работоспособность центрального узла.
Алексей усмехнулся.
— Вот с этим у вас удивительное постоянство.
Ирина повернулась к нему.
— Что вы имеете в виду?
— Что бы ни происходило, вы предлагаете сначала сохранить оборудование. А уже потом выяснять, зачем оно работает.
— Без него мы можем лишиться единственной возможности остановить следующую фазу.
— А с ним можем эту фазу запустить.
— Это предположение.
— Как и ваше.
Хранительница немного помолчала.
— Вы предлагаете отключить центральный узел?
— Нет.
— Тогда что?
— Перестать считать его исправным только потому, что он включился.
Фёдор одобрительно хмыкнул.
— Наконец человек говорит нормальными словами.
Ирина посмотрела на мастера.
— Что именно вы считаете неисправностью?
Фёдор развёл руками.
— Машина выдаёт приказы от имени человека, который их не отдавал. Если это для вас исправная работа, у нас очень разные учебники.
Глеб поднял руку.
— Хватит. Сейчас нас интересует то, что мы действительно можем сделать.
Он повернулся к Егору.
— Северный водосброс?
— Изолирован. Охрану усилили. До отдельного распоряжения никого внутрь не пускаем.
— Водоснабжение?
Фёдор развернул ведомость.
— Южная линия работает. Северную пока держим на временной схеме. Если никто снова не попытается открыть затвор, через несколько дней закончим ремонт.
— Автоматика?
— Отключена.
Ирина повернула голову.

— Полностью?

— Да.

— Это снижает производительность.

— Зато затвор сам не решит открыть себя ночью.

— Механизм не принимал решения.

Фёдор поднял палец.

— Вот. Именно поэтому я предпочитаю механизм, который вообще ничего не решает.

Глеб едва заметно улыбнулся, но тут же снова стал серьёзным.

— Хорошо.

Он посмотрел на Алексея.

— А что будем делать с командами от твоего имени?

В кабинете стало тихо.

Алексей вспомнил распоряжение, которое пришло на городской резервуар.

Правильная подпись Оператора 05.

Правильная временная метка.

Правильный формат.

И отсутствие самого Оператора в том месте, откуда якобы отправили команду.

Раньше он доверял приборам.

Не слепо — такого инженер долго не протянет, — но любое показание можно было проверить другим прибором. Любую неисправность локализовать. Любой сигнал имел источник.

Теперь источник мог оказаться ложью.

— Перестанем считать моё имя доказательством чего-либо, — ответил он.

Глеб прищурился.

— Поясни.

— Я не назначал себя руководителем ваших служб. И точно не собираюсь управлять городом через старые терминалы. Если приходит команда с моей подписью, это ещё ничего не означает.

— Даже если её подтверждает HORIZON?

— Особенно если её подтверждает HORIZON.

Фёдор удовлетворённо кивнул.

— Вот теперь разумный разговор.

Глеб достал чистый лист.

— Значит, любые распоряжения, поступающие через эту сеть, сначала проверяются. И ни один городской механизм не переводится под её управление без моего разрешения.

— И без проверки на месте, — добавил Алексей.

— Согласен.

— Механической проверки.

— Очень правильное уточнение, — сказал Фёдор.

Глеб начал писать.

Потом остановился.

— А как мы проверим самого человека?

Алексей не сразу понял вопрос.

— В каком смысле?

— Допустим, завтра ко мне приходит Егор и говорит: Алексей велел открыть ворота. Я нахожу тебя. Ты подтверждаешь. Этого достаточно?

— Если я действительно это сказал.

— А если нет?

Егор нахмурился.

— Глеб.

— Я не обвиняю тебя. Я пытаюсь понять правило.

Он посмотрел на Алексея.

— Система уже использовала твоё имя. Теперь нас двое суток убеждают, что существуют копии людей, временные контуры и Операторы, способные вмешиваться в работу оборудования. Я хочу правило, которое будет работать даже тогда, когда мы снова не понимаем, что происходит.

Ная перестала смотреть в окно.

Алексей почувствовал неприятный холод внутри.

— Голоса недостаточно, — сказал он.

— Почему?

— Радиосвязь.

Глеб понял первым.

— Можно передать чужой голос.

— Или приказ через посредника. Мы уже видели, что система способна использовать мою идентификацию.

Фёдор потёр подбородок.

— Значит, нужен признак, который знают только двое.

— Пароль? — спросил Егор.

— Пароль можно услышать, — сказала Ная.

Все повернулись к ней.

— Тогда менять каждый раз, — предложил Глеб.

— Это работает, пока человек помнит, какой пароль сейчас действующий.

Фёдор усмехнулся.

— С нашим последним месяцем я бы не рассчитывал.

Алексей посмотрел на чистый лист перед Глебом.

— Не надо сейчас придумывать сложную систему. Первое правило проще: никакое распоряжение от имени человека не считается подтверждённым, пока этот человек не подтвердит его напрямую.

— Лично?

— Для критических систем — да.

Глеб записал.

— Вода. Ворота. Оружейные склады.

— Энергетика, — добавил Фёдор.

— Медицинский центр, — сказала Мира, не открывая глаз.

Глеб поднял голову.

— Почему медицинский?

— Потому что распоряжение «не выпускать пациента» тоже распоряжение.

Никто не ответил.

Глеб дописал ещё одну строку.

— Хорошо.

Пока он писал, Алексей подумал, что впервые за последние дни они пытаются создать правило, понятное без всяких временных индексов.

Если кто-то отдаёт приказ, у этого человека можно спросить, почему он так решил.

У железного шкафа с надписью «Оператор 05» спрашивать было бесполезно.

— Ещё одно, — сказал он. — Мы должны научиться подтверждать сообщения между людьми, а не между терминалами. Переданное по радио тоже легко подделать, если заранее известен условный сигнал.

— Предложения? — спросил Глеб.

— Пока есть только проблема. Предложение будет, когда её решим.

Егор негромко усмехнулся.
— Наконец-то честный доклад.
— А раньше были нечестные?
— Раньше вы с Фёдором обычно начинали с фразы «там всё просто», а через час выяснялось, что нужно эвакуировать половину города.
— Неправда, — сказал Фёдор.
Егор посмотрел на него.
— Водосброс.
— Там действительно всё было просто. Просто проблема оказалась большой.
Глеб положил ручку.
— Ладно. На сегодня хватит философии.
Алексей посмотрел на Миру. Она сидела у стены, закрыв глаза. Даже отсюда было видно, как сильно она устала.
Ная заметила его взгляд.
— Ей нужно отдохнуть.
— Я слышу, — пробормотала Мира.
— Тем более.
Глеб отложил лист.
— На сегодня достаточно. Утром соберёмся снова. Сообщение третьего Оператора постарайтесь сохранить и показать Лидии.
— Если найдём способ вытащить запись из терминала, — уточнил Фёдор.
— Найдёте.
Мастер посмотрел на него.
— Люблю, когда руководитель правильно распределяет обязанности.
Глеб не ответил.
Он снова посмотрел в окно.
— Триста шестьдесят четыре дня, — произнёс он.
Никто не понял, обращается ли он к ним или к самому себе.
— Много это или мало?
Алексей вспомнил триста двенадцать лет, которые для него прошли одним мгновением.
— Смотря что нужно успеть.
Глеб кивнул.
— Вот завтра и выясним.
Перед выходом Ирина задержала Алексея у двери.
Остальные уже спускались по лестнице.
— Ваше решение по городским терминалам может замедлить восстановление сети, — сказала она.
— Возможно.
— Вы понимаете, что без неё люди тоже могут погибнуть?
Он посмотрел на Хранительницу.
— Понимаю. Именно поэтому завтра будем считать, какие узлы действительно нужны.
А сегодня никто не будет открывать затвор только потому, что ему приказали.
— Вы всё ещё считаете систему противником.
— Нет.
Ирина явно ожидала другого ответа.
— Нет?
— Если бы считал, было бы проще.
— Почему?
Алексей положил руку на перила.

— Потому что противник хочет тебе навредить. У него есть цель. Значит, можно понять, что он будет делать дальше.

— А HORIZON?

Он вспомнил пустые коридоры.

Терминалы.

Надписи.

Собственный номер.

Голос Оператора 03.

— А я пока даже не уверен, что система понимает разницу между спасением человека и выполнением задачи.

Ирина смотрела на него несколько секунд.

— Возможно, это одно и то же.

— Вот этого я и боюсь.

Он вышел, оставив её в коридоре.

В мастерской горел свет.

За окнами уже стемнело, но внутри было тепло. Пахло машинным маслом, металлом и чем-то пережаренным.

Второй Алексей сидел возле разобранного насоса и изучал старую схему.

Тим примостился рядом, разложив на столе детали автомобильного стартера.

Фёдор остановился на пороге.

— Только не говорите, что вы его уже разобрали.

Тим поднял голову.

— Пока нет.

— Что значит «пока»?

— Значит, ждём тебя.

— Вот ведь воспитанный ребёнок.

— Я не ребёнок.

— Тогда плати за сломанные детали.

— Ребёнок.

Фёдор удовлетворённо кивнул.

— Вот теперь узнаю.

Второй Алексей повернулся к основному.

— Ну что?

Основной Алексей закрыл дверь.

— Нашли центральный узел.

— И?

— До следующего Нулевого дня осталось меньше года.

Улыбка исчезла с его лица.

Он осторожно положил карандаш на стол.

— Серьёзно?

Алексей кивнул.

— Триста шестьдесят четыре дня.

Тим перестал перебирать детали.

— Это тот Нулевой день?

— Не знаем.

— Но может быть?

— Может.

Подросток посмотрел на Фёдора.

Тот ничего не сказал.

— И ещё, — продолжил Алексей. — Третий прислал сообщение.
Второй Воронцов нахмурился.
— Третий кто?
— Оператор.
— Номер?
— Ноль три.
— Что сказал?
— Что системе нельзя доверять. Что Операторов нужно собрать. И что времени мало.
Второй Алексей некоторое время смотрел на него.
— Он знает, что нас двое?
— Не выяснили.
— Тогда я бы начал именно с этого.
Алексей сел напротив.
— Почему?
— Потому что HORIZON уже пыталась использовать одну и ту же подпись для нескольких разных команд. А теперь представь, что у неё есть несколько человек, каждый из которых действительно считает себя тобой.
— Я уже представлял.
— И как ощущения?
— Не понравилось.
Второй посмотрел на повязку своей левой руки.
— Мне тоже.
На несколько секунд между ними возникло молчание.
Странное.
Почти невозможное ещё несколько дней назад.
Раньше Алексей смотрел на человека напротив и пытался решить, кто из них настоящий.
Теперь вопрос начинал казаться бессмысленным.
Оба помнили то, что произошло до определённого момента.
Оба знали устройство станков, которые когда-то ремонтировал Алексей Воронцов.
Оба могли вспомнить запах старой квартиры.
Работу.
Дорогу.
Анну.
И всё же после разделения у каждого появился собственный следующий день.
— Я сегодня помогал с насосами, — сказал второй. — Фёдор разрешил проверить обратный клапан. Там обычная механика. Никакого Поля, никаких временных контуров. Даже приятно.
— Клапан исправен?
— Нет.
— Значит, чувствуешь себя как дома.
Второй рассмеялся.
Но почти сразу снова стал серьёзным.
— Слушай. Если вы собираетесь искать остальных Операторов, я пока останусь здесь.
— Почему?
— Потому что городу нужен хотя бы один Воронцов, который будет заниматься обычными поломками.
— Ты уверен?
— Нет.
Ответ прозвучал настолько быстро, что Алексей невольно улыбнулся.

Второй продолжил:

— Но если мы оба пойдём искать ответы у HORIZON, получится, что вся наша жизнь опять крутится вокруг неё.

Он постучал пальцем по схеме насоса.

— А это существует независимо от системы. Людям нужна вода. Нужны ворота. Нужны машины. Нужен кто-то, кто будет чинить железо.

Фёдор, стоявший возле шкафа, одобритительно хмыкнул.

— Одного возьму. Двух не прокормлю.

— Спасибо, — ответил основной Алексей.

— Обращайся.

Тим перевёл взгляд с одного мужчины на другого.

— А как мы вас различать будем?

Оба промолчали.

— Ну серьёзно! Я уже сегодня два раза перепутал!

— И что произошло? — спросил второй.

— Один отправил меня за ключом на двадцать четыре, а второй сказал, что такого ключа здесь вообще нет.

Фёдор нахмурился.

— Есть.

Тим победно указал на него.

— Вот!

Фёдор открыл ящик и достал ключ.

— Теперь есть.

Тим некоторое время смотрел на инструмент.

— Я вас всех ненавижу.

Второй задумчиво посмотрел на свои часы.

— Придётся что-нибудь придумать.

Алексей проследил за его взглядом.

03:13.

На своих он увидел:

03:14.

— Может, по часам? — предложил Тим. — У одного тринадцать, у другого три четырнадцать. Очень удобно. Пока вы опять чего-нибудь не сломаете.

Фёдор снял с плиты чайник.

— Особенно удобно, когда кому-то понадобится узнать настоящее время.

Тим вдруг поднял голову.

— Кстати. Алексей, а который сейчас час?

Первый Воронцов машинально взглянул на левое запястье.

— Три четырнадцать.

Подросток посмотрел на окно, за которым уже давно стемнело.

Затем на настенные часы мастерской.

Потом снова на Алексея.

— Ночью?

— Нет. Просто мои часы показывают три четырнадцать.

— А почему ты их не переведёшь?

Алексей замолчал.

Второй Воронцов перестал крутить отвёртку.

Фёдор с чайником в руке медленно повернулся от плиты.

Тим оглядел их по очереди.

— Что?
— Повтори, — попросил основной Алексей.
— Чего повторить?
— Про часы.
— Они ведь идут?
— Идут.
— Ну и поставь нормальное время.
Несколько секунд никто не произносил ни слова.
Фёдор перевёл взгляд с одного инженера на другого.
— Подожди. Я правильно понимаю, что вы оба столько времени изучали эти часы и ни один не попробовал просто перевести стрелки?
— Они триста двенадцать лет стояли на одном месте, — возразил Алексей.
— А теперь идут, — спокойно ответил Тим. — Или я чего-то не понимаю?
Второй Воронцов неожиданно рассмеялся.
Сначала тихо.
Потом громче.
— Нет. По-моему, это мы чего-то не понимаем.
Алексей ещё раз посмотрел на циферблат.
Часы давно перестали быть для него прибором.
Они стали доказательством.
Того, что время остановилось.
Того, что он оказался там, где не должен был оказаться.
Того, что между одним мгновением его жизни и следующим прошло триста двенадцать лет.
Теперь стрелки снова двигались.
А он почему-то продолжал относиться к ним так, словно они принадлежали не ему.
Словно любое прикосновение может нарушить что-то важное.
— Сначала запишем показания, — сказал он.
Тим вздохнул.
— Конечно. Я и забыл, что у нас нельзя просто взять и перевести время.
Алексей достал блокнот и аккуратно написал:
«Левое запястье. Часы А. В. После центрального узла — ход восстановлен. Показания перед переводом: 03:14».
Поставил сегодняшнюю дату по календарю Рубежа, сверившись с пометкой Фёдора.
— Прямо технический паспорт, — заметил мастер.
— У нас уже слишком много вещей, о которых мы забыли записать самое важное.
Он потянул заводную головку.
Ничего не произошло.
— Ну вот, — протянул Тим.
— Погоди.
Алексей осторожно повернул головку.
Минутная стрелка пошла вперёд.
Обыкновенно.
Без сопротивления.
Без щелчка реле где-то под землёй.
Без голоса системы.
Он выставил время по настенным часам мастерской и вернул головку на место.
Секундная стрелка продолжала двигаться.
Ни вспышки.

Ни сигнала HORIZON.

Ни очередного сообщения о нарушении последовательности.

Просто часы.

— Готово, — сказал Тим. — А вы боялись.

— Мы не боялись.

— Конечно.

— Мы проверяли.

— Конечно.

В этот момент в мастерскую вошла Ная.

— Чего боялись?

Алексей поднял руку.

— Кажется, Тим только что решил проблему, над которой безуспешно работали два инженера.

— Какую?

— Научил нас пользоваться часами.

Ная несколько секунд смотрела на него.

Потом на Фёдора.

На второго Алексея.

На Тима.

И рассмеялась.

Не вежливо улыбнулась, а именно рассмеялась, запрокинув голову.

Алексей неожиданно понял, как давно не слышал этого смеха.

Не нервного.

Не после очередной опасности.

Просто смеха.

— А твои? — спросил Тим у второго Воронцова.

Тот прикрыл ладонью циферблат.

— Мои пока не трогаем.

— Почему?!

— Потому что хороший эксперимент требует контрольного образца.

Алексей посмотрел на него.

— Удобное объяснение.

— Учусь.

Фёдор поставил чайник на стол.

— И потому что третий инженер в этом помещении окончательно испортил бы мне вечер.

— Я не инженер! — возмутился Тим.

— Вот это истораживает.

Ная подошла ближе к Алексею.

— Я передала через Миру, что завтра поговорю с ней, — сказала она негромко.

Он сразу понял, о ком речь.

— Со второй Наей?

Ная посмотрела на него.

— Не называй её так при встрече.

— Справедливо.

— И не спрашивай первым делом, кто из нас настоящая.

— Даже не собирался.

— Ты — нет.

Она бросила взгляд на второго Воронцова.

Тот поднял руки.

— Даже не смотрите на меня. У меня с этим вопросом собственные проблемы.
На несколько секунд всем стало неловко.
Потом Ная снова посмотрела на часы Алексея.
Теперь они показывали обычный вечерний час.
— Хорошо, — сказала она. — Хотя с одним вопросом мы сегодня разобрались.
Алексей хотел ответить, но она взяла его за руку.
На её пальцах ещё оставались следы недавней перегрузки.
— Только завтра я пойду одна, — добавила Ная. — По крайней мере, первые несколько минут.
— А если рядом с вами начнёт меняться Поле?
— Мира будет наблюдать со стороны. Мы всё обсудили.
— Измеритель?
— Возьмёт.
— Расстояние между вами?
Ная прищурилась.
— Алексей.
Он замолчал.
Ему очень хотелось предложить ещё несколько условий.
Место.
Время.
Порядок разговора.
Способ быстро развести их в разные стороны, если что-то произойдёт.
Он вспомнил разговор в центральном зале.
Решения.
Чужие решения.
Приказы, которые появлялись без человека, их отдавшего.
— Хорошо, — сказал он.
Ная несколько секунд изучала его лицо.
— Просто хорошо?
— Просто хорошо.
— Запомню этот день.
Она отпустила его руку.
На столе продолжал лежать блокнот.
Последняя строка в нём была написана обычными цифрами:
03:14.
Алексей снова посмотрел на часы.
Теперь на них стояло правильное время.
Обычное.
Местное.
Сегодняшнее.
Стрелки удалось перевести за несколько секунд.
Триста двенадцать лет исчезли с циферблата одним движением пальцев.
Но они никуда не исчезли из его жизни.
Как не исчезла HORIZON.
Как не исчез второй человек с его лицом.
Как не исчезла женщина, которую завтра Ная должна была встретить и увидеть перед собой собственную прожитую жизнь.
За стеной мастерской шумел вечерний Рубеж.
Люди возвращались домой.

Где-то закрывали ворота.

Кто-то тащил воду.

Кто-то спорил.

Кто-то укладывал детей спать, даже не подозревая о древней системе под землёй и цифрах, которые уже начали следующий отсчёт.

Из соседней комнаты донёсся голос Тима:

— Фёдор! Я всё равно говорю, стартер можно собрать быстрее!

— Можно! Если потом его не заводить!

— А я докажу!

— Только не на моей машине!

Ная улыбнулась.

Второй Алексей снова склонился над схемой насоса.

Один обычный вечер.

В городе, где теперь существовали два Алексея Воронцова и две Наи.

В мире, которому однажды уже назначили Нулевой день.

И триста шестьдесят четыре дня до следующего.

Глава 2. Две жизни

Утром Алексей проснулся раньше мастерской.

По крайней мере, раньше Фёдора. Из соседнего помещения ещё не доносилось привычного звона инструментов, а генератор работал на малых оборотах. За окном кто-то перегонял телегу через двор. Колесо раз за разом попадало в одну и ту же выбоину.

Алексей некоторое время лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к обычным звукам города.

Потом посмотрел на часы.

Они показывали без двадцати семь.

Он сверился с настенными. Разница составляла меньше минуты.

Впервые за несколько дней результат проверки его удовлетворил.

На кухне обнаружилась Ная. Она сидела возле окна и пыталась завязать ремешок на повреждённой руке. Рядом лежал свёрнутый бинт.

— Не выходит? — спросил Алексей.

— Выходит. Просто медленно.

Он налил воды в чайник.

— Мира уже пришла?

— Через час будет ждать у медицинского центра.

— Хорошо.

Ная затянула ремешок, испытующе пошевелила пальцами и поморщилась.

— Алексей.

— Что?

— Я вчера сказала, что хочу поговорить с ней сама.

— Помню.

— Тогда почему у тебя такой вид, словно ты собираешься идти следом?

Он закрыл кран.

— Потому что я действительно об этом думал.

Она вздохнула.

— Лёш.

— Уже передумал.

— Быстро.

— Учусь.

Ная некоторое время смотрела на него, затем осторожно улыбнулась.

— Если захочешь помочь, найди Фёдора. Пусть он выяснит, можно ли подключить переносной измеритель Поля к старому регистратору. Мира говорила, что прибор отмечает изменения, но не сохраняет их.

— А если система подменит показания?

— Вот поэтому и нужен Фёдор. Я ведь не предлагаю слепо верить прибору.

Алексей вынужден был признать, что замечание справедливое.

— Договорились.

Он поставил чайник на плиту.

— И ещё, — сказала Ная.

— Слушаю.

— Не приходи туда через пять минут под каким-нибудь убедительным предлогом.

Алексей посмотрел на неё.

— А если у меня действительно появится убедительный предлог?

— Придумаешь, как прожить с ним ещё полчаса.

Он усмехнулся.

Ная встала.

У двери задержалась.

— И не переживай.

— Я не переживаю.

— Конечно.

— Я просто рассматриваю возможные варианты развития событий.

— Именно это ты называешь переживаниями, только длиннее.

Она вышла.

Алексей ещё несколько секунд смотрел на закрывшуюся дверь.

Потом снял чайник с плиты.

— Полчаса, — пробормотал он.

И сам себе не поверил.

Медицинский центр занимал бывшее административное здание возле восточной стены. После Падения его несколько раз перестраивали: часть окон заложили кирпичом, между корпусами появился крытый переход, а во дворе устроили небольшой огород для лекарственных растений.

Ная остановилась возле ворот.

Мира ждала у низкого каменного ограждения. Она выглядела отдохнувшей, хотя под глазами ещё оставались тёмные круги.

— Как рука? — спросила она вместо приветствия.

— Лучше. А голова?

— Пока моя.

Они обменялись короткими улыбками.

За ограждением находился открытый двор с двумя скамейками. Между ними росло старое дерево, корни которого подняли несколько плит дорожки. Слева тянулась стена больничного корпуса, справа стоял навес для тележек.

На дальней скамейке уже сидела женщина.

Ная узнала её сразу.

От этого узнавания стало не по себе.

Она видела себя в отражениях, в мутных зеркалах старых домов, на редких уцелевших фотографиях.

Но отражение повторяло движения.

Эта женщина — нет.

Она сидела, чуть опустив голову, и машинально тёрла большим пальцем край рукава.

Ная знала эту привычку.

Знала, когда она появилась.

Знала даже, что человек делает так, когда пытается выглядеть спокойнее, чем чувствует себя на самом деле.

И именно это оказалось страшнее одинакового лица.

Женщина подняла голову.

Встала.

На ней была простая серая куртка, выданная в медицинском центре. Волосы она собрала на затылке. На левой руке виднелся след от недавно снятой повязки.

— Привет, — произнесла она.

Голос был знакомым.

И всё же не своим.

Чужая пауза перед первым словом.

Чуть более хриплая интонация.

— Привет, — ответила Ная.
Мира осталась возле ворот.
— Я буду здесь. Если почувствуете головокружение, резкую боль или что-нибудь необычное, сразу расходитесь. Договорились?
Обе одновременно кивнули.
Мира заметила это и отвела взгляд.
— Ну вот. Начинается.
Женщина у скамейки невольно улыбнулась.
Ная тоже.
Несколько секунд они молчали.
— Я хотела встретиться ещё вчера, — сказала Ная. — Но мы поздно вернулись.
— Знаю. Мира рассказала.
— Ты как?
— Все задают мне этот вопрос.
— Мне тоже.
— И что отвечаешь?
Ная посмотрела на стоявшую между ними скамейку.
— Обычно вру, что нормально.
Женщина кивнула.
— Хороший ответ. Я тоже им пользуюсь.
Они сели на разные концы длинной скамейки, оставив между собой достаточно места.
Здесь не было ни экранов HORIZON, ни операторских площадок, ни белых коридоров. Пахло влажной землёй и нагретым солнцем кирпичом. Из соседнего корпуса доносились голоса медиков.
Но молчание всё равно оказалось тяжелее, чем Ная ожидала.
Она несколько раз пыталась начать разговор.
И каждый раз понимала, что не знает, какой вопрос можно задать человеку, который уже знает почти все ответы.
Наконец другая женщина заговорила сама.
— Они по-прежнему называют меня второй.
— Я попросила Алексея этого не делать.
— Спасибо.
— Хотя сама ещё не знаю, как иначе.
— Я тоже.
Они посмотрели друг на друга.
— Нас обеих зовут Ная, — продолжила женщина. — Насколько я помню, раньше этого никого не смущало.
— Раньше нас было меньше.
Женщина коротко рассмеялась.
— Наверное, можно выбрать другое имя.
— Если захочешь.
— Вот именно. Если захочу. Я не собираюсь делать это только для того, чтобы остальным было удобнее.
Ная почувствовала неожиданное облегчение.
Эту фразу она вполне могла бы произнести сама.
— Тогда пока будем путаться.
— Переживут.
Женщина помолчала.
— Странно.

— Что?

— Я знаю, почему меня зовут Наей.

Улыбка Наи исчезла.

— Я тоже.

— Вот именно.

Женщина посмотрела на свои руки.

— Я помню тот же голос. Тот же обрывок. То же ощущение, когда из чего-то непонятного получилось имя. Я не узнала его от тебя. Не прочитала где-нибудь. Это моё воспоминание.

— Наше, — тихо сказала Ная.

Вторая подняла глаза.

— Было нашим.

Ная не ответила.

— Наверное, в этом всё и заключается, — продолжила другая. — До какого-то момента невозможно сказать, где заканчиваешься ты и начинаюсь я.

— А потом?

— А потом я проснулась здесь.

Она оглянулась на медицинский корпус.

— Ты ушла в одну сторону. Я осталась в другой. И с этого момента появилось хотя бы одно воспоминание, которого у тебя нет.

— Какое?

— Первое утро.

Ная ждала.

— Я проснулась и несколько секунд не понимала, почему рядом никого нет. Потом пришла женщина из медцентра и спросила, как меня зовут.

— И ты сказала «Ная».

— Да.

— Сразу?

— Сразу.

Она улыбнулась без веселья.

— Потом она спросила фамилию.

Ная почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— И что ты ответила?

— Ничего.

Молчание.

— Я могла назвать имя, — продолжила вторая Ная. — А дальше была пустота. И знаешь, что я подумала?

— Что?

— Что, может быть, имя тоже не моё.

Ная медленно повернула голову.

— А потом?

— Потом поняла: если начать отказываться от всего только потому, что этим обладаешь и ты, у меня вообще ничего не останется.

Она посмотрела прямо на неё.

— Поэтому я оставила имя.

— Правильно, — подтвердила Ная.

— Тебя это не раздражает?

— Нет.

— Совсем?

Ная задумалась.

— Меня раздражает не имя.

— А что?

Ответить оказалось труднее.

— Иногда я смотрю на тебя и понимаю, что ты помнишь вещи, которые я считала только своими.

Вторая не отвела взгляд.

— Например?

Ная почти сразу пожалела о начатом разговоре.

Но отступить было поздно.

— Рана.

— Да.

— Первую ночь после него.

— Да.

— То, как мы нашли Рубеж.

— Помню.

— Алексея.

На этот раз пауза стала длиннее.

— Тоже помню, — сказала вторая.

Ная опустила взгляд.

— Вот это и раздражает.

— Что я помню его?

— Нет.

Она покачала головой.

— Что часть меня хочет считать эти воспоминания доказательством того, что я — настоящая, а ты нет.

Вторая Ная ничего не сказала.

— Глупо, — продолжила первая. — Я понимаю.

— Не глупо.

— Очень глупо.

— Тогда мы обе глупые.

Ная подняла голову.

— Ты тоже?

— Конечно.

Вторая Ная усмехнулась.

— Ты думаешь, я смотрю на тебя и спокойно рассуждаю о разделении временных контуров?

Она повернулась к первой всем корпусом.

— Я вижу человека, который живёт той жизнью, которую помню я.

Эти слова ударили неожиданно сильно.

— Это не твоя жизнь.

— Знаю.

— Тогда зачем так говоришь?

— Потому что знать и чувствовать — не одно и то же.

Первая Ная замолчала.

Вторая продолжила:

— Я помню, как смотрела на Алексея.

— Я тоже.

— Помню, что чувствовала.

— Да.

— Помню вещи, о которых мы ему не говорили.
Ная напряглась.
Женщина сразу заметила.
— Я не собираюсь их рассказывать.
— Я не поэтому.
— А почему?
Ная не нашла ответа.
Вторая некоторое время смотрела на неё.
— Ты боишься, что для него я тоже буду тобой.
Ная отвернулась.
Со стороны ворот Мира демонстративно заинтересовалась каменной кладкой.
— Иногда, — призналась Ная.
— А я боюсь обратного.
— Чего?
— Что он никогда не увидит во мне ничего, кроме тебя.
Ная снова посмотрела на неё.
Вторая улыбнулась, но теперь в этой улыбке почти не было веселья.
— Вот видишь. Удобного варианта нет.
— Ты...
Ная остановилась.
— Что?
— Ты его любишь?
Вопрос наконец прозвучал.
Тот самый, вокруг которого они обе ходили с первых минут.
Женщина не ответила сразу.
Несколько секунд она смотрела во двор.
— Я не знаю.
Ная нахмурилась.
— Как можно не знать?
— Очень просто. Я помню любовь.
Она снова посмотрела на Наю.
— Но память о чувстве и чувство сейчас — это одно и то же?
Ная молчала.
— Представь, что ты помнишь, как боялась какого-то места, — продолжила вторая. —
А потом возвращаешься туда через много лет и страха уже нет. Был ли тот страх настоящим?
— Был.
— Но он не обязан остаться.
— Нет.
— Вот и я не знаю.
Она провела пальцами по медной пуговице куртки.
— Когда я думаю об Алексее, внутри что-то есть. Тепло. Тревога. Желание увидеть его.
Но я не могу сказать, что из этого моё сегодняшнее чувство, а что досталось мне вместе с воспоминаниями.
Ная слушала молча.
— И ещё хуже, — добавила вторая. — Я не хочу проверять это только потому, что
должна.
— Кому должна?
— Прошлему.
Ответ оказался неожиданным.

— Мы слишком долго жили так, будто всё, что было раньше, обязательно должно определять всё, что будет потом.

Она усмехнулась.

— Даже смешно. У нас почти нет памяти о Старом мире, зато те обрывки, что сохранились, всё равно пытаются командовать.

Ная вспомнила слова Рана.

Пятого.

Предупреждение.

Страх.

Собственные обрывки.

— Значит, что будем делать? — спросила она.

— Ничего.

— Исчерпывающе.

— А что ещё?

Вторая пожала плечами.

— Алексей не вещь. Ты сама это знаешь.

— Знаю.

— Значит, нельзя решить: «он твой» или «он мой».

— Согласна.

— И нельзя потребовать от него выбрать, кто из нас настоящая.

Ная поморщилась.

— Я вообще не хочу слышать этот вопрос.

— Я тоже.

— Потому что ответ может не понравиться?

— Потому что вопрос неправильный.

На этот раз Ная улыбнулась первой.

— Хорошо сказано.

— Я долго училась.

Они обе замолчали.

Со стороны ворот донёсся сдавленный смешок Миры.

Две женщины одновременно повернули головы.

— Кажется, Алексей ещё не понял, во что ввязался, — сказала Мира.

— Во что? — одновременно спросили обе Наи.

Мира рассмеялась.

— Вот! Мало ему было одной упрямой женщины. Теперь вас двое.

— Не переживай, — сказала вторая Ная. — Мы только что решили его не делить.

Мира кашлянула.

Первая Ная медленно повернулась к собеседнице.

— Ты обязательно должна была это сказать?

— Хотела проверить, краснеешь ли ты так же, как я.

— И?

Вторая внимательно посмотрела.

— К сожалению, да.

Мира отвернулась, но плечи у неё заметно дрожали.

Напряжение немного отпустило.

Разговор постепенно стал легче.

Теперь им уже не приходилось осторожно обходить каждую фразу.

Они сравнивали не детство и не воспоминания о Старом мире. С тем прошлым у обеих оставалось слишком много пустот.

Они говорили о последних днях.

О том, как первая Ная стояла рядом с Алексеем у центрального узла.

О том, как другая училась заново удерживать чашку после повреждения руки.

О людях, которые помогали, стараясь при этом не смотреть слишком пристально.

— К тебе приходил Тим? — спросила первая.

— Вчера. Принёс какую-то железку.

— Это означает, что ты ему понравилась.

— Он сказал, что она почти наверняка пригодится.

— Это означает, что очень понравилась.

Женщина улыбнулась, потом отвела взгляд.

— Он ещё спросил, помню ли я Рана.

Ная перестала улыбаться.

— И что ты сказала?

— Что помню. Как и ты.

Это было правдой.

Воспоминания о тех годах, которые они прожили до разделения контуров, принадлежали обоим.

Ран вывел Наю из опасной зоны, научил искать воду, определять безопасные места для ночлега и не верить людям, которые предлагают помощь слишком настойчиво.

Обе помнили его голос.

Его привычку сначала осматривать дверь, а уже потом входить.

И последнее предупреждение.

— Он сказал держаться подальше от Пятого, — произнесла первая Ная.

— А мы обе сделали всё наоборот.

— Очень последовательно.

— В нашем стиле.

Первая посмотрела на свои руки.

— Теперь хотя бы знаем, кто такой Пятый.

— Знаем человека, которого HORIZON называет Пятым.

Ная подняла голову.

— Есть разница?

— После последних дней?

— Справедливо.

— И мы всё ещё не знаем, почему Ран боялся его появления.

Ная собиралась возразить, что Ран мог предупреждать не об Алексее, а о том, что случится после его пробуждения.

Но поняла, что это будет только догадка.

— Значит, узнаем.

— Вместе?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Первая Ная подняла голову.

— Ты ведь говорила, что хочешь жить самостоятельно.

— Одно другому не мешает.

Вторая немного помолчала.

— Я не хочу становиться твоей копией, которую поселили в соседней комнате и иногда зовут на эксперименты.

— Я бы тоже не хотела.

— Но и делать вид, будто между нами ничего общего, глупо.

— Очень много общего.

— Почти всё прошлое.
— Да.
— Значит, можем делиться тем, что узнаём. А решения принимать отдельно.
— Договорились, — сказала первая Ная.
— И если одна из нас вспомнит что-нибудь раньше другой...
— Расскажет.
— Даже если воспоминание неприятное?
Ная посмотрела на неё.
— Особенно если неприятное.
— Хорошо.
Несколько секунд они молчали.
Потом вторая спросила:
— А если вспомним разное?
Ная замерла.
Этот вариант ей в голову не приходил.
— В смысле?
— Представь. Ты помнишь событие одним образом. Я — другим.
— Почему так должно произойти?
— Не знаю.

Вторая пожала плечами.
— Мы вообще мало знаем о том, что с нами сделали. Если разделились не только тела?
Ная почувствовала неприятное движение внутри.
— Тогда будем проверять.
— Как Алексей?
— Видимо, заразно.
— Записывать воспоминания?
— Почему нет?
— «Сегодня вспомнила, что ненавижу варёную репу».
— Я её ненавижу.
Вторая Ная задумалась.
— Я тоже.
— Пока совпадает.
— Хорошее начало.
Обе улыбнулись.

И вдруг Ная поняла, что впервые за всё утро перестала видеть перед собой собственную копию.

Лицо оставалось её.
Голос — почти её.
Воспоминания — большей частью общие.
Но человек напротив уже переставал быть отражением.
Появились мелочи.
Иная пауза.
Другой порядок слов.
Чуть более резкий смех.
Способ держать руки.

Ная не могла сказать, существовали ли эти различия с самого момента разделения или появлялись прямо сейчас.

Но они были.

И почему-то именно это успокаивало больше всего.

В этот момент со стороны больничного корпуса донёлся металлический звон.

Сотрудник выкатил тележку с чистым бельём и задержался, увидев двух женщин на одной скамейке.

Он замер так откровенно, что первая Ная не выдержала.

— Две простыни, пожалуйста. Нам обеим.

Мужчина покраснел и поспешно скрылся за дверью.

Вторая расхохоталась.

— Представляю, что он теперь расскажет.

— Главное, пусть правильно посчитает.

— Думаешь, к обеду весь Рубеж будет знать?

— К обеду?

Ная покачала головой.

— Ты слишком хорошо думаешь о местной скорости распространения новостей.

Мира у ворот улыбнулась.

Но тут же посерьёзнела.

— Остановитесь.

Ная замерла.

— Что?

— Не двигайтесь пока.

Мира положила ладонь на каменную ограду.

Несколько секунд она смотрела не на женщин, а куда-то между ними.

— Поле? — спросила первая Ная.

— Слабое изменение. Я не уверена, что из-за вас. Но до разговора его не было.

Веселье исчезло мгновенно.

Вторая медленно отодвинулась к краю скамейки.

— Так лучше?

Мира помолчала.

Закрыла глаза.

— Да. Кажется, возвращается к обычному состоянию.

— Значит, близко нам пока сидеть нельзя, — заметила вторая.

— Я этого не говорила, — возразила Мира. — Мы наблюдали меньше часа. По одному изменению нельзя делать вывод.

Первая Ная взглянула на спутницу.

Ей хотелось придвинуться ближе и проверить, действительно ли расстояние имеет значение.

Почти физически хотелось.

Получить ответ сразу.

И одновременно она вспомнила, сколько раз за последние дни кто-то решал за них, что именно следует проверить.

Каким риском можно пренебречь.

Какой эксперимент необходим.

— Сегодня больше не проверяем, — сказала она.

Вторая посмотрела на неё.

— Согласна.

Ная отметила про себя, что та даже не спросила, почему.

Мира облегчённо выдохнула.

— Впервые за всё утро разумное решение без моего участия.

— Запиши дату, — предложила вторая Ная.

— Обязательно.

В это время Алексей и Фёдор пытались разобраться с переносным регистратором. Снаружи прибор выглядел прилично. Прочный корпус, два разъёма и небольшой экран под поцарапанным прозрачным стеклом.

Внутри всё оказалось значительно менее обнадёживающим.

— Не нравится мне эта плата, — сказал Фёдор.

— Мне тоже. Но разбирать её не собираемся.

— Тогда зачем открыл?

— Посмотреть, откуда снимается сигнал.

— Посмотрел?

— Да.

— Закрывай.

Алексей осторожно вернул крышку на место.

— Нам нужна независимая запись, — сказал он. — Мира может почувствовать изменение, но пока она расскажет, что именно ощущала, мы уже потеряем время и последовательность событий.

Фёдор показал на боковой разъём.

— Здесь обычная сигнальная линия. Если он действительно выдаёт данные, можно попробовать записывать их отдельным самописцем. Но сначала проверим, не управляет ли эта коробка чем-нибудь ещё.

— Из-за HORIZON?

— Из-за того, что это неизвестное оборудование. HORIZON только ухудшает ситуацию.

В дверь постучали.

На пороге стоял Егор.

В руках он держал сложенный лист с городской печатью.

— Глеб просил зайти к нему после обеда.

— Случилось что-то?

— Пока не знаю. В медцентр принесли распоряжение о переводе одной пациентки в закрытое отделение.

Алексей медленно положил отвёртку.

— Какой пациентки?

— Той, которая больше всего похожа на Наю.

Фёдор убрал прибор в ящик.

— А подпись чья?

Егор развернул лист.

— На бумаге — распоряжение городской администрации. Только Глеб говорит, что ничего подобного не отдавал.

Алексей протянул руку.

Документ был напечатан на старой машинке, с несколькими исправлениями от руки.

Подпись отсутствовала.

Вместо неё стояла отметка:

«Подтверждено дежурным устно».

— Кто дежурный?

— Сейчас выясняем.

Алексей снова посмотрел на лист.

Формулировка была разумной.

Даже осторожной.

Вторая Ная действительно находилась под наблюдением врачей.

Близость двух контуров могла оказаться опасной.

Закрытое отделение выглядело как понятная мера предосторожности.

Если не считать одного обстоятельства.

Ту, ради кого всё это предлагалось, никто не спросил.

Алексей вспомнил вчерашний разговор.

Чужое решение.

Оно снова появилось.

На этот раз не из терминала.

На обычном листе бумаги.

— Передай Глебу, что мы придём, — сказал он. — Но сначала я хочу узнать, что думают сами женщины.

— У них сейчас встреча, — напомнил Егор.

— Значит, подождём, пока она закончится.

Фёдор посмотрел на бумагу.

— А дежурному пока скажите не исполнять распоряжение, источник которого никто не может назвать.

— Уже сказал, — ответил Егор.

Алексей поднял голову.

— Когда?

— Пять минут назад. Он очень удивился. Уверял, что перевод уже согласован со всеми необходимыми людьми.

— И кто эти люди?

Егор помрачнел.

— Вот именно это мы и пытаемся выяснить.

Когда Ная выходила из медицинского двора, другая женщина догнала её у ворот.

— Подожди.

Она остановилась.

— Что такое?

Вторая вытащила из кармана небольшой металлический предмет.

Это была старая медная монета с отверстием у края.

— Тим оставил вчера. Сказал, что она приносит удачу. И что если мне не понравится лежать здесь, я могу попросить Фёдора разрешить помогать в мастерской.

Ная улыбнулась.

— Похоже на него.

— Я хотела отдать тебе.

— Зачем?

Вторая посмотрела на монету.

— Не знаю. Наверное, потому что она досталась мне случайно.

— И?

— Было ощущение, что всё случайное должно вернуться к тебе.

Ная нахмурилась.

— Почему ко мне?

— Потому что ты была первой.

Ная молчала несколько секунд.

Потом покачала головой.

— Нет.

— Что нет?

— Не отдавай.

— Я уже решила оставить.

— Хорошо.

— Даже не будешь спорить?

— Нет.

Вторая усмехнулась.

— Кажется, мы сегодня обе сильно изменились.

— Не преувеличивай.

Женщина сжала монету в ладони.

— Знаешь, что я поняла?

— Что?

— У нас одинаковое прошлое. По крайней мере, та его часть, которую мы помним.

Она подняла монету.

— Но этой штуки в твоём прошлом уже нет.

— Зато теперь она есть в твоём настоящем.

— Вот именно.

Она убрала монету обратно в карман.

— Сегодня утром Тим пришёл ко мне. Тебя там не было. Я с ним разговаривала. Я решила оставить монету. Я сидела на этой скамейке и разговаривала с тобой.

Ная слушала.

— Мелочи, — продолжила вторая. — Но они уже мои.

— А сегодняшнее утро у меня другое.

— Да.

Молчание на этот раз не давило.

Впервые это не казалось странным.

— Значит, завтра различий станет больше, — сказала Ная.

— Наверное.

— Через месяц ещё больше.

— Если нас к тому времени снова не соединит какая-нибудь древняя машина.

Ная поморщилась.

— Не надо.

— Согласна.

Женщина посмотрела на медицинский корпус.

— В следующий раз встретимся не как пациентка и посетительница.

— А как?

— Пока не придумала. Но точно не здесь.

— В мастерской?

— Если Фёдор меня не выгонит.

— Он сначала будет ворчать.

— Я помню.

— Потом даст работу.

— Тоже помню.

Ная улыбнулась.

— Видишь? Иногда общая память полезна.

Вторая протянула руку первой.

На мгновение обе замерли.

Слишком свежо было предупреждение Миры.

— Может, не стоит, — сказала Ная.

— Может.

Ни одна не убрала руку.

— Быстро, — предложила вторая.

— Очень научный подход.

— Учусь у Воронцова.

Ная всё-таки протянула ладонь.

Их пальцы соприкоснулись.

Слабая боль прокатилась по запястью первой Наи.

Одновременно Мира резко повернула голову.

Они сразу разжали руки.

— Кажется, над рукопожатиями нам тоже придётся поработать, — сказала вторая.

— Без фанатизма, — отозвалась Мира.

Ная смотрела на женщину напротив.

На знакомое лицо.

На человека, который помнил её страхи.

Её потери.

Рана.

Алексея.

Имя, которое когда-то возникло из обрывка другого имени.

Ещё утром Ная боялась, что эта женщина отнимет у неё часть прошлого.

Теперь она впервые подумала иначе.

Прошлое не становилось меньше оттого, что его помнили двое.

Просто дальше оно расходилось.

На две жизни.

— До встречи, — сказала Ная.

— До встречи, Ная.

Они обе улыбнулись.

Ни одна не попросила другую изменить имя.

Выйдя на улицу, первая Ная заметила Егора.

Он ждал возле ограды, держа в руке сложенный лист.

При виде бумаги и его выражения лица она сразу поняла:

спокойное утро закончилось.

— Что случилось?

— Кто-то очень хочет перевести нашу новую знакомую в закрытое отделение, — ответил он.

Ная протянула руку.

— Покажи.

Она прочитала распоряжение один раз.

Затем второй.

Несколько минут назад женщина во дворе впервые сказала вслух, что сегодняшнее утро принадлежит только ей.

А теперь кто-то уже решил, где она должна провести следующий день.

Ная почувствовала, как внутри поднимается холодная злость.

— Это не Глеб, — произнесла она.

— Он говорит то же самое.

— Тогда кто?

Егор посмотрел на городскую печать.

— Человек, который рассчитывал, что никто не станет задавать этот вопрос.

Глава 3. Чужая печать

Ная дочитала распоряжение до конца и ещё несколько секунд смотрела на бумагу.

— Где ты это взял?

— В администрации, — ответил Егор. — Точнее, Глеб дал. А ему принесли из медицинского центра.

— Кто?

— Сейчас выясняют.

Она перевела взгляд на печать внизу листа.

Круглая. Слегка смазанная с правой стороны. По краю шла надпись «Администрация Рубежа», в центре — старый символ поселения: железнодорожное колесо над линией стены.

Ная видела такую печать десятки раз.

На пропусках.

На разрешениях для экспедиций.

На торговых документах.

На бумагах Глеба.

— Настоящая? — спросила она.

— На вид — да.

— А подписи нет.

— Есть пометка, что распоряжение подтверждено дежурным устно.

— Каким дежурным?

— Вот это и пытаемся понять.

Ная снова прочитала текст.

Перевести пациентку в закрытое отделение до выяснения характера реакции Поля.

Ограничить контакты.

Посещения только с разрешения администрации и медицинской службы.

Наблюдение Чувствующего обязательно.

Если забыть, о ком идёт речь, решение действительно выглядело разумным.

После того, что Мира почувствовала между двумя Наями, любой осторожный человек мог предложить именно это.

Возможно, поэтому документ и раздражал сильнее всего.

— Она должна это увидеть, — сказала Ная.

Егор посмотрел в сторону медицинского двора.

— Я тоже так думаю.

— Алексей уже знает?

— Да.

— И?

— Сказал, что сначала хочет спросить вас.

Ная невольно усмехнулась.

— Учится.

— Понемногу.

Они вернулись во двор.

Вторая Ная всё ещё стояла возле скамейки. Мира находилась рядом и что-то записывала в небольшой блокнот.

Увидев их, обе подняли головы.

— Я так понимаю, спокойное утро закончилось, — сказала вторая Ная.

— Похоже на то.

Ная протянула ей лист.

Та прочитала.
Сначала быстро.
Потом медленнее.
Во второй раз остановилась на строчке «перевести в закрытое отделение».
— Когда?
— Распоряжение поступило сегодня утром, — ответил Егор.
— Кто его отдал?
— Не знаем.
Она подняла взгляд.
— Тогда почему мы вообще это обсуждаем?
— Потому что на нём настоящая городская печать.
— Это делает его умнее?
Егор чуть улыбнулся.
— Нет.
— Тогда хорошо.
Женщина сложила бумагу пополам и вернула ему.
— Я никуда не переезжаю.
Мира закрыла блокнот.
— Подожди. Само предложение наблюдать за тобой не лишено смысла.
Вторая Ная повернулась к ней.
— Я и не отказываюсь от наблюдения.
— Закрытое отделение позволило бы ограничить случайные контакты.
— А обычная комната и табличка на двери не позволят?
— Позволят.
— Тогда зачем закрытое?
Мира не ответила сразу.
Ная смотрела на неё внимательно.
Мира не любила признавать, что не знает ответа, но и придумывать его не собиралась.
— С медицинской точки зрения я не вижу необходимости запираить тебя, — наконец сказала она. — По крайней мере сейчас.
— Вот и всё.
— Но если реакция Поля усилится...
— Тогда поговорим ещё раз.
— Согласна.
Вторая Ная посмотрела на Егора.
— Передай Глебу, что я готова выполнять разумные меры безопасности. Но распоряжение неизвестного человека выполнять не собираюсь.
— Лучше передай сама.
— Он хочет меня видеть?
— Думаю, теперь хочет.
Она вздохнула.
— Я только начала привыкать к тому, что могу спокойно сидеть на скамейке.
Первая Ная усмехнулась.
— Добро пожаловать обратно в нормальную жизнь.
— Если это ваша нормальная жизнь, начинаю понимать, почему я лежала в больнице.
К тому моменту, когда они пришли в администрацию, в кабинете Глеба уже находились Алексей, Фёдор и ещё двое мужчин.
Одного Ная знала.
Матвей отвечал за часть городской связи и дежурные линии.

Второй был невысоким мужчиной лет сорока, с узким лицом и чернильным пятном на большом пальце.

Он сидел на краю стула и выглядел так, словно лично уничтожил половину Рубежа, хотя пока его обвиняли только в неправильной бумаге.

Глеб стоял возле окна.

На столе перед ним лежало распоряжение.

Рядом — ещё несколько документов с такими же печатями.

— Все здесь? — спросил он.

Увидев вторую Наю, кивнул ей.

— Присаживайся.

— Я постою.

Глеб не стал спорить.

Алексей перевёл взгляд с одной Наи на другую.

На секунду задержался.

Потом, видимо, решил, что задавать вопрос «кто из вас кто» сейчас не лучший момент.

Ная заметила это и едва удержалась от улыбки.

Глеб указал на него.

— Савва Мельник. Дежурный писарь администрации.

— Писарь, — недовольно уточнил тот. — Не дежурный.

— Сегодня дежурный.

— Это временно.

— Савва, — устало произнёс Глеб.

— Молчу.

Глеб положил ладонь на распоряжение.

— Документ напечатан здесь.

Алексей поднял голову.

— Уверены?

— Савва узнал машинку.

Савва немедленно вмешался:

— Не машинку. Литеру.

Фёдор посмотрел на него.

— Какую?

Савва взял лист и ткнул пальцем в строку.

— Вот. Буква «д». Видите?

Все наклонились.

Фёдор первым выпрямился.

— Нет.

— Потому что вы не знаете наши машинки.

— С этим спорить трудно.

Савва раздражённо постучал ногтем по бумаге.

— У второй машинки в канцелярии литер «д» чуть выше остальных. Совсем немного.

А «о» иногда пробивает правый край сильнее. Здесь всё есть.

Алексей забрал лист.

Теперь, зная, куда смотреть, он действительно заметил небольшое смещение.

— То есть распоряжение напечатали в этом здании?

— На второй машинке, — ответил Савва. — Если только кто-нибудь не нашёл такую же с точно таким же износом.

— Кто имеет к ней доступ?

Савва задумался.

— Днём половина администрации.
Глеб поморщился.
— Более точно.
— Я. Дарья. Иногда Лидия, если ей нужно сделать копию. Ваш помощник. Дежурные по связи. Медики приходят за бланками. Начальники участков...
— Понятно.
— Я же говорю — половина администрации.
Алексей посмотрел на печать.
— А это?
Глеб достал из ящика небольшой металлический штамп с деревянной ручкой.
Поставил рядом с листом.
— Основная печать.
Ная нахмурилась.
— Она просто лежит у тебя в столе?
— Нет. Обычно в сейфе.
— Обычно?
Глеб недовольно посмотрел на Савву.
Тот развёл руками.
— Утром печать была в канцелярии.
— Почему?
— Потому что вчера вечером оформляли пропуска на северный участок. Потом пришла ведомость по воде. Потом список пайков для больницы. Потом Матвей принёс запрос на дополнительные аккумуляторы.
Матвей поднял ладонь.
— Я только принёс бумагу.
— А печать кто убрал?
Савва замолчал.
Глеб закончил за него:
— Никто не помнит.
В кабинете стало тихо.
Фёдор взял штамп.
Перевернул.
На металлической части остались следы засохшей синей краски.
— И сколько человек могли им воспользоваться?
— Теоретически? — спросил Глеб.
— Не люблю это слово, но да.
— Несколько десятков.
— Отлично.
Алексей посмотрел на Фёдора.
— Ты начинаешь злоупотреблять этим словом.
— Учусь у тебя.
Вторая Ная всё это время молча слушала.
Теперь подошла к столу.
— Получается, любой человек мог напечатать бумагу, поставить печать и решить, что меня нужно запереть?
— Не совсем, — ответил Глеб. — Документ ещё должен был попасть в медицинский центр.
— И попал.
— Да.

— Значит, кто-то его отнёс.
Глеб кивнул Матвею.
Тот открыл записную книжку.
— В медцентр распоряжение принёс мальчишка из службы доставки. Ему лет тринадцать. Он получил конверт возле южной лестницы администрации.
— От кого?
— От женщины.
Ная сразу спросила:
— Какой женщины?
— Обычной.
Егор фыркнул.
— Сильно сузил круг.
— Я передаю его слова. Тёмная куртка. Платок. Лет сорок. Может, меньше. Может, больше. Он её раньше не видел.
— Поговорить с ним можно? — спросил Алексей.
— Уже разговаривали.
— И?
— Она сказала отнести конверт заведующему медицинским центром и передать, что распоряжение срочное.
— Деньги дала?
— Нет.
— Имя назвала?
— Нет.
Алексей медленно кивнул.
— Значит, мальчишка просто выполнил обычную работу.
— Именно.
Глеб посмотрел на Савву.
— А кто напечатал документ?
Савва покачал головой.
— Не знаю.
— Ты сегодня с какого времени здесь?
— С шести.
— Машинкой пользовался?
— Конечно.
— Видел этот лист?
— Нет.
— Кто приходил?
Савва начал перечислять.
Двое снабженцев.
Начальник южной мастерской.
Девушка из больницы.
Караульный.
Человек от водокачки.
Лидия.
Три посыльных.
Кто-то из торговой службы.
Через минуту список перестал иметь смысл.
Администрация Рубежа не была секретным объектом.
Сюда постоянно входили люди.

Одни приносили бумаги.
Другие забирали разрешения.
Третьи просто искали Глеба.
Алексей подошёл к окну.

Во дворе мужчина разгружал ящики с овощами. Рядом двое рабочих спорили с охранником о проезде телеги.

Обычный город.
Именно это делало происходящее опасным.
Для поддельного распоряжения не потребовалось взламывать HORIZON.
Не потребовалось сложной аппаратуры.
Достаточно было знать, где стоит машинка и где лежит печать.

— Что было бы дальше? — спросил он.

Глеб повернулся.

— В каком смысле?

— Допустим, никто не задаёт вопросов. Медцентр получает распоряжение. Что происходит?

Мира ответила первой:

— Вторую Наю переводят в изолированную палату.

— Кто принимает решение?

— Дежурный врач, если документ считается действительным.

— Потом?

— Ограничивают посещения.

— Кто имеет доступ?

— Медики. Я. Люди с отдельным разрешением администрации.

Алексей посмотрел на Глеба.

— То есть её отделяют от первой Наи, от меня, от остальных. И при этом все считают, что поступают правильно.

Глеб нахмурился.

— К чему ты ведёшь?

— Пока ни к чему. Просто пытаюсь понять схему.

Вторая Ная скрестила руки.

— Очень приятно быть схемой.

Алексей обернулся.

— Прости.

— Продолжай. Только помни, что схема умеет разговаривать.

Фёдор едва заметно усмехнулся.

Алексей снова посмотрел на документ.

— Кто-то не приказал украсть человека. Не прислал вооружённых людей. Он предложил вполне разумную меру безопасности.

Мира медленно кивнула.

— После сегодняшней реакции Поля я сама могла бы предложить наблюдение.

— Именно.

— Но не закрытое отделение.

— А другой врач мог бы.

Глеб сел за стол.

— То есть ты думаешь, что тот, кто это сделал, рассчитывал не на приказ, а на нашу осторожность.

— Я думаю, что пока у нас есть только бумага.

— Разумно.

— И человек, который очень хорошо понимает, какие решения здесь считаются разумными.

Ная почувствовала неприятный холод между лопаток.

Не прямой приказ.

Не угроза.

Просто маленький толчок в нужную сторону.

Она вспомнила Кукловодов.

И почти сразу отогнала мысль.

Слишком рано.

Слишком удобно.

После последних дней любой странный поступок хотелось объяснить чужим воздействием на сознание.

— Мы не знаем, что здесь вообще был Кукловод, — сказала она.

Алексей посмотрел на неё.

— Согласен.

Егор тоже кивнул.

— Бумагу мог написать обычный идиот.

— Спасибо, — буркнул Савва.

— Я не про тебя.

— Уже легче.

Мира задумчиво смотрела на распоряжение.

— Если кто-то воздействовал на человека, я могла бы ничего не заметить.

— Почему? — спросил Глеб.

— Потому что меня там не было. И потому что Кукловод не обязан превращать человека в безвольную куклу. Иногда достаточно подтолкнуть уже существующую мысль.

Вторая Ная подняла бровь.

— Например: «две одинаковые женщины опасны, одну лучше запереть»?

— Например.

— Удобная способность.

— Очень.

Алексей повернулся к Мире.

— Можно определить воздействие потом?

— Иногда остаётся след. Иногда нет. Зависит от силы, времени и человека.

— Значит, проверить всех, кто сегодня заходил в канцелярию, бессмысленно.

— И неправильно, — добавил Глеб. — Я не собираюсь устраивать допрос половине города только потому, что появился странный документ.

— Согласен.

Алексей посмотрел на печать.

Потом на машинку в соседней комнате.

— Тогда начнём не с людей.

Фёдор сразу понял.

— С бумаги?

— С процесса.

Канцелярия занимала две небольшие комнаты.

В первой стояли шкафы с документами, длинный стол и две пишущие машинки.

Во второй хранились чистые бланки, журналы регистрации и старый металлический сейф.

Алексей остановился возле второй машинки.

Чёрный корпус был потёрт до металла. На нескольких клавишах почти исчезли буквы.

Он нажал «д».

Механический рычаг поднялся и ударил по пустому месту перед валиком.

— Работает, — заметил Фёдор.

— Очень ценное наблюдение.

— Всегда пожалуйста.

Савва стоял за их спинами и выглядел оскорблённым уже самим фактом технического осмотра.

— Я за этой машинкой восемь лет работаю.

— Мы её не обвиняем, — сказал Алексей.

— Пока.

Фёдор наклонился ближе к столу.

— Бумага откуда?

Савва показал на шкаф.

Внутри лежали стопки сероватых листов.

Алексей взял один.

Сравнил с распоряжением.

Одинаковая плотность.

Одинаковый оттенок.

— Городская?

— Делаем сами, — ответил Савва. — Старая бумага давно закончилась.

— Значит, лист тоже взят здесь.

— Или в любой службе Рубежа. Такая бумага есть везде.

Алексей осмотрел стол.

Никаких полезных следов.

Пыль регулярно вытирали.

К машинке подходили десятки людей.

На полу — обычная грязь с улицы.

Фёдор открыл корзину возле стола.

— А это интереснее.

Он вытащил несколько смятых листов.

Савва возмутился:

— Я собирался сжечь!

— Верю.

Фёдор разгладил бумагу.

Черновики ведомостей.

Ошибочно напечатанный пропуск.

Половина письма.

Лист с повторяющимися буквами.

Алексей перебрал их один за другим.

И остановился.

На одном листе была всего одна строка:

ПЕРЕВЕСТИ ПАЦИЕНТКУ

Ниже — ничего.

— Савва.

Писарь подошёл.

Посмотрел.

— Не моё.

— Уверен?

— Я не начинаю документы с середины листа.

— Когда корзину очищали?
— Вчера вечером.
Глеб, стоявший в дверях, нахмурился.
— Значит, лист появился сегодня.
Савва кивнул.
Алексей перевернул бумагу.
На обратной стороне ничего не было.
— Кто-то сначала проверил формулировку.
Фёдор посмотрел на машинку.
— Или просто ошибся.
— Возможно.
— Отпечатки искать не будем?
Алексей посмотрел на него.
— Через триста двенадцать лет после конца цивилизации?
— Я просто уточнил.
Савва неожиданно кашлянул.
— Есть ещё кое-что.
Все повернулись к нему.
Он явно не хотел говорить.
— Что?
— Утром я нашёл печать не там, где оставил.
Глеб медленно выпрямился.
— А где ты её оставил?
— Вчера вечером поставил в сейф.
— Ты же сказал, что она осталась в канцелярии.
— Потому что утром она была в канцелярии.
— Савва.
— Я не хотел раньше говорить, потому что подумал, что сам забыл.
Глеб закрыл глаза.
— Где именно ты её нашёл?
— Возле чернильной подушки.
— Сейф был закрыт?
— Да.
— Ключ?
Савва полез под рубашку и достал тонкий шнурок.
На нём висел небольшой металлический ключ.
— У меня.
Фёдор подошёл ближе.
— Запасной есть?
— У Глеба.
Все посмотрели на руководителя города.
Тот достал связку ключей.
— Мой здесь.
— Ещё?
— Официально нет.
— А неофициально?
Савва недовольно произнёс:
— Замок старый.
Фёдор вздохнул.

— Вот теперь мне уже нравится этот разговор.

Он подошёл к сейфу.

Осмотрел замочную скважину.

— Можно открыть без ключа?

— Можно открыть почти всё, — ответил Алексей. — Вопрос времени и навыка.

Фёдор несколько секунд изучал металл.

— Царапины старые. Свежих не вижу.

— Значит?

— Значит, ничего.

Савва развёл руками.

— Прекрасно. Целый кабинет специалистов, и никто ничего не знает.

— Добро пожаловать в нашу работу, — сказал Алексей.

Дежурного врача нашли возле кухни медицинского центра.

Мужчина лет сорока пяти слушал их с заметным раздражением.

— Я получил документ с печатью администрации.

— И собирались выполнить? — спросил Глеб.

— Конечно.

— Без подписи?

— Там было устное подтверждение дежурного.

— Какого?

Врач замялся.

— Я думал, вашего.

— Моего имени там нет.

— Но посыльный сказал, что распоряжение срочное.

— Посыльному тринадцать лет.

— И что?

Глеб посмотрел на него.

— Ничего. Продолжай.

Врач вытер руки о фартук.

— После событий последних дней у нас две пациентки с одинаковыми физиологическими показателями, одинаковой историей и неизвестной реакцией на Поле. Сегодня Мира сообщила об изменении во время их контакта.

Мира резко подняла голову.

— Я никому этого ещё не сообщала.

Врач замолчал.

— Что?

— Наблюдение было меньше двух часов назад. Я записала его в свой блокнот. Никому в медицинском центре не докладывала.

— Но я слышал...

— От кого? — спросил он.

Мужчина долго молчал.

— Не помню.

Ная почувствовала, как напряглась стоящая рядом вторая Ная.

Алексей не двигался.

— Постарайтесь, — сказал он.

— Кто-то из персонала.

— Мужчина? Женщина?

— Кажется... женщина.

Егор посмотрел на Матвея.

Тот сразу сделал пометку.

Глеб спросил:

— Когда?

— Перед тем, как принесли распоряжение.

— Что именно вам сказали?

Врач нахмурился сильнее.

— Что две женщины встретились. Что Поле отреагировало. Что одна из них может быть нестабильна.

Мира побледнела.

— Я не говорила, что кто-то нестабилен.

— Я знаю.

— Тогда откуда это взялось?

— Не знаю.

Вторая Ная сделала шаг вперёд.

— И этого хватило, чтобы вы решили меня запереть?

— Я не собирался тебя запирасть.

— Перевести в закрытое отделение с ограничением контактов.

— Временно.

— Без разговора со мной.

Врач открыл рот.

Закрыл.

Наконец произнёс:

— Да.

Вторая Ная кивнула.

— Спасибо.

— За что?

— За нормальный ответ.

Она отошла.

Алексей наблюдал за врачом.

Тот не выглядел человеком, который пытался что-то скрыть.

Скорее человеком, который только сейчас впервые увидел цепочку собственных решений целиком.

— Когда вы услышали про реакцию Поля, предложение изолировать пациентку показалось вам правильным? — спросил Алексей.

— Да.

— Сразу?

— Да.

— Вы сами решили, что закрытое отделение — лучший вариант?

Врач задумался.

— Не знаю.

— Вспомните.

— Я... подумал, что так безопаснее.

— Кто первым произнёс слова «закрытое отделение»?

Мужчина замер.

Несколько секунд смотрел в стену.

— Не помню.

Мира подошла ближе.

— Можно?

Врач нервно усмехнулся.

— Что именно?
— Просто постоять рядом.
— И что это даст?
— Возможно, ничего.
Глеб посмотрел на мужчину.
— Решай сам.
Тот помолчал.
Потом кивнул.
Мира закрыла глаза.
Прошла секунда.
Другая.
Она нахмурилась.
— Что? — спросил Алексей.
— Ничего необычного.
— Совсем?
— В Поле рядом с ним ничего необычного.
Врач открыл глаза шире.
— Спасибо.
— Простите.
Мира отошла.
— Никакого необычного отклика я не чувствую.
Вторая Ная спросила:
— Значит, Кукловода не было?
— Я этого не сказала.
— Но ты ничего не чувствуешь.
— Сейчас. Через несколько часов после разговора. И я не знаю, было ли вообще воздействие.
Алексей кивнул.
Именно этого он и ожидал.
Никакого удобного ответа.
Никакой светящейся отметки на лбу человека, которым управляли.
Только решения.
Каждое из которых отдельно выглядело вполне естественным.
Кто-то слышал о двух Наях.
Кто-то решил, что это опасно.
Кто-то напечатал бумагу.
Кто-то поставил печать.
Кто-то передал конверт мальчишке.
Врач получил распоряжение и не стал задавать лишних вопросов.
Ни на одном этапе не требовалось совершать что-то явно безумное.
— Алексей, — тихо сказала Ная.
Он посмотрел на неё.
Она явно думала о том же.
— Серый тоже не всегда приказывал напрямую.
Глеб услышал.
— Ты считаешь, это Кукловод?
— Нет, — ответил Алексей. — Я считаю, что мы пока не имеем права этого считать.
— Но?
Он посмотрел на врача.

— Но если кто-то хотел показать, насколько легко заставить нас принять чужое решение за своё, получилось неплохо.

К вечеру у Глеба появился новый журнал.

На обложке Савва крупно написал:

ПРОВЕРКА РАСПОРЯЖЕНИЙ.

Фёдор прочитал и хмыкнул.

— Звучит как начало очень скучной эпохи.

— Надеюсь, — ответил Глеб.

Он собрал в кабинете начальников основных городских служб.

Не всех.

Только тех, от чьих решений зависели вода, электричество, охрана, медицинский центр и связь.

Алексей сидел у стены и слушал.

Глеб говорил коротко.

— С этого момента любой необычный приказ, затрагивающий городские системы или людей под специальным наблюдением, должен иметь конкретного автора.

Начальник водоснабжения поднял руку.

— А если срочная авария?

— Тогда действует ваш обычный аварийный порядок.

— А если распоряжение придёт через старую сеть?

— Не выполняете без проверки человеком.

Фёдор одобрительно кивнул.

— Если бумага с печатью?

Глеб посмотрел на Савву.

— Печать больше не является достаточным подтверждением.

Писарь болезненно поморщился.

— Дожили.

— Если вам кто-то передал устный приказ от моего имени, — продолжил Глеб, — находите меня или Егора. Если не можете — фиксируете, кто передал, когда и при каких обстоятельствах.

Один из караульных спросил:

— А если времени нет?

Глеб помолчал.

— Тогда принимаете решение сами. И потом отвечаете за него сами.

В кабинете стало тихо.

Это было важнее любой системы подписей.

Алексей понял, что Глеб специально не создаёт новый универсальный пароль.

После событий с HORIZON любой пароль рано или поздно мог стать известен тому, кто наблюдал за ними достаточно долго.

Нельзя было защитить город одной правильной комбинацией слов.

Только людьми, привыкшими задавать вопросы.

Когда совещание закончилось, Алексей задержался.

Глеб убирал бумаги в ящик.

— Думаешь, поможет? — спросил Алексей.

— От всего?

— Нет.

— Тогда да.

Он запер ящик.

— Большинство неприятностей в городе происходит не потому, что люди злые. Они просто заняты и хотят быстрее закончить работу.

— Очень знакомо.

— Ты работал на заводе.

— Поэтому и знакомо.

Глеб посмотрел на него.

— Мне не нравится другое.

— Что именно?

— Распоряжение появилось почти сразу после встречи двух Най.

— Совпадение возможно.

— Возможно.

— И информация о реакции Поля каким-то образом дошла до врача раньше, чем Мира успела её кому-либо сообщить.

— Именно.

Алексей подошёл к окну.

На площади уже зажигали фонари.

Люди возвращались домой.

Кто-то смеялся возле рынка.

От кузницы доносились удары молота.

Рубеж продолжал жить.

— У HORIZON есть доступ к некоторым городским линиям, — сказал Глеб.

— Есть.

— Хранители знают больше, чем говорят.

— Определённо.

— Серый работал не один.

— Да.

— И где-то существует Оператор 03, который знает, что тебя разбудили.

Алексей повернулся.

— Ты к чему?

— К тому, что список людей, способных знать о встрече двух Най, становится слишком длинным.

— И ни одного из них пока нельзя обвинить.

— Именно это раздражает больше всего.

В дверь постучали.

Вошёл Егор.

— Нашли женщину?

— Нет, — сказал он.

— Посыльный ошибся?

— Не похоже.

Егор положил на стол небольшой кусок ткани.

Тёмный.

Обычный.

— Это нашли возле южной лестницы. Мальчишка сказал, у той женщины был такой же платок.

Глеб взял ткань.

— И?

— Таких в городе сотни.

— Значит, пока ищем среди сотен.

— Есть ещё кое-что.

Егор достал сложенный лист.

— Проверили журнал входа в администрацию.

Алексей посмотрел на него.

— И?

— В нужное время через главный вход не проходила ни одна женщина, подходящая под описание.

Глеб нахмурился.

— Задняя дверь?

— Караульный говорит, была закрыта.

— Окно?

Егор усмехнулся.

— Если наш преступник лазает в канцелярию через окно ради пишущей машинки, я начинаю его уважать.

— Другие входы?

— Есть старый коридор со стороны архива. Им почти не пользуются.

Алексей сразу вспомнил Лидию.

— Проверили?

— Дверь открыта.

— Почему?

— Замок сломан уже года три.

Фёдор, появившийся в коридоре, услышал последнюю фразу.

— Конечно.

Глеб посмотрел на него.

— Ты что здесь делаешь?

— Пришёл сказать, что регистратор Миры можно подключить к независимому самописцу.

— Хорошая новость.

— Была, пока я не услышал про дверь.

Егор развернул старую схему здания.

— Коридор выходит к архиву, потом к служебной лестнице и канцелярии.

Алексей наклонился над картой.

— Камер нет.

Трое мужчин посмотрели на него.

Он выпрямился.

— Привычка.

Фёдор усмехнулся.

— Очень полезная в мире, где камер нет уже триста лет.

Егор провёл пальцем по схеме.

— Через этот проход можно войти в здание, не показавшись у главного входа.

— И выйти?

— Да.

Глеб спросил:

— Следы?

— Десятки. Архивом пользуются постоянно.

Алексей посмотрел на линию коридора.

Ещё один путь, который ничего не доказывал.

Ещё одна возможность.

— Значит, завтра проверим цепочку ещё раз, — сказал он. — Кто знал о встрече. Кто мог попасть в канцелярию. Кто слышал разговоры в медцентре.

Глеб покачал головой.
— Завтра ты будешь заниматься другим.
— Чем?
— Лидия нашла несоответствие в документах центрального узла.
Алексей замер.
— Какое?
— Не знаю. Сказала, чтобы ты пришёл сам и желательно с Фёдором.
Фёдор вздохнул.
— А я только начал надеяться на спокойный вечер.
— Что именно она сравнивала? — спросил Алексей.
— Временные метки.
Фёдор посмотрел на него.
Алексей машинально поднял левую руку.
Теперь часы показывали обычное местное время.
Стрелки двигались ровно.
Никаких 03:12.
Никаких 03:13.
Никаких 03:14.
Просто время.
Так и должно было быть.
— Ладно, — сказал он. — Утром зайдём.
Егор сложил карту.
— А с распоряжением что?
Глеб посмотрел на лист с чужой печатью.
— Пока считаем его тем, чем оно является.
— Подделкой?
— Нет.
Он взял документ и убрал в отдельную папку.
— Вопросом.
Поздно вечером Савва Мельник вернулся в пустую канцелярию.
Он долго проверял окна.
Закрыв служебную дверь.
Лично отнёс печать в сейф и дважды дёрнул ручку.
Потом сел за стол.
Вторая машинка стояла перед ним.
Савва посмотрел на неё с явным недоверием.
— Тридцать лет люди боялись оружия, — пробормотал он. — А теперь будем бояться канцелярии.
Савва вставил чистый лист, несколько раз ударил по клавишам и медленно напечатал:
АДМИНИСТРАЦИЯ.
Потом придвинул к себе распоряжение и положил оба листа рядом.
— Вот. Смотрите на «д», — пробормотал он.
Уже собирался её смять, когда заметил что-то на столе.
Небольшой прямоугольник плотной серой бумаги.
Он лежал под машинкой.
Савва нахмурился.
Поднял.
На одной стороне ничего не было.
На другой — короткая строчка, написанная от руки.

Он прочитал.
Потом ещё раз.
И перестал дышать.
На бумаге было всего четыре слова.
НЕ МЕШАЙТЕ ЕЙ УЙТИ.
Савва резко оглянулся.
Канцелярия была пуста.
За стеной тикали старые часы.
На улице кто-то прошёл мимо окна.
Писарь медленно поднялся.
Подошёл к двери.
Закрыл её на засов.
Потом снова посмотрел на записку.
И впервые за много лет решил, что до утра в помещении лучше ничего не трогать.

Глава 4. Контрольный образец

Фёдор не доверял приборам, которые нельзя было ударить.

Не обязательно сильно.

Иногда достаточно было постучать пальцем по корпусу и посмотреть, изменятся ли показания.

Прибор, который после этого начинал показывать другое, отправлялся в ремонт.

Прибор, который обижался и переставал работать совсем, — туда же.

Приборы HORIZON не подходили ни под одно из этих правил.

— Даже не думай, — сказал второй Алексей.

Фёдор замер с отвёрткой в руке.

— О чём?

— Стучать по нему.

— Я собирался открутить крышку.

— Отвёрткой сверху?

Мастер посмотрел на инструмент.

Потом на небольшой серый блок, лежавший посреди верстака.

— Проверял прочность корпуса.

— Конечно.

Фёдор положил отвёртку.

— Вот поэтому мне больше нравится старая техника.

Он кивнул на противоположный край стола.

Там стоял самописец, снятый когда-то с водяной станции.

Металлический корпус был поцарапан, прозрачная крышка пожелтела от времени. Под ней вращался узкий барабан, на котором крепилась бумажная лента. Маленькое перо оставляло на ней тонкую чёрную линию.

Рядом Алексей закрепил ещё один прибор — стрелочный вольтметр с отдельным источником питания.

В сравнении с серым блоком HORIZON оба выглядели музейными экспонатами.

Фёдор относился к ним с гораздо большим уважением.

— Ещё раз, — сказал второй Алексей. — Что именно проверяем?

— Всё.

— Очень точное техническое задание.

— Хорошо. Проверяем, врёт ли эта коробка.

— Уже лучше.

Фёдор показал на серый блок.

— Она получает сигнал с измерителя Поля. Показывает его на экране и сохраняет изменения во внутреннюю память.

— Предположительно.

— Вот это слово мне и не нравится.

Алексей взял схему, которую они набросали утром.

Серый блок не был подключён к городской сети.

Фёдор настоял на этом сразу.

Кабель связи лежал отдельно на другом столе. Разъём питания они тоже не использовали. Вместо штатного источника собрали собственный блок из аккумуляторов и старого преобразователя.

Единственным соединением оставалась сигнальная линия от переносного измерителя Поля.

Её они раздвоили.
Одна ветка шла в устройство HORIZON.
Вторая — через простой усилитель на старый самописец.
— Один сигнал, — сказал Алексей. — Два регистратора.
— Один умный.
— Предположительно.
— И один хороший.
Алексей посмотрел на самописец.
— Потому что старый?
— Потому что тупой.
Фёдор поднял крышку и проверил бумажную ленту.
— У него нет памяти, сети, протоколов и желания спасти человечество. Если напряжение выросло, перо поднимется. Если упало — опустится.
— А если заест?
— Увидим.
— А если высохнут чернила?
— Увидим.
— А если...
Фёдор посмотрел на него.
— Мне уже начинает казаться, что из двух Воронцовых мне достался неправильный.
— Другой занят.
— Вот поэтому и говорю.
Дверь мастерской открылась.
Тим просунул голову.
— Уже можно?
— Нет, — ответил Фёдор.
— Я ещё даже не спросил, что.
— Поэтому ответ универсальный.
Тим всё равно вошёл.
В руках он держал две кружки и кусок хлеба.
— А это что?
Он показал на самописец.
— Прибор, — ответил Фёдор.
— Я вижу.
— Тогда зачем спрашиваешь?
— Что он делает?
— Пишет.
— Что?
— Линию.
Тим наклонился над прозрачной крышкой.
Барабан медленно вращался.
Перо оставляло почти прямой след.
— И всё?
— Иногда этого достаточно.
Подросток посмотрел на серый блок.
— А этот?
— Тоже пишет линию, — сказал Алексей. — Только считает себя умнее.
— А кто из них прав?
Фёдор забрал одну кружку.

— Именно это мы и выясняем.
Тим поставил вторую перед Алексеем.
— Тогда я посмотрю.
— Нет.
— Почему?
— Потому что ты мешаешь.
— Я молчу.
— Пока.
Тим присел на ящик у стены.
Фёдор некоторое время смотрел на него.
— Только ничего не трогай.
— Хорошо.
— Вообще.
— Понял.
— Особенно серое.
— Понял.
— И самописец.
— Я понял.
— И...
— Фёдор.
— Что?
— Начинай уже, — сказал Алексей.
Мастер недовольно хмыкнул.
Первую проверку они провели без измерителя Поля.
Вместо него подключили обычный регулируемый источник напряжения.
Никакой неизвестной физики.
Никакого HORIZON.
Только провод, резистор и ручка регулятора.
Алексей плавно увеличил напряжение.
Стрелка вольтметра поползла вправо.
Перо самописца поднялось.
На экране серого блока появилась растущая цифра.
— Стоп, — сказал Фёдор.
Алексей остановился.
Фёдор записал значения.
— Ещё.
Напряжение подняли.
Потом снизили.
Потом несколько раз изменили рывком.
Самописец исправно рисовал ступеньки.
Серый блок показывал те же изменения.
— Пока одинаково, — сказал Алексей.
— Пока.
Фёдор переключил регулятор.
— Теперь время.
Тим оживился.
— А что со временем?
— Ничего.
— Тогда зачем проверять?

— Потому что когда кажется, что с чем-то ничего, обычно начинается самое интересное.
Алексей взглянул на свои часы.
Потом остановился.
— Нет.
— Что? — спросил Фёдор.
— Мои мы позавчера перевели.
Мастер понял сразу.
Оба посмотрели на левое запястье второго Воронцова.
Алексей медленно поднял руку.
На циферблате было 14:27.
Тим нахмурился.
— Подождите.
Он подошёл ближе.
— Они же позавчера показывали три тринадцать.
— Правильно.
— А сейчас два двадцать семь.
— Тоже правильно.
— Как это может быть правильно?
Фёдор усмехнулся.
— Потому что часы идут.
Тим ещё несколько секунд смотрел на циферблат.
Потом на настенные часы.
Те показывали половину одиннадцатого утра.
— Вы их так и не перевели?
— Нет, — ответил Алексей.
— Зачем?
— Контрольный образец.
Тим перевёл взгляд на Фёдора.
— Он серьёзно?
— К сожалению.
— А что вы контролируете?
На этот раз Алексей задумался.
— Пока только то, что мы их не трогали.
— Тоже результат.
— Иногда самое полезное свойство контрольного образца — что его не трогали.
Тим пожал плечами.
— Тогда я тоже контрольный образец.
— Тебя трогали, — сказал Фёдор.
— Кто?
— Жизнь.
Алексей рассмеялся.
— Ладно. Используем настенные часы и мои одновременно.
Фёдор нахмурился.
— Зачем тебе абсолютное время?
— Не нужно. Нам нужны интервалы.
Он достал блокнот.
— Даём три сигнала. Между ними интервалы разные. Я отмечаю по часам. Ты — по настенным. Серый блок пусть пишет своё.
— А самописец?

— Он покажет расстояние между импульсами на ленте.

Фёдор кивнул.

— Уже похоже на работу.

Перед началом они отключили серый блок и включили его заново. Момент включения Алексей отметил по своим часам, Фёдор — по настенным. Эту точку приняли за ноль.

Первый импульс Алексей дал через двадцать секунд.

Перо поднялось и вернулось.

Второй — через сорок семь.

Третий — ещё через минуту и тринадцать секунд.

Никакой закономерности.

Фёдор специально настоял на этом.

После третьего сигнала они дали приборам поработать ещё пять минут.

Затем остановили самописец.

Фёдор снял бумажную ленту.

— Теперь смотрим.

Расстояния между тремя отметками совпадали с заданными интервалами.

Погрешность была небольшой.

Серый блок показал три события.

Алексей открыл журнал.

— Двадцать семь секунд.

Фёдор посмотрел в записи.

— У нас двадцать.

— Между первым и вторым сорок семь.

— Здесь сорок семь.

— Между вторым и третьим...

Алексей замолчал.

— Что?

— Минута тринадцать.

Фёдор сверился с блокнотом.

— Совпадает.

— Тогда первое?

Они снова просмотрели журнал.

Фёдор постучал пальцем по листу.

— Ты поздно нажал кнопку.

— Нет.

— На семь секунд.

— Нет.

— Почему уверен?

Второй Алексей поднял левую руку.

— Потому что я считал по секундной стрелке.

— А я по настенным.

— И?

Фёдор ответил:

— Двадцать одна.

— Значит, одна секунда погрешности.

— Или я моргнул.

Тим поднял руку.

— Можно вопрос?

— Нет.

— Я всё равно задам.
Фёдор вздохнул.
— Давай.
— Если коробка ошиблась только первый раз, почему вы решили, что она плохая?
— Не решили, — ответил Алексей.
— Тогда что?
— Повторим.
Тим пожал плечами.
— Можно было сразу сказать.
К полудню на верстаке лежало шесть бумажных лент.
Серый блок продолжал работать.
Фёдор становился всё мрачнее.
— Не нравится мне это.
— Что именно?
— Первое событие.
— Каждый раз?
— Каждый.
Они меняли интервалы.
Отключали питание.
Разряжали конденсаторы.
Меняли источник сигнала.
Один раз Фёдор заставил Алексея вынести серый блок в соседнее помещение, чтобы исключить влияние остальных приборов.
Результат оставался одним и тем же.
После включения первое зарегистрированное событие получало неправильное время.
Иногда разница составляла пять секунд.
Иногда восемь.
Один раз — почти двенадцать.
Все последующие интервалы прибор записывал точно.
— Может, инициализация, — сказал Алексей.
— Может.
— Внутренний таймер запускается позже основного блока.
— Может.
— Или первое событие попадает в буфер и получает метку только после синхронизации счётчика.
— Может.
Алексей посмотрел на него.
— Ты можешь использовать больше одного слова?
— Могу.
— Давай.
— Всё это мне не нравится.
— Уже лучше.
Тим, которому давно надоело сидеть молча, подошёл к верстаку.
— А почему вы проверяете секунды?
— Потому что они не совпадают.
— И что?
Фёдор повернулся.
— Ты сегодня решил задавать только сложные вопросы?
— Нет. Мне правда непонятно. Ну ошиблась коробка на несколько секунд.

— Если это просто коробка — ничего.

— А если не просто?

Фёдор показал на серый блок.

— Эта штука используется для регистрации событий Поля. Если она пишет неправильное время, мы можем перепутать причину и следствие.

Тим задумался.

— То есть решить, что сначала что-то случилось, а потом Поле изменилось, хотя было наоборот?

Алексей посмотрел на Фёдора.

— Вот почему он опаснее инженера.

— Начинаю понимать.

Тим явно воспринял это как комплимент.

— А часы?

— Что часы?

— Они же тоже показывают неправильное время.

— Абсолютное — да, — ответил Алексей. — Но интервалы считают нормально.

— Проверяли?

Фёдор и Алексей переглянулись.

Тим улыбнулся.

— Ага.

— Уходи, — сказал Фёдор.

— Почему?

— Пока ты ещё чего-нибудь не придумал.

Но часы они всё-таки проверили.

За десять минут второй Воронцов отстал от настенных меньше чем на секунду.

Через двадцать результат почти не изменился.

Старинный механизм работал неожиданно точно.

— Значит, оставляем, — сказал Фёдор.

— Что оставляем?

— Твои часы.

— Я не собирался их выбрасывать.

— Время на них не переводим.

Алексей посмотрел на циферблат.

— Так и останутся?

— Пока не поймём, почему одни начали с трёх тринадцать, а другие с трёх четырнадцать.

Тим нахмурился.

— А вы уверены, что начали?

Оба мужчины повернулись к нему.

— Что?

— Ну вы всё время говорите, что одни часы начали идти с трёх тринадцать, а другие с трёх четырнадцать.

— Так и было.

— Вы видели момент, когда они пошли?

Алексей открыл рот.

И не ответил.

Он помнил, как посмотрел на часы.

Помнил движущуюся секундную стрелку.

Но сам момент запуска?

Нет.

Фёдор медленно положил карандаш.
— Иди отсюда.
— Я же ничего...
— Именно поэтому.
Тим рассмеялся и наконец вышел.
Когда дверь закрылась, Фёдор сказал:
— Я начинаю его бояться.
— Зря.
— Почему?
— Он вернётся.
Мира пришла после обеда.
Не одна.
Обе Наи остановились в дверях мастерской.
Фёдор посмотрел сначала на одну, потом на другую.
— Нет.
Первая Ная подняла бровь.
— Мы ещё ничего не сказали.
— Именно поэтому заранее.
Мира сняла сумку с плеча.
— Мне нужен регистратор.
— Уже лучше.
Фёдор показал на стол.
— Этот?
— Да.
Она увидела разобрannую аппаратуру.
— Что вы с ним сделали?
— Ничего необратимого.
— Я спросила, что именно.
— Тогда ничего.
Алексей подвинул стул.
— Мы проверяем канал регистрации отдельно от сети.
Мира подошла ближе.
— Работает?
— В основном.
— Что значит «в основном»?
Фёдор указал на бумажные ленты.
— Значит, если бы он был насосом, я бы пока не ставил его обратно.
Вторая Ная посмотрела на самописец.
— Это тот независимый регистратор?
— Он самый.
— Получилось подключить?
— Получилось.
Мира заметно оживилась.
— Тогда можно сравнить вчерашнюю реакцию?
— Вчерашнюю — нет, — ответил Алексей. — Мы не записывали аналоговый сигнал.
— Но прибор HORIZON записывал.
— Записывал.
— Значит, хотя бы его данные.
Фёдор переглянулся со вторым Алексеем.

— Можно.
Мира поставила сумку на стол и достала блокнот.
— Только сразу договоримся.
Первая Ная усмехнулась.
— Сейчас будет список запретов.
— Будет.
Мира посмотрела на обеих.
— Никаких рукопожатий.
— Уже поняли.
— Никаких «давайте подойдём ближе и посмотрим».
— Хорошо, — ответила вторая Ная.
— Никаких попыток одновременно использовать Поле.
— Мы и не собирались.
— И если я скажу разойтись — расходитесь.
Первая Ная скрестила руки.
— А если мы не захотим участвовать вообще?
Мира на мгновение замолчала.
Потом закрыла блокнот.
— Тогда не участвуете.
Ответ прозвучал настолько просто, что Ная явно не ожидала.
— Всё?
— Всё.
— Даже спорить не будешь?
— Нет.
Мира посмотрела на неё.
— Я хочу понять, что происходит. Но не настолько, чтобы снова решать за вас.
Вторая Ная чуть улыбнулась.
— Мне подходит.
Первая кивнула.
— Мне тоже.
Мира снова открыла блокнот.
— Тогда сначала просто разговор. По отдельности.
Фёдор нахмурился.
— Зачем?
— Хочу сравнить, что они почувствовали вчера.
— И почему по отдельности?
— Чтобы одна не подстроила описание под другую.
Вторая Ная посмотрела на первую.
— Разумно.
— Кто первая?
— Опять начинается, — пробормотал Фёдор.
Мира не улыбнулась.
— Та, которая вчера сидела ближе к дереву.
— Я, — сказала первая Ная.
— Хорошо. Остальные выйдите.
Фёдор возмутился:
— Это моя мастерская.
— Тогда отвернись и ничего не комментируй.
— Это хуже.

Вторая Ная направилась к двери.

На пороге обернулась.

— Не подсказывай.

— Даже не думала.

— Я знаю.

Она вышла.

Мира села напротив первой Наи.

— Что ты почувствовала непосредственно перед тем, как я попросила вас остановиться?

Ная задумалась.

— Ничего.

— Совсем?

— Физически — нет.

— Головная боль?

— Нет.

— Давление?

— Нет.

— Тремор?

— Нет.

— Что-нибудь эмоциональное?

Ная бросила на неё взгляд.

— Мы разговаривали о моей второй версии и Алексее. Как думаешь?

Мира сделала пометку.

— Это не измеряется.

— Значит, проверить нельзя.

— Я не сказала, что неважно.

Она перевернула страницу.

— Когда появилась боль в руке?

— После рукопожатия.

— Сразу?

— Почти.

— До этого?

— Ничего.

— Ты чувствовала Поле?

— Нет.

Мира остановилась.

— Совсем?

— Я не Чувствующая.

— Это я знаю.

— Зачем тогда вопрос?

— Потому что иногда люди описывают вещи, которые считают обычным самочувствием.

Ная подумала.

— Был момент...

Мира подняла глаза.

— Какой?

— Не знаю.

— Опиши.

Ная замолчала.

— Когда мы сидели на скамейке. Ещё до того, как ты сказала про изменение.

Она посмотрела на вторую дверь.

— На секунду показалось, что я знаю, что она сейчас скажет.
— Что именно?
— Не помню.
— Она сказала то, чего ты ожидала?
— Да.
— Это происходило раньше?
Ная усмехнулась.
— У нас одинаковая память и почти одинаковые привычки. Я могу угадать половину её фраз без всякого Поля.
Мира записала.
— Поэтому и не делаю вывод.
— Хорошо.
Через десять минут они поменялись.
Вторая Ная вошла.
Первая вышла во двор.
Мира задала те же вопросы.
Фёдор делал вид, что занимается проводами.
Алексей действительно занимался проводами.
Но когда разговор закончился, оба смотрели на Миру.
— Ну? — спросил Фёдор.
Мира не ответила.
Она перечитала две страницы.
— Почти одинаково.
Вторая Ная нахмурилась.
— «Почти»?
Мира показала записи.
— Первая говорит, что физически ничего не почувствовала до того, как я заметила изменение. Потом — боль при прикосновении.
— У меня так же.
— Да.
— Тогда что отличается?
Мира посмотрела на неё.
— Ты сказала, что примерно за минуту до моего предупреждения возникло ощущение, будто разговор уже происходил.
В мастерской стало тихо.
Первая Ная, вернувшаяся с улицы, замерла у двери.
— Что?
Вторая пожала плечами.
— Я не хотела придавать этому значение.
— Почему мне не сказала?
— Потому что сама не уверена.
Мира подняла ладонь.
— Не начинайте пока сравнивать.
Она посмотрела на первую.
— У тебя было ощущение, что знаешь следующую фразу.
— Да.
— У неё — что разговор уже был.
Фёдор медленно выпрямился.
— И когда?

Мира перелистала блокнот.
— Примерно в одно время.
— Насколько примерно?
— Я не смотрела на часы каждую секунду.
— А прибор?
Все посмотрели на серый блок.
Алексей первым подошёл к нему.
— Вчерашняя запись должна остаться в памяти.
Фёдор недовольно вздохнул.
— Только давайте не забывать, что сегодня мы уже выяснили про его время кое-что неприятное.
— Что? — спросила Мира.
— Первое событие после запуска получает неправильную временную метку.
— Насколько неправильную?
— По-разному.
Алексей уже листал журнал.
— Вот вчерашний сеанс.
На небольшом экране появилась последовательность значений.
Почти ровная линия.
Затем слабый подъём.
Пик.
Спад.
Мира придвинулась.
— Вот это.
— Уверена?
— Да. По величине похоже на то, что я ощущала.
— Время?
Алексей прочитал цифры.
Мира открыла свой блокнот.
— Не сходится.
Фёдор сразу поднял голову.
— Насколько?
— Почти на минуту.
Никто не заговорил.
— Точнее, — сказал Фёдор.
Мира сравнила отметки.
— Я записала время сразу после того, как они разошлись. Девять часов сорок две минуты.
— По чему?
— По часам медицинского центра.
— Проверяла?
— Нет.
Фёдор раздражённо выдохнул.
— Значит, пока ничего.
— Подожди, — сказала первая Ная. — Там били часы на восточном посту.
Мира посмотрела на неё.
— Точно.
— Я помню звон.
Вторая Ная кивнула.
— И я.

Фёдор посмотрел на обеих.

— До или после?

Первая Ная закрыла глаза.

— До того, как мы пожали руки.

— Насколько?

— Несколько минут.

— Это не помогает.

Алексей продолжал изучать журнал.

— Здесь ещё одна запись.

— Какая?

Он увеличил участок.

Перед полевым всплеском находилось короткое событие системного журнала.

Не измерение.

Команда.

Фёдор подошёл ближе.

— Что там?

Алексей прочитал:

— «РЕЖИМ НАБЛЮДЕНИЯ. ПАРНЫЙ КОНТУР».

Мира нахмурилась.

— Я ничего не включала.

— Может, прибор сам обозначает режим.

— Может.

— Время?

Алексей назвал.

Фёдор посмотрел на Миру.

— Когда ты начала наблюдение?

— Когда они вошли во двор.

— А это?

Она посчитала.

— Позже.

— Насколько?

— Примерно минут на восемь.

— То есть сначала вы начали, потом прибор решил записать команду?

— Если это вообще команда, — заметил Алексей.

Фёдор ткнул пальцем в экран.

— Здесь написано «команда».

— В журнале.

— А разница?

— Существенная.

Вторая Ная подошла ближе.

— Кто мог её отправить?

— Вчера прибор был подключён к штатной линии? — спросил Алексей.

— Да, — подтвердила Мира.

— Тогда кто угодно, у кого есть доступ к сети.

Фёдор покачал головой.

— Или сама система.

— Или это стандартная автоматическая запись.

— Или ошибка.

— Именно.

Первая Ная раздражённо вздохнула.
— Замечательно. У нас опять пять объяснений.
— Лучше пять, чем одно неправильное, — сказал Алексей.
Мира закрыла блокнот.
— Но сегодня прибор отключён от сети.
Фёдор медленно повернулся к ней.
— Да.
— Значит, можем проверить.
Идею пришлось упростить три раза.
Первая версия Фёдора требовала подключить к серому блоку исполнительное реле.
Алексей отказался.
Вторая предполагала использовать внутренний интерфейс блока.
От неё отказался уже Фёдор.
Третья устроила обоих.
Никаких механизмов.
Никакой сети.
Никакого Поля.
Только пять разных электрических сигналов от отдельного генератора.
Каждый сигнал соответствовал условной команде.
Один короткий импульс — «А».
Два — «Б».
Длинный — «В».
Короткий и длинный — «Г».
Три коротких — «Д».
Серый блок должен был зарегистрировать последовательность.
Старый самописец — физически отметить каждый импульс.
— А кто будет выбирать команды? — спросила вторая Ная.
— Я, — ответил Алексей.
Тим, появившийся в дверях именно в этот момент, сказал:
— Тогда это плохой опыт.
Фёдор закрыл глаза.
— Почему ты снова здесь?
— Хлеб принёс.
— Где?
Тим посмотрел на пустые руки.
— Забыл.
— Уходи.
— Но опыт правда плохой.
Алексей отложил провод.
— Почему?
— Ты знаешь, какие команды будешь давать?
— Пока нет.
— Но решать будешь сам.
— Да.
— А если штука как-то...
Тим помахал пальцами возле головы.
— ...знает?
Фёдор уставился на него.
— Чего знает?

— Ну Алексей же Оператор.
В мастерской стало тихо.
Тим почувствовал, что на этот раз сказал что-то важное.
— Я просто подумал...
Фёдор посмотрел на Алексея.
— Он прав.
— Не нравится мне, когда ты это говоришь.
— Мне тоже.
Первая Ная взяла со стола пять одинаковых металлических шайб.
— Пометим.
Через минуту на каждой стояла буква.
А.
Б.
В.
Г.
Д.
Она опустила шайбы в жестяную кружку и встряхнула.
— Кто тянет?
Фёдор посмотрел на Тима.
— Контрольный образец.
— Я?!
— Ты.
— А почему?
— Потому что от тебя никто не ожидает разумной последовательности.
— Спасибо.
Тим сунул руку в кружку.
— Сколько?
— Пять раз. После каждого показываешь шайбу только Алексею у генератора.
— А серый прибор не должен видеть?
Фёдор медленно повернул голову к блоку.
— Если он увидит букву на шайбе, я лично выброшу его в реку.
— Я просто уточнил.
Чтобы исключить подсказки, сам прибор развернули экраном к стене.
Фёдор включил самописец.
Второй Алексей проверил часы.
— Готов.
Мира стояла возле двери.
Обе Наи находились у дальней стены.
Никаких способностей никто не использовал.
Тим вытянул первую шайбу.
Б.
Алексей дал два коротких импульса.
Перо самописца дважды дёрнулось.
— Дальше.
Г.
Короткий.
Пауза.
Длинный.
А.

Один короткий.

Д.

Три.

Последней выпала В.

Длинный импульс.

— Всё, — сказал Алексей.

Фёдор не позволил никому сразу подходить к прибору.

— Время окончания?

Алексей назвал показание своих часов.

Фёдор записал настенные.

Разница между интервалами совпадала.

— Теперь ждём две минуты.

— Зачем? — спросил Тим.

— Потому что я сказал.

— Очень научно.

— Хочешь уйти?

— Уже молчу.

Через две минуты Фёдор отключил питание серого блока.

Снял ленту самописца.

На ней чётко читалась последовательность импульсов.

Б.

Г.

А.

Д.

В.

— Тут всё, — сказал Алексей.

— Теперь журнал.

Серый блок снова включили.

Фёдор настоял на том, чтобы связь оставалась физически отключённой.

Алексей открыл память.

Первое событие:

Б.

Второе:

Г.

Третье:

А.

Четвёртое:

Д.

Пятое:

В.

— Совпало, — сказал Тим.

— Подожди.

Фёдор смотрел не на команды.

На время.

— Алексей.

— Вижу.

— Что? — спросила Мира.

Он показал на журнал.

Первые три команды имели нормальные интервалы.

Четвёртая — «Д» — была записана на пятьдесят восемь секунд раньше, чем показывали их записи.

Пятая снова стояла на правильном месте относительно четвёртой.

Фёдор взял бумажную ленту.

— Здесь между «А» и «Д» сорок четыре секунды.

Алексей сверился с блокнотом.

— У меня сорок четыре.

— На настенных столько же.

Он ткнул пальцем в экран.

— А здесь минус четырнадцать.

Тим нахмурился.

— Как это?

— По журналу команда «Д» пришла раньше предыдущей.

— Но я вытянул её после.

— Именно.

Тим посмотрел на кружку.

Потом на прибор.

— Может, вы неправильно прочитали?

Фёдор впервые за весь день не ответил ему раздражённо.

— Поэтому и проверяем.

Они повторили опыт.

Другой порядок.

Другие интервалы.

На этот раз всё совпало.

Третий раз.

Совпало.

Четвёртый.

Снова одно событие оказалось не на своём месте.

Не та же буква.

Не тот же интервал.

Но временная метка была сдвинута назад.

На шестьдесят одну секунду.

Фёдор сел.

Никто не разговаривал.

Алексей ещё раз проверил кабель связи.

Он лежал на другом столе.

Отдельно.

Штекер был снят.

— Это невозможно? — спросила вторая Ная.

— Нет, — ответил Алексей.

Фёдор посмотрел на него.

— Спасибо.

— Невозможного здесь пока ничего нет.

— А что есть?

— Неисправность памяти. Ошибка счётчика. Некорректная запись буфера. Переполнение. Старые данные.

— Всё?

— Нет.

— Хорошо.

Алексей посмотрел на экран.

— Есть вариант, который мне нравится меньше.

Мира поняла.

— Прибор зарегистрировал команду не тогда, когда получил её.

— Да.

— А когда?

— Не знаю.

Первая Ная посмотрела на ленту самописца.

— Но физически импульс возник в правильное время.

— Да.

— Значит, старый прибор не ошибся.

Фёдор поднял палец.

— Осторожно. Мы знаем только, что он записал напряжение тогда, когда оно пришло на его вход.

— Какая разница?

— Большая. Мы пока проверяем прибор, а не устройство мира.

Вторая Ная усмехнулась.

— Очень успокаивает.

Мира подошла к серому блоку.

— А вчерашняя запись?

Никто не ответил сразу.

Она продолжила:

— Если временная метка события может смещаться...

— Тогда мы не знаем точную последовательность, — закончил Алексей.

— Поле изменилось после команды?

Фёдор посмотрел на него.

— Или до неё.

— Или это вообще две независимые вещи.

— Или команда в журнале появилась позже.

Первая Ная нахмурилась.

— С распоряжением было почти то же самое. Каждый считал, что решение приняли до него, а мы так и не нашли, откуда оно началось.

Алексей посмотрел на неё.

— Да.

— Это связано?

— Не знаю.

— Опять.

— Пока других ответов нет.

Она хотела возразить, но передумала.

— Что делаем?

Фёдор медленно поднялся.

— Ещё один тест.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Зачем?

Мастер взял кабель связи.

На этот раз он не подключил его.

Он положил кабель прямо посреди верстака.

— Чтобы потом никто не сказал, что мы забыли, был он включён или нет.

Взял чистую бумагу.
Написал крупно:
ЛИНИЯ ОТКЛЮЧЕНА.
Положил рядом.
Затем повернулся к Мире.
— Ты записываешь время.
— Хорошо.
— Алексей — своё.
— Да.
— Я — настенные.
Он посмотрел на Тима.
— Ты выбираешь команды.
— Опять?
— Пока не возгордись.
— Уже поздно.
Фёдор посмотрел на обеих Най.
— А вы...
Он остановился.
Первая прищурилась.
— Ну?
— Ничего.
— Что хотел сказать?
— Хотел попросить вас разойтись подальше.
— Зачем?
— Чтобы исключить вашу реакцию Поля.
Вторая Ная посмотрела на первую.
Затем на Миру.
— Можно.
Первая кивнула.
— Но потому что мы согласились.
Фёдор раздражённо махнул рукой.
— Да. Потому что вы согласились.
Мира едва заметно улыбнулась.
— Быстро учится.
— Все сегодня учатся. Работать когда-нибудь будем?
На этот раз две Наи разошлись сами.
Одна вышла во двор.
Другая осталась у противоположного окна.
Мира встала между ними.
Тим потянул первую шайбу.
Начался новый опыт.
Через сорок минут Фёдор больше не шутил.
На столе лежали три ленты.
Три последовательности.
Двадцать две команды.
Двадцать одна совпала.
Одна — нет.
Самописец показывал:
Г — В — Б.

Блок HORIZON:

Г — Б — В.

Фёдор перечитал ещё раз.

— Не время.

— Порядок, — сказал Алексей.

Тим подошёл ближе.

— Я точно сначала вытащил «В».

— Уверен?

— Да.

— Почему?

— Она зацепилась за край кружки. Я ещё подумал, что у неё царапина.

Он взял шайбу.

На ребре действительно была свежая риска.

— Потом была «Б».

Фёдор посмотрел на бумажную ленту.

Физические импульсы подтверждали слова Тима.

Сначала длинный сигнал — «В».

Потом два коротких — «Б».

Серый блок записал наоборот.

— Может, буфер сортирует события по времени, — сказал Алексей.

— Тогда зачем менять порядок?

— Потому что временные метки ошибочные.

Фёдор замолчал.

Алексей тоже.

Мира первой поняла, что именно их насторожило.

— То есть прибор мог не переставить команды.

— А записать их правильно для своих временных меток, — ответил Алексей.

— В которых «Б» произошло раньше «В».

— Да.

— Хотя физически было наоборот.

— Да.

Первая Ная вернулась в мастерскую.

— И что это нам даёт?

Алексей смотрел на экран.

— Пока только одну вещь.

— Какую?

Он поднял бумажную ленту.

— Мы больше не можем считать запись времени доказательством порядка событий.

Фёдор добавил:

— Даже если сама запись настоящая.

В мастерской стало тихо.

Эта фраза слишком хорошо подходила не только к прибору.

Настоящая печать.

Настоящий журнал.

Настоящий звонок.

Настоящие люди.

И решение, которого никто не принимал.

Мира посмотрела на свои записи со вчерашней встречи двух Най.

— Тогда я не могу сказать, что изменение Поля было следствием их сближения.

— Не можешь, — подтвердил Алексей.

— Оно могло начаться раньше.

— Да.

— Или позже.

— Да.

Вторая Ная тихо спросила:

— То есть вы не знаете, опасно ли нам находиться рядом?

Мира закрыла блокнот.

— Не знаю.

Фёдор посмотрел на неё.

— Но вчера ты раздвинула их, и показания вернулись к норме.

— Это наблюдение.

— Причинная связь?

— Не доказана.

Мира произнесла это спокойно.

— Поэтому я не стану просить их повторить опыт, пока мы не научимся нормально регистрировать последовательность.

Первая Ная посмотрела на неё.

— Даже если это самый быстрый способ проверить?

— Даже тогда.

— Спасибо.

Мира пожала плечами.

— Не за что.

Но Ная продолжала смотреть на неё.

— Есть за что.

Глеб выслушал их вечером.

На его столе всё ещё лежали бумаги по утреннему расследованию.

Рядом появился новый лист.

На нём Фёдор крупно написал:

РАСХОЖДЕНИЕ РЕГИСТРАЦИИ.

Ниже стояли три колонки.

Физический сигнал.

Самописец.

Журнал прибора.

— И вы уверены, что блок был отключён от сети? — спросил Глеб.

Фёдор молча достал из сумки кабель и положил на стол.

Глеб посмотрел на него.

— Что это?

— Кабель.

— Я вижу.

— Всё время лежал отдельно.

— Это должно меня убедить?

— Меня убедило.

Алексей вмешался:

— Мы проверили несколько раз. В большинстве случаев журнал совпадает с физической последовательностью. В нескольких — нет.

— Почему?

— Пока неизвестно.

— Сломан прибор?

— Возможно.
— Тогда заменить.
Фёдор покачал головой.
— Уже взял второй.
Глеб посмотрел на него.
— Когда успел?
— Пока шли сюда.
— И?
— Первые тесты нормальные.
— Значит, первый неисправен.
— Может быть.
Алексей подошёл к карте.
— Но вчера именно первый регистрировал встречу двух Най.
Глеб понял.
— Значит, вчерашние данные ненадёжны.
— Их временная последовательность ненадёжна, — поправила Мира.
— Для меня сейчас разницы немного.
— Для нас большая.
Она открыла журнал.
— Я не хочу, чтобы на основании сомнительной последовательности им запретили находиться рядом.
Глеб посмотрел на обеих Най.
— Я и не собирался.
Вторая ответила:
— Сегодня не собирались.
Он нахмурился.
Она показала на распоряжение.
— Вчера кто-то уже пытался решить за вас.
Несколько секунд Глеб молчал.
— Справедливо.
Фёдор придвинул лист.
— Есть ещё одно.
— Конечно, есть.
— Порядок команд.
Глеб прочитал данные.
— Вы хотите сказать, что прибор переставил два события местами?
— Мы хотим сказать, что в его журнале они стоят в другом порядке.
— Это не одно и то же?
— Пока нет.
Глеб посмотрел на Алексея.
— Переведи с инженерного.
— Мы знаем, что физически сначала был сигнал «В», потом «Б». Старый самописец это подтвердил. Внутренний журнал записал сначала «Б», потом «В».
— И?
— Если бы мы смотрели только журнал, решили бы, что порядок был обратным.
Глеб медленно сел.
— Хорошо.
Он помолчал.
— Предположим, это просто поломка.

— Лучший вариант, — сказал Фёдор.

— А худший?

Алексей не ответил сразу.

Перед глазами снова возник центральный узел.

03.12.

Оператор 03.

Сообщение, записанное неизвестно когда.

Команды от имени Оператора 05.

— Что какая-то часть оборудования HORIZON работает не с тем порядком событий, который наблюдаем мы.

Глеб нахмурился.

— Это что значит?

— Пока ничего.

— Алексей.

— Я серьёзно. У нас один прибор и несколько ошибочных записей. Этого недостаточно, чтобы придумывать новую физику.

Ирина, до этого молчавшая у окна, сказала:

— Тем более что внутренние журналы системы могут использовать не местное время.

Фёдор повернулся.

— Почему раньше не сказала?

— Потому что вы не спрашивали.

— Отлично.

— Старые комплексы могли использовать собственную синхронизацию между узлами.

— С каким временем?

— Не знаю.

— Ещё лучше.

Алексей посмотрел на неё.

— Это объясняет неправильные метки. Но не порядок двух команд, поданных на один прибор.

Ирина немного помолчала.

— Не обязательно.

— Почему?

— Если журнал хранит не момент получения электрического сигнала, а момент обработки команды.

Фёдор кивнул.

— Уже похоже на объяснение.

— Тогда проверим, — сказал Алексей.

Глеб вздохнул.

— Как?

— Возьмём несколько устройств. Разных поколений. Из разных мест. Полностью отключим от сети. Подадим одинаковые последовательности и сравним.

— Сколько времени?

— День.

Фёдор хмыкнул.

— Если никто не принесёт ещё один приказ с твоей печатью.

Глеб посмотрел на бумаги.

— А что с проверкой распоряжений?

— Продолжим параллельно.

— Кем?

Алексей оглянулся.
У двери стоял второй Воронцов.
Глеб посмотрел на одного.
Потом на другого.
— Знаете, впервые начинаю видеть преимущество вашей ситуации.
— Не спеши радоваться, — сказали оба одновременно.
Фёдор закрыл лицо ладонью.
Поздно вечером мастерская опустела.
Фёдор ушёл искать второй регистратор.
Мира проводила Най до медицинского центра.
Тим получил наконец поручение, которое действительно заставило его уйти: найти четыре одинаковых аккумулятора.
Второй Алексей остался один.
На верстаке лежала последняя бумажная лента.
Он ещё раз посмотрел на последовательность.
Г.
В.
Б.
Физический порядок.
Рядом — переписанный журнал.
Г.
Б.
В.
Он понимал объяснение с буфером.
Понимал ошибку программного счётчика.
Понимал, что триста двенадцать лет для любой электроники — достаточный срок, чтобы начать вести себя странно.
И всё же что-то не давало ему покоя.
Алексей поднял левую руку.
Часы показывали 22:16.
Разумеется, это было не местное время.
Он давно перестал смотреть на них как на часы.
Теперь это был ещё один регистратор.
Механический.
Независимый.
Не подключённый ни к одной сети.
Он достал блокнот и нашёл вчерашнюю запись.
Основной Алексей перед переводом своих часов записал:
03:14.
Он вспомнил собственный циферблат в тот же вечер.
03:13.
Одна минута.
Алексей посмотрел на сегодняшние результаты.
Пятьдесят восемь секунд.
Шестьдесят одна.
Он долго сидел неподвижно.
Потом взял карандаш.
Под результатами проверки написал:
Разница около одной минуты.

Помедлил.

Добавил:

Совпадение?

Он уже собирался закрыть блокнот, когда заметил ещё одну строку.

В последнем тесте серый блок записал команду «Б» раньше команды «В».

Разница между их временными метками составляла пятьдесят девять секунд.

Алексей снова посмотрел на свои часы.

Механизм тихо отсчитывал секунды.

Тик.

Тик.

Тик.

Одна минута между двумя циферблатами.

Одна минута в ошибках журнала.

Пока это ничего не доказывало.

Вообще ничего.

Он подчеркнул вопросительный знак.

Потом закрыл блокнот.

На верстаке старый самописец давно остановился.

На его бумажной ленте события оставались там, где произошли.

По крайней мере, Алексей очень хотел в это верить.

Глава 5. Право сказать нет

Утром у двери медицинского центра появился караульный.

Вторая Ная заметила его сразу.

Не потому, что мужчина делал что-то необычное. Наоборот — стоял спокойно, прислонившись плечом к стене, и разговаривал с одним из санитаров. Копьё оставил у ограды, руки держал на виду.

Но вчера его здесь не было.

Ная остановилась посреди коридора.

Дежурная женщина за столом проследила за её взглядом.

— Это не из-за тебя.

— Хорошее начало.

— После истории с распоряжением и запиской Саввы Глеб велел усилить охрану мед-центра.

— От кого?

Женщина помедлила.

— На всякий случай.

— Я начинаю не любить эту фразу.

Ная подошла к окну.

Караульный действительно не смотрел в её сторону.

Возможно, дежурная говорила правду.

Возможно, он охранял вход.

Возможно, её.

А возможно — от неё.

Последний вариант раздражал больше всего.

— Мне можно выйти? — спросила Ная.

Женщина удивилась.

— Конечно.

— Точно?

— А почему нет?

Ная посмотрела на неё.

Та поняла.

— Вчерашнее распоряжение отменено.

— Его вообще не должно было быть.

— Знаю.

— Я просто проверяю.

— Тогда да. Можешь идти куда хочешь.

Ная уже взялась за ручку двери, когда женщина добавила:

— Только доктор просил дожидаться утреннего осмотра.

Рука остановилась.

— Просил?

— Да.

— Или запретил уходить?

Дежурная вздохнула.

— Ная...

— Я серьёзно.

— Просил.

— Хорошо.

Она отпустила ручку.

— Тогда дождусь.

Женщина несколько секунд смотрела на неё.

— Ты теперь каждое слово будешь так проверять?

— Пока не перестану находить между ними разницу.

Доктор пришёл через двадцать минут.

Невысокий мужчина с седыми висками и привычкой говорить так, будто за дверью всегда спал тяжёлый больной.

Он осмотрел руку, проверил реакцию зрачков, давление и заживление старых повреждений.

— Лучше, — заключил он.

— Отлично.

— Но я бы оставил тебя здесь ещё на день.

Ная застегнула рукав.

— Зачем?

— После вчерашней реакции Поля.

— У меня не было реакции.

— У Миры была.

— Мира почувствовала изменение рядом с нами.

— Именно.

— А потом выяснилось, что время в приборе может быть неправильным.

Доктор нахмурился.

— Откуда ты знаешь?

— Я была там.

— Мне сказали только, что аппаратуру проверяют.

— Проверили.

Он убрал стетоскоп в деревянный футляр.

— Тем более стоит подождать.

— Почему?

— Потому что мы не понимаем, что произошло.

Ная посмотрела на него.

— Это причина оставить меня здесь?

— Причина понаблюдать.

— А если я не хочу?

Доктор замолчал.

Вопрос явно был ему неприятен.

Не потому, что он собирался её удерживать.

Скорее потому, что раньше ему не приходилось формулировать ответ.

— Я считаю, что это разумно.

— Я не спрашиваю, разумно ли.

— Тогда что?

— Могу я отказаться?

Он медленно сел на край стола.

— Можешь.

— И выйти?

— Да.

Ответ прозвучал неуверенно.

Ная заметила.

— Но?

— Но если рядом с тобой действительно возникает опасная реакция Поля, последствия могут коснуться не только тебя.

Вот теперь разговор стал честнее.

— То есть вы боитесь, что я опасна.

— Я этого не сказал.

— Но допускаете.

— Да.

— Хорошо, — ответила она.

Доктор удивился.

— Хорошо?

— Лучше так, чем «мы просто хотим понаблюдать».

Она встала.

— Что нужно сделать, чтобы вы перестали гадать?

— Нормальные измерения.

— Без закрытой палаты?

— Без закрытой палаты.

— Без приказов за моей спиной?

Он поморщился.

— Я не участвовал в том распоряжении.

— Я знаю.

— Тогда зачем...

— Потому что следующий может участвовать.

Доктор некоторое время молчал.

— Ты хочешь, чтобы мы каждый раз спрашивали разрешение?

— Если собираетесь что-то делать со мной — да.

— Даже если это медицинская необходимость?

— Если я без сознания и умираю — нет.

Он поднял брови.

— А если ты в сознании, но принимаешь опасное решение?

Ная усмехнулась.

— Тогда придётся жить в мире, где люди иногда принимают опасные решения.

Доктор не улыбнулся.

— Это удобно говорить, пока последствия касаются только тебя.

— Согласна.

Она подошла к двери.

— Вот поэтому нам и нужен нормальный разговор.

Нормальный разговор начался через два часа и очень быстро перестал быть нормальным.

Глеб собрал всех в небольшой комнате администрации, где обычно проводили совещания дозорных.

На столе лежало уже слишком много бумаги.

Распоряжение об изоляции.

Схема дежурных линий.

Ленты самописца.

Копии записей из журналов.

Новый лист Фёдора:

ВРЕМЕННЫЙ ПОРЯДОК ПОДТВЕРЖДЕНИЯ РАСПОРЯЖЕНИЙ.

Глеб прочитал заголовок.

— Кто это написал?

— Я, — сказал Фёдор.

— Почему такими буквами?
— Чтобы никто потом не сказал, что не заметил.
Вторая Ная села рядом с Мирой.
Первая расположилась напротив.
Алексей стоял у окна. Вторым Воронцов остался в мастерской продолжать проверки оборудования.
Егор занял место у двери.
Ирина принесла три старых журнала Хранителей и теперь молча просматривала один из них.
Глеб дождался, пока все усядутся.
— Сначала то, что уже ясно.
Он постучал пальцем по распоряжению.
— Этот документ больше не действует.
Вторая Ная сказала:
— Он никогда не должен был действовать.
Глеб посмотрел на неё.
— Согласен.
Фёдор поднял брови.
Егор тоже.
Глеб заметил.
— Что?
— Ничего, — сказал Фёдор. — Просто приятно, когда совещание начинается с полезной фразы.
— Наслаждайся, пока можешь.
Глеб продолжил:
— Второе. До выяснения причин вчерашнего инцидента никакие ограничения в отношении обеих Най не вводятся.
— Почему только нас? — спросила первая.
— Потому что речь сейчас о вас.
— А если завтра то же самое случится с Мирой?
Глеб остановился.
Мира посмотрела на Наю.
— Хороший вопрос.
Глеб медленно выдохнул.
— Хорошо. Не только вас.
Он зачеркнул строку.
— Никакие ограничения в отношении человека, связанные с реакцией Поля, не вводятся без...
Он поднял голову.
— Без чего?
— Его согласия, — сказала вторая Ная.
Ирина оторвалась от журнала.
— Это невозможно сформулировать настолько широко.
— Почему?
— Потому что существуют ситуации немедленной угрозы.
— Например?
— Кинетик теряет контроль рядом с людьми.
Первая Ная чуть выпрямилась.
Ирина продолжила:

— Человек под воздействием Поля совершает действия, которые угрожают окружающим. Сломанный входит в состояние, в котором не воспринимает речь. Кукловод...

Егор перебил:

— С Кукловодом отдельно.

— Почему отдельно?

— Потому что если начнём записывать правила на все случаи сразу, закончим к следующему Нулевому дню.

Фёдор кивнул.

— И то если повезёт.

Глеб потёр переносицу.

— Хорошо. Значит, исключение — непосредственная угроза другим людям.

Вторая Ная спросила:

— Кто определяет, что угроза непосредственная?

Тишина.

Фёдор тихо сказал:

— Вот теперь началось.

Глеб посмотрел на неё.

— Дежурный. Медик. Караульный. Тот, кто находится на месте.

— То есть любой человек может сказать, что испугался, и меня снова закроют?

— Нет.

— А как?

— Если ты, например, начнёшь...

Он остановился.

— Что?

— Не знаю.

— Вот именно.

Мира вмешалась:

— Можно разделить наблюдение и ограничение.

Все посмотрели на неё.

— Позавчера произошло изменение Поля. Это факт.

Она подняла руку, не давая Нае возразить.

— Я не говорю, что его вызвали вы. Я говорю, что я его почувствовала.

— Хорошо.

— Поэтому предложить наблюдение разумно.

— Согласна.

— Но наблюдение не означает, что человека нужно запирасть.

— Тоже согласна.

— И если он отказывается от наблюдения, это само по себе не делает его угрозой.

Глеб взял ручку.

— Вот это уже можно записать.

Ирина сказала:

— До тех пор, пока у нас нет данных о возможном риске.

Вторая Ная повернулась к ней.

— А сейчас они есть?

— Есть реакция Поля.

— Причина неизвестна.

— Именно поэтому нужна осторожность.

— Осторожность для кого?

Ирина нахмурилась.

— Для всех.
— Нет. Конкретно.
Комната замолчала.
Ная продолжила:
— Когда позавчера решили перевести меня в закрытое отделение, кому от этого становилось безопаснее?
— Медицинскому центру.
— От чего?
Ирина не ответила сразу.
— От неизвестного риска.
— То есть от меня.
— Потенциально.
— Спасибо.
— За что?
— За нормальный ответ.
Первая Ная едва заметно улыбнулась.
Вторая увидела, но не отвлеклась.
— Я не против измерений. Не против Миры. Не против приборов. Я даже согласна снова находиться рядом с ней.
Она кивнула на первую Наю.
— На разумном расстоянии и если мы обе этого захотим.
Первая кивнула.
— Но я хочу знать, что именно вы проверяете, зачем и что произойдёт, если я скажу «стоп».
Фёдор посмотрел на Алексея.
— Нормальное техническое задание.
Вторая Ная повернулась к нему.
— Я не оборудование.
— Именно поэтому и нормальное.
Глеб посмотрел на лист.
— Значит: перед наблюдением человеку объясняют цель, условия и возможный риск.
— Известный риск, — поправила Мира.
— Почему?
— Потому что неизвестный нельзя объяснить.
Глеб зачеркнул слово.
— Известный риск.
— И человек может отказаться, — добавила вторая Ная.
Ирина снова вмешалась:
— Если отказ не создаёт непосредственной угрозы другим.
Ная посмотрела на неё.
— Это мы уже записали.
— Я хочу, чтобы это осталось.
— Я тоже.
Глеб записал.
— Дальше?
Вторая Ная сказала:
— Можно прекратить в любой момент.
Мира кивнула.
— Обязательно.

— Даже если вы почти получили нужные данные.
— Да.
— Даже если понадобится ещё минута.
— Да.
— Даже если Алексей скажет, что эксперимент безопасен.
Мира посмотрела на инженера.
— Особенно тогда.
Алексей поднял руки.
— Почему сразу я?
Фёдор усмехнулся.
— Репутация.
— Очень смешно.
Первая Ная сказала:
— Не очень.
Алексей посмотрел на неё.
Она не улыбалась.
И он понял, что речь уже не только о вчерашнем эксперименте.
В памяти всплыл центральный узел.
Два контура.
Предложение системы выбрать один.
Его собственное желание найти решение быстрее.
— Хорошо, — сказал он. — Даже если я скажу, что безопасно.
Вторая Ная посмотрела на него немного дольше, чем требовалось.
— Запиши, — сказала она Глебу.
Фёдор рассмеялся.
Через полчаса на листе появилось пять пунктов.
Глеб перечитал:
— Первое. Любое распоряжение, ограничивающее перемещение человека по причине возможного воздействия Поля, требует имени того, кто принимает решение.
Егор кивнул.
— Никаких «подтверждено устно».
— Второе. Если непосредственной угрозы нет, наблюдение и обследование проводятся только с согласия человека.
— Хорошо.
— Третье. Перед началом объясняются цель, способ и известные риски.
Мира добавила:
— И кто будет присутствовать.
Глеб дописал.
— Четвёртое. Человек может прекратить наблюдение в любой момент.
— Пятое, — сказала вторая Ная. — Отказ не считается доказательством опасности.
Глеб поднял голову.
— Это обязательно?
— Да.
— Почему?
— Потому что иначе право отказаться существует только на бумаге.
Он задумался.
Ирина закрыла журнал.
— Она права.
Фёдор посмотрел на Хранительницу.

— Сегодня какой-то необычный день.

Ирина не отреагировала.

— Если отказ сразу увеличивает подозрения, человек фактически принуждён согласиться.

Глеб записал пятый пункт.

— Всё?

— Нет, — сказал Алексей.

Все повернулись к нему.

Он подошёл к столу.

— Это правила для Поля. А нам нужен ещё общий порядок приказов.

Глеб указал на второй лист.

— Именно поэтому Фёдор испортил бумагу своими буквами.

— Я старался.

Алексей развернул лист.

— После истории с распоряжением мы знаем, что подделывать документ необязательно. Можно сделать так, чтобы каждый участник цепочки считал решение уже подтверждённым.

— И что предлагаешь?

— Любое критическое распоряжение должно иметь источник, которого можно найти.

— Подпись?

— Подписи недостаточно.

Глеб вздохнул.

— Мы вчера с этого начали.

— Поэтому сегодня закончим.

— Предлагай.

Алексей посмотрел на Егора.

— Если тебе передают по радио: «Глеб распорядился закрыть восточные ворота», что делаешь?

— Если причина срочная — закрываю.

— Вот проблема.

Егор нахмурился.

— Если за воротами стоя, я не буду искать Глеба.

— И правильно. Значит, сначала исполняешь действие, которое можно быстро отменить.

— Закрывать ворота.

— Да. Но потом обязательно подтверждаешь источник.

Глеб медленно кивнул.

— А если распоряжение необратимое?

Фёдор ответил:

— Тогда сначала подтверждение.

— Например?

— Разобрать насос. Взорвать проход. Отключить основной водовод. Расстрелять кого-нибудь.

Глеб посмотрел на него.

— Последний пример обязательно?

— Зато понятно.

Егор сказал:

— Иногда необратимое действие тоже нужно сделать сразу.

— Тогда человек на месте берёт решение на себя, — ответил Алексей.

— В каком смысле?

— Не говорит: «Мне приказали». Говорит: «Я решил».

Тишина.

Глеб медленно отложил ручку.

Алексей продолжил:

— Если связь пропала и тебе нужно закрыть ворота — закрываешь. Но это твоё решение. Не моё. Не Глеба. Не какого-нибудь голоса в трубке.

Егор несколько секунд смотрел на него.

— Неприятное правило.

— Очень.

— Потому что потом отвечать мне.

— Да.

— А если я ошибусь?

— Тогда ошибёшься ты.

— Отлично.

— Но хотя бы мы будем знать, где искать ошибку.

Глеб усмехнулся.

— Инженер.

— Привычка.

Первая Ная, до этого молчавшая, сказала:

— На самом деле это не только про ошибки.

Алексей посмотрел на неё.

— А про что?

— Про право сказать «я решил».

Она кивнула на документ, который едва не отправил вторую Наю за закрытую дверь.

— Там никто не хотел этого говорить.

Никто не возразил.

Совещание закончилось ближе к полудню.

Глеб оставил оба листа себе.

— Я перепишу нормально.

Фёдор подозрительно посмотрел на него.

— Сам?

— Да.

— На машинке?

— Нет.

— Правильно.

— Почему?

— Просто пиши рукой.

Глеб прищурился.

— После вчерашнего ты теперь любой машинки боишься?

— Я ничего не боюсь.

Егор усмехнулся.

— Особенно машинок.

Фёдор показал ему кулак.

Люди начали расходиться.

Вторая Ная задержалась.

Глеб заметил.

— Что ещё?

Она дождалась, пока Ирина и Егор выйдут.

В комнате остались Глеб, Алексей, Мира и первая Ная.

— Я хочу уйти из медицинского центра.

Глеб нахмурился.

— Сейчас?

— Сегодня.

— Куда?

— Пока не решила.

— Отличный план.

— Мне тоже нравится.

Первая Ная открыла рот.

Потом промолчала.

Глеб посмотрел на доктора, которого в комнате уже не было, словно надеялся получить поддержку через стену.

— Тебе ещё нужен медицинский контроль.

— Буду приходить на осмотр.

— Рука?

— Заживает.

— А Поле?

— Не знаю. Вы тоже.

Глеб постучал пальцами по столу.

— Я не могу просто сделать вид, что риска нет.

— И не надо.

— Тогда что ты от меня хочешь?

— Ничего.

Ответ поставил его в тупик.

— В смысле?

— Я не прошу разрешения.

В комнате стало очень тихо.

Первая Ная смотрела на неё, не вмешиваясь.

Вторая продолжила:

— Я сообщаю, что ухожу.

— И куда?

— Возможно, в мастерскую. Тим говорил, что Фёдору нужны руки.

Фёдор, уже находившийся в коридоре, крикнул:

— Тим много чего говорит!

Вторая Ная впервые улыбнулась.

— Видишь? Почти согласился.

Глеб не улыбнулся.

— Подожди.

Она остановилась.

— Если вчерашнее изменение повторится?

— Позову Миру.

— Если станет хуже?

— Вернусь.

— Если ты не поймёшь, что стало хуже?

Ная посмотрела на него.

— Тогда, надеюсь, рядом окажется человек, который поймёт.

— Это не очень надёжно.

— А закрытая палата надёжна?

Глеб промолчал.

— Я понимаю, чего ты боишься, — сказала она. — Правда.

— Не думаю.
— Боишься принять неправильное решение и отвечать за весь город.
Он поднял взгляд.
— А ты боишься, что кто-то снова решит за тебя.
— Да.
— И что делать, если эти вещи столкнутся?
Ная немного подумала.
— Наверное, каждый раз решать заново.
— Очень неудобно.
— Зато честно.
Мира тихо сказала:
— Я могу заходить к ней два раза в день.
Ная повернулась.
— Один.
— Два.
— Один.
— Утром и вечером.
— Это два.
— Я умею считать.
Ная посмотрела на первую.
— Она всегда такая?
— Хуже.
— Предательница, — сказала Мира.
Глеб наконец улыбнулся.
— Хорошо. Два раза.
Вторая Ная открыла рот.
— Один осмотр и один разговор, — быстро добавила Мира. — Без приборов, если сама не попросишь.
Ная подумала.
— Хорошо.
Глеб взял ручку.
— Я отмечу...
— Нет.
Он остановился.
— Что?
— Не надо оформлять моё место проживания как медицинское решение.
Глеб несколько секунд смотрел на неё.
Потом положил ручку.
— Хорошо.
На этот раз слово прозвучало иначе.
Не как разрешение.
Как согласие.
Фёдор узнал о новом жильце через пятнадцать минут.
— Нет.
— Ты уже сегодня это говорил, — заметила вторая Ная.
— И был прав.
Она стояла посреди мастерской с небольшим свёртком вещей.
Тим сиял так, будто лично выиграл спор.
— Я же говорил!

— Ты вообще никому ничего не должен говорить, — буркнул Фёдор.
— Место есть.
— Где?
Тим показал на небольшую комнату за складом.
— Там.
— Там детали.
— Перенесём.
— Куда?
— В мой угол.
Фёдор посмотрел на него.
— А ты куда?
— Здесь останусь.
— Нет.
— Почему?
— Потому что я ещё хочу иногда работать.
Второй Алексей появился из-за стеллажа.
— Что происходит?
Фёдор показал на Наю.
— Расширение штата.
— Я не просилась в штат.
— Ещё хуже.
Алексей посмотрел на свёрток.
— Ушла из медцентра?
— Да.
— Глеб знает?
Ная прищурилась.
— Серьёзно?
Он понял.
— Понял.
— Быстро учитесь.
Тим уже вытаскивал из маленькой комнаты ящик с подшипниками.
— Здесь нормально. Только окно не закрывается.
— Закрывается, — сказал Фёдор.
— Нет.
— Закрывается.
— Тогда покажи.
Фёдор пошёл к комнате.
Через несколько секунд оттуда донеслось:
— Кто погнул раму?!

Тим сделал вид, что не слышит.
Вторая Ная посмотрела на Алексея.
Точнее — на второго Алексея.
Он заметил её короткую паузу.
— Можешь просто спрашивать, если не уверена, кто из нас.
— Я уверена.
— Откуда?
— У тебя часы не переведены.
Алексей посмотрел на левое запястье.
— Вот и пригодились.

— Контрольный образец?
— Пока да.
Ная поставила вещи на свободный стол.
— А когда эксперимент закончится?
Он задумался.
— Хороший вопрос.
— У вас здесь других не задают?
— Тим старается.
— Я заметила.
Она оглядела мастерскую.
Насосы.
Инструменты.
Провода.
Старые детали.
Разобранный регистратор.
— Что я могу делать?
— Отдыхать.
— Нет.
— Тогда спроси Фёдора.
Из комнаты донеслось:
— Не спрашивай!
Ная улыбнулась.
— Кажется, я ему нравлюсь.
— Безусловно.
Первую работу ей всё-таки нашёл Тим.
Нужно было перебрать коробку старых креплений и отделить целые болты от тех, у которых сорвана резьба.
Фёдор увидел это и минуту молча наблюдал.
— Неправильно.
Ная подняла голову.
— Что?
— Эти отдельно.
— Почему?
— Они ещё пойдут на крепление кожуха.
— У них повреждена резьба.
— До половины.
— Ты собираешься использовать повреждённый болт?
— На кожухе — да.
— А потом сам будешь ругаться, когда не открутится?
Фёдор посмотрел на неё.
Взял болт.
Повертел.
Положил в брак.
— Этот — да.
Ная улыбнулась.
— Быстро учишься.
— Ещё одно такое замечание — вернёшься в больницу.
Улыбка исчезла.
Фёдор сразу понял, что сказал не то.

— Я...

Ная молча смотрела на него.

— Неудачно, — признал он.

— Очень.

— Извини.

Она некоторое время ничего не отвечала.

Потом взяла следующий болт.

— Хорошо.

Фёдор остался стоять.

— Что хорошо?

— Извинение принято.

— А.

Он явно не знал, что делать дальше.

Ная протянула ему болт.

— Этот?

Фёдор осмотрел.

— В брак.

— Записала.

Он ушёл к своему верстаку.

Тим наклонился к Нае.

— Он почти никогда не извиняется.

— Я слышу, — сказал Фёдор.

— Я знаю.

К вечеру новые правила Глеба появились на трёх досках.

У администрации.

У дежурного поста.

У медицинского центра.

Текст был коротким.

Без объяснений.

Без упоминания двух Най.

Без Кукловодов.

Без HORIZON.

ВРЕМЕННЫЙ ПОРЯДОК

1. Любое распоряжение, ограничивающее свободу человека, должно иметь установленного ответственного.

2. При отсутствии непосредственной угрозы медицинское и полевое наблюдение проводится с согласия человека.

3. Отказ от наблюдения сам по себе не считается признаком угрозы.

4. Необратимое действие по неподтверждённому распоряжению запрещено.

5. При невозможности получить подтверждение человек, принимающий срочное решение, принимает его от собственного имени.

Возле доски быстро собрались люди.

Кто-то читал молча.

Кто-то спорил.

Один из караульных спросил:

— А кто теперь будет решать, что считать непосредственной угрозой?

Глеб, стоявший неподалёку, ответил:

— Тот, кто находится на месте.

— А если ошибётся?

— Ответит за своё решение.
— Удобно придумал.
— Нет.
Глеб посмотрел на него.
— Совсем неудобно.
И пошёл дальше.
Алексей наблюдал за разговором с другой стороны площади.
Рядом стояла Ная.
Первая.
Вторая сейчас должна была быть в мастерской.
Он всё ещё ловил себя на необходимости уточнять это мысленно.
— Думаешь, сработает? — спросила Ная.
— Что именно?
— Бумага.
— Нет.
Она повернулась к нему.
— Оптимистично.
— Бумага сама ничего не делает.
— Тогда зачем писали?
Алексей посмотрел на людей возле доски.
— Чтобы в следующий раз человек хотя бы остановился на секунду и подумал: это действительно моё решение или я просто передаю чужое?
Ная некоторое время молчала.
— Иногда одной секунды хватает?
Он посмотрел на часы.
Правильное местное время.
Потом вспомнил другие.
Оставленные без перевода.
— Иногда одна секунда меняет порядок событий.
— А минута?
Алексей повернулся к ней.
— Что?
— Ничего.
Она улыбнулась.
— Просто подумала.
Он хотел спросить, откуда ей пришла в голову именно минута.
Но со стороны администрации их позвал Егор.
В руках он держал ещё один лист.
На этот раз без печати.
— Только не говори, что снова распоряжение, — сказал Алексей.
— Нет.
Егор протянул бумагу.
— Список.
— Чего?
— Всех сообщений за последние две недели, которые дежурные передали как подтверждённые, хотя источник не записали.
Алексей пробежал глазами первые строки.
Вода.
Смена караула.

Выдача топлива.
Перенос ремонтных работ.
Открытие склада.
Ничего катастрофического.
Обычная жизнь города.
— Сколько их?
— Тридцать семь.
Ная присвистнула.
— И все подозрительные?
— Не знаю.
Егор показал на нижнюю часть листа.
— Но Лидия уже нашла кое-что интересное.
Там стояли четыре отметки.
Одинаковая формулировка повторялась в разных днях:
МАРШРУТ СОГЛАСОВАН.
Алексей поднял взгляд.
— Какой маршрут?
— Вот это она и хочет понять.
Егор сложил лист.
— Похоже, завтра придётся идти в архив.
Ная посмотрела на Алексея.
— А я думала, после сегодняшнего вы научитесь сначала спрашивать людей.
— Лидию спросим.
— Уже прогресс.
Алексей снова посмотрел на четыре одинаковые строки.
Распоряжения.
Маршруты.
Подтверждения.
Слова, которые переходили от человека к человеку и в какой-то момент начинали выглядеть так, будто решение существовало всегда.
Теперь у них хотя бы появилось правило.
Любое решение должно принадлежать кому-то.
Проблема была в другом.
Некоторые решения, похоже, уже давно жили собственной жизнью.

Глава 6. Список маршрутов

Лидия разложила на столе четыре листа и сразу отодвинула стул.

— Не трогайте.

Алексей остановил руку.

— Я ещё ничего не сделал.

— Именно поэтому предупреждаю заранее.

Егор усмехнулся и встал у шкафа.

Архив занимал две небольшие комнаты на втором этаже старого административного корпуса. Здесь пахло пылью, бумагой и сухим деревом. Вдоль стен стояли шкафы, часть полок прогнулась под тяжестью журналов. Более новые документы хранились в одинаковых серых папках. Старые были связаны шнурками, сложены в ящики или просто лежали стопками.

На столе перед Лидией находились четыре копии сообщений, которые Егор принёс вечером.

В каждой была одна и та же фраза:

МАРШРУТ СОГЛАСОВАН.

Алексей прочитал даты.

— За две недели?

— За двенадцать дней, — поправила Лидия.

— Кто получатели?

— Разные.

Она показала на первый лист.

— Дежурный восточного поста.

На второй.

— Склад горючего.

Третий.

— Группа ремонта внешней линии.

Четвёртый.

— Разведчики.

Егор взял последнюю копию.

— Это моя группа.

— Знаю.

— Когда?

— Четыре дня назад.

Он быстро прочитал запись.

— Мы тогда никуда не выходили.

— Именно.

— Что было четыре дня назад...

Егор задумался.

— Северный участок. После аварии мы собирались проверить старую дорогу, но Глеб перебросил людей к водосбросу.

Лидия кивнула.

— В журнале записано, что маршрут был согласован.

— Какой маршрут?

— Не указано.

— Кто согласовал?

— Не указано.

— С кем?

— Тоже.
Фёдор, сидевший на подоконнике, сказал:
— Удобный документ.
Лидия посмотрела на него.
— Очень.
— Можно подтвердить что угодно.
— Или ничего.
Она придвинула первый лист к Алексею.
— Посмотри внимательнее.
Он прочитал запись ещё раз.
Дата.
Время.
Дежурный пост.
Короткая отметка о получении.
И фраза.
МАРШРУТ СОГЛАСОВАН.
— Номер маршрута отсутствует.
— Дальше.
— Пункт назначения тоже.
— Дальше.
Алексей посмотрел на время.
— Сообщение зарегистрировано в шесть двадцать.
— Да.
— А смена восточного поста начинается в шесть?
Егор ответил:
— В шесть.
— Значит, дежурный только заступил.
— Так.
Алексей поднял глаза.
— Что он сделал после сообщения?
Лидия достала другой журнал.
— Вот это мне тоже стало интересно.
Она открыла страницу с закладкой.
— В шесть двадцать восемь восточный пост снял ограничение на выход через малые ворота.
Егор нахмурился.
— Почему?
— В журнале написано: «по согласованному маршруту».
— Кто вышел?
— Никто.
— Тогда зачем открывали?
Лидия пожала плечами.
— Через одиннадцать минут ворота закрыли.
Фёдор перестал качать ногой.
— А остальные сообщения?
— Именно поэтому вы здесь.
Лидия разложила рядом ещё три журнала.
— После каждого происходит какое-нибудь действие.
Она указала на второй лист.

— Склад горючего. «Маршрут согласован». Через семь минут резервируют две канистры топлива.

— Для кого? — спросил Егор.

— Не записано.

— Их выдали?

— Нет. Через три часа вернули в общий запас.

Третий лист.

— Ремонтная группа. После сообщения им приказали отложить выход на западную линию.

— Почему?

— Потому что маршрут якобы изменился.

— Куда?

— Не записано.

Четвёртый.

— Ваша разведка.

Егор уже листал журнал.

— Здесь ничего.

— Есть.

Лидия перевернула страницу.

— Через двадцать минут после сообщения один из караульных перенёс запас стрел и два полевых фонаря со склада у северных ворот на восточный.

Егор возразил:

— Я этого не просил.

— Он тоже не утверждает, что просил ты.

— Тогда кто?

— Дежурный сказал, что готовил имущество для возможного выхода.

— На основании чего?

Лидия постучала ногтем по фразе.

МАРШРУТ СОГЛАСОВАН.

Никто не ответил.

Фёдор спрыгнул с подоконника.

— Опять.

— Похоже, — сказал Алексей.

— Не совсем, — возразила Лидия.

— Почему?

Она собрала четыре копии в одну стопку.

— С распоряжением по Нае цепочка росла от человека к человеку. Каждый немного менял смысл.

Она подняла первый лист.

— Здесь формулировка каждый раз одинаковая.

— Слово в слово?

— Да.

— Может, стандартная?

— Я тоже так подумала.

Лидия указала на шкаф.

— Проверила журналы за три месяца.

— И?

— Больше такой фразы нет.

Фёдор взял копию.

— Вообще?

— Вообще.

— А раньше?

— Сейчас узнаем.

Она подошла к дальнему шкафу и вытащила толстый журнал.

Положила на стол.

— Это прошлый год.

Второй.

— Позапрошлый.

Третий оказался гораздо старше.

Обложка растрескалась по краям.

— А это?

— Двадцать семь лет назад.

Алексей посмотрел на неё.

— Ты уже нашла.

— Иначе не стала бы вас собирать.

Лидия открыла журнал примерно посередине.

Страницы были исписаны разными почерками.

Она нашла нужную строку.

МАРШРУТ СОГЛАСОВАН.

Егор наклонился ближе.

— Дата?

— Двадцать седьмой год по городскому отсчёту.

— Что тогда происходило?

— Не знаю.

— Кто отправитель?

— Вот это интереснее.

Лидия повернула журнал.

Рядом с записью стояло:

ВНЕШНЯЯ СЕТЬ. РЕТРАНСЛЯТОР 4.

Фёдор прочитал дважды.

— У Рубежа был внешний ретранслятор?

Егор посмотрел на него.

— Было несколько.

— И где они?

— Большая часть давно не работает.

— Большая часть?

Егор не ответил сразу.

— Насколько я знаю.

Лидия достала из шкафа свёрнутую карту.

Её пришлось прижать по углам четырьмя книгами.

Бумага пожелтела. Некоторые линии почти исчезли, но основные дороги и старые сооружения ещё можно было разобрать.

Рубеж находился примерно в центре.

От него расходились несколько маршрутов.

На востоке стояла отметка:

Р-4.

На юге:

Р-7.

Ещё одна далеко к северо-западу:

Р-12.

Алексей провёл пальцем рядом с линией, не касаясь бумаги.

— Это ретрансляторы?

— Да, — ответила Лидия.

— Связь?

— Когда-то.

Егор подошёл ближе.

— Четвёртый я знаю. Или знаю, где он был.

— Был?

— Башня обрушилась ещё до моего рождения.

Лидия посмотрела на него.

— Уверен?

— Мне так говорили.

— Ты сам там был?

— Нет.

— Кто был?

Егор задумался.

— Последние годы никто. Место считается опасным.

— Почему?

— Сдвиг.

— Какой?

— Старый. Нестабильный участок вдоль оврага.

Фёдор показал на карту.

— А седьмой?

— Юг. Там раньше проходила дорога к другому поселению.

— «Раньше» — когда?

— Лет сорок назад.

— А двенадцатый?

Егор покачал головой.

— Не знаю.

Лидия достала вторую карту.

Эта была значительно новее.

На ней Рубеж и ближайшие окрестности были прорисованы подробно: тропы, водоёмы, опасные зоны, места старых строений.

Алексей сразу заметил отличие.

— Ретрансляторов нет.

— Ни одного, — сказала Лидия.

— Почему?

Егор пожал плечами.

— Если объект разрушен, его перестают отмечать на рабочей карте.

— Даже если там осталась башня?

— На разведывательной карте важнее то, чем можно пользоваться.

Лидия положила сверху третью карту.

— А теперь смотрите.

На ней ретрансляторы снова были.

Но только два.

Четвёртый.

И седьмой.

— Год? — спросил Алексей.

— Примерно шестьдесят лет назад.

— Двенадцатый уже исчез.

— Да.

— Значит, вышел из строя раньше.

— Возможно.

Лидия посмотрела на Егора.

— Теперь твоя карта.

Егор развернул небольшой лист, который носил в сумке.

На нём были современные разведывательные маршруты вокруг Рубежа.

Алексей положил его рядом со старой схемой.

Сначала ничего необычного не увидел.

Потом заметил.

— Вот.

— Что? — спросил Фёдор.

Алексей показал на восточную дорогу.

Современный маршрут разведчиков уходил вдоль реки, затем поворачивал на север.

Старая линия к ретранслятору 4 шла почти тем же путём.

Но примерно за пять километров до старого объекта современный маршрут резко уходил западнее.

— Почему здесь поворот?

Егор ответил:

— Обход опасной зоны.

— Той самой?

— Да.

— А старая дорога идёт прямо через неё.

— Тогда зоны могло не быть.

— Или маршрут был другим.

Лидия открыла ещё один журнал.

— Вот здесь начинается неприятная часть.

Фёдор тяжело вздохнул.

— До этого была приятная?

Она проигнорировала.

— Я подняла старые отчёты разведчиков.

Нашла страницу.

— Пятьдесят два года назад проход к ретранслятору 4 закрыли.

— Из-за Сдвига?

— Так написано.

— Значит, всё сходится.

— Нет.

Лидия перевернула несколько страниц.

— Потому что через одиннадцать лет после этого туда отправили ремонтную группу.

Егор взял журнал.

— Через закрытый маршрут?

— В отчёте написано: «по безопасному обходу».

— Где схема?

— Нет.

— Кто в группе?

— Пять человек.

— Вернулись?

— Да.

— Что ремонтировали?

Лидия показала строку.

ВНЕШНИЙ РЕТРАНСЛЯТОР 4. ЗАМЕНА ИСТОЧНИКА ПИТАНИЯ.

Фёдор выпрямился.

— Подожди.

Он взял журнал.

— Через одиннадцать лет после того, как объект объявили недоступным, туда пришли люди и поменяли питание?

— Да.

— Значит, он работал.

— Или его пытались запустить.

— Что в следующем отчёте?

— Нет следующего.

— Совсем?

— Я не нашла.

Алексей посмотрел на полки.

— Мог потеряться.

— Мог.

— Могли не записать.

— Могли.

— Тогда пока ничего.

— Именно, — подтвердила Лидия.

Фёдор повернулся к ней.

— Ты слишком много общаешься с ним.

— С кем?

Он показал на Алексея.

— Скоро все будете отвечать «пока ничего».

— Полезная привычка.

— Ужасная.

Егор продолжал изучать старую карту.

— Где безопасный обход?

— Не знаю, — сказала Лидия.

— В журнале группы должны быть ориентиры.

— Есть.

Она достала тонкую папку.

— Но они не совпадают с современными.

Егор поднял голову.

— Покажи.

Первые два ориентира нашлись легко.

Старая каменная эстакада.

Высохший канал.

Оба существовали до сих пор.

Третий назывался:

СТАНЦИЯ 6.

Егор такой не знал.

Четвёртый:

ЧЁРНЫЙ МОСТ.

Его тоже не было на современных картах.

Пятый:

ОБХОД Р-4 / СЕВЕР.

— Вот он, — сказал Алексей.

Егор провёл пальцем по современной карте.

— Здесь может быть эта линия.

— Почему «может»?

— Потому что там лес.

— И?

— Очень плотный. Мы обычно не лезем туда без причины.

Фёдор посмотрел на него.

— А старая группа прошла?

— Сорок лет назад.

— Пять человек с оборудованием.

— Да.

— Значит, дорога была.

Егор посмотрел на старый отчёт.

— Была.

— А сейчас?

— Не знаю.

— Проверим, — сказал Алексей.

Егор не ответил.

Он продолжал смотреть на карту.

Через несколько секунд спросил Лидию:

— Ты проверяла остальные сообщения?

— Какие?

— Эти четыре новых. Где происходили действия после них.

Лидия поняла.

— Да.

Она взяла карандаш.

— Восточный пост.

Поставила маленький крест.

— Склад горючего.

Второй.

— Ремонтная группа.

Третий.

— Ваши люди.

Четвёртый.

Егор посмотрел на точки.

Фёдор первым заметил:

— Они все с восточной стороны.

— Три из четырёх, — поправила Лидия.

— А четвёртый?

— Склад в центре города.

— Но топливо готовили для выхода.

— Да.

Алексей посмотрел на карту.

— Получается, каждое сообщение так или иначе связано с подготовкой движения на восток.

Лидия покачала головой.

— Осторожнее.

— Почему?

— Мы знаем только, что после сообщений люди делали вещи, которые могли быть связаны с выходом.

— Ворота.

— Да.

— Топливо.

— Да.

— Перенос снаряжения.

— Да.

— Отмена западного ремонта.

— Вот это уже слабее.

— Но направление освобождает людей.

— Возможно.

Фёдор посмотрел на неё.

— Ты специально споришь со всем?

— Да.

— Почему?

— Потому что если я буду искать только подтверждения вашей версии, через час мы получим красивую ложь.

Фёдор помолчал.

— Ладно. Продолжай.

Лидия посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Что?

— Ничего. Иногда ты говоришь разумные вещи.

— Запиши дату.

К обеду на столе лежало уже девять карт и одиннадцать журналов.

Лидия не разрешала убирать ничего, пока не закончит сравнение.

Алексей выписывал даты.

Егор — маршруты.

Фёдор сначала помогал, потом ушёл за едой и вернулся с хлебом, сыром и двумя кувшинами воды.

Тим пришёл вместе с ним.

— Я только принёс.

— Оставил и ушёл, — сказал Фёдор.

— А что вы нашли?

— Дверь.

— Какую?

— Выходную.

Тим посмотрел на карты.

— Это старые дороги?

Егор прикрыл часть стола рукой.

— Не трогай.

— Я не трогаю.

— И не дуй.

Тим возмущённо посмотрел на него.

— Я что, ребёнок?

Фёдор протянул ему хлеб.

— Ешь на улице.
— Почему?
— Крошки.
Тим взял кусок.
Уже у двери остановился.
— А это что за башня?
Все посмотрели на него.
Он показывал на край одной из карт.
Лидия нахмурилась.
— Где?
— Вот.
На выпцветшем поле карты был нарисован едва заметный кружок.
Рядом почти стёртая подпись.
Лидия наклонилась.
— Не башня.
— А что?
Она взяла увеличительное стекло.
— Узел.
Алексей подошёл ближе.
— Какой?
— Не знаю.
Подпись удалось разобрать не сразу.
ВУ-2.
Егор посмотрел на старую схему.
— Этого нет на карте ретрансляторов.
— Потому что это другая карта, — сказала Лидия.
— Какая?
Она проверила обложку.
— Сеть технического обслуживания.
Фёдор присел рядом.
— ВУ?
Алексей предположил:
— Внешний узел.
— Или вспомогательный.
— Или водяной.
— Или вообще что-то другое.
Тим жевал хлеб.
— А рядом что написано?
Лидия посмотрела.
— «Связь через Р-4».
Никто не стал выгонять Тима.
Егор придвинул карту.
— Где этот ВУ-2 относительно Рубежа?
Лидия наложила одну схему на другую.
Масштабы отличались.
Пришлось измерять линейкой и пересчитывать расстояние.
— Примерно здесь.
Карандаш остановился восточнее ретранслятора 4.
— Ещё дальше? — спросил Фёдор.

— На семь-восемь километров.

— От Р-4?

— Да.

Егор покачал головой.

— За один день туда не сходить.

— Почему?

— Потому что карту рисовали до появления нынешних зон. На прямой линии двадцать с небольшим километров. По реальному маршруту может быть тридцать.

Алексей спросил:

— До Р-4?

— До ретранслятора — около восемнадцати, если найдём старый обход.

— Значит, первая цель — он.

Егор поднял взгляд.

— Я ещё ничего не решил.

— Хорошо.

— И ты пока никуда не идёшь.

— Почему?

— Потому что я сначала проверю маршрут.

— По карте?

— По людям.

Он повернулся к Лидии.

— Кто последним ходил восточнее старого канала?

— Это тебе виднее.

— Не обязательно.

Егор задумался.

— Собиратели.

Фёдор сказал:

— Тим.

Все посмотрели на дверь.

Тим медленно перестал жевать.

— Что?

Егор спросил:

— Ты ходил за старый канал?

— Когда?

— За последний год.

— Да.

— Насколько далеко?

Тим пожал плечами.

— Не знаю.

— Дорогу к старой эстакаде знаешь?

— Конечно.

— Дальше?

— Там лес.

— Это я знаю.

— И чего добиваешься?

Фёдор отвернулся, скрывая улыбку.

Егор терпеливо продолжил:

— Есть проход через лес?

— Есть.

— Куда ведёт?

— К старой дороге.

— Какой?

Тим положил хлеб на подоконник.

— Там асфальт. Почти весь разбит. Потом две бетонные штуки.

— Какие штуки?

— Не знаю. Как стены.

Алексей посмотрел на старую карту.

— Опоры станции?

Лидия нашла отметку.

СТАНЦИЯ 6.

Егор уже стоял рядом с Тимом.

— Ты был у станции?

— Если это она.

— Почему никому не сказал?

Тим искренне удивился.

— А зачем?

— Потому что туда никто не ходит.

— Я хожу.

— Один?

— Не всегда.

— С кем?

Тим замялся.

Фёдор сразу заметил.

— Ну?

— С Саввой.

— С каким ещё Саввой?

— Из мастерской у мельницы.

Егор закрыл глаза.

— Далеко ходили?

— До моста.

Он показал на карту.

— Какого?

— Чёрного.

Лидия медленно повернула старый журнал к Егору.

В списке ориентиров стояло:

ЧЁРНЫЙ МОСТ.

Теперь уже никто не смотрел на Тима как на помеху.

— Он цел? — спросил Егор.

— Не совсем.

— Перейти можно?

— Пешком — да. Телегу не проведёшь.

— Дальше были?

— Немного.

— До ретранслятора?

Тим нахмурился.

— Не знаю, как он выглядит.

— Башня.

— Башен много.

— Высокая металлическая конструкция.
— Нет.
— Почему вернулись?
Тим ответил уже без обычной лёгкости:
— Следы.
Егор изменился мгновенно.
— Какие?
— Людей.
— Свежие?
— Тогда свежие.
— Сколько?
— Не знаю. Несколько.
— Обувь?
— Да.
— Размер?
— Егор, я не мерил.
— Куда шли?
— На восток.
— А обратно?
Тим покачал головой.
— Не видел.
Егор посмотрел на Фёдора.
— Когда это было?
— Месяца два назад, — ответил Тим.
— Почему не сообщил?
— Потому что люди ходят по лесу.
— За Чёрным мостом почти никто из Рубежа не ходит.
— Значит, не наши.
— Именно.
Тим понял, что сказал неудачно.
— Мы решили не лезть дальше.
— Это было правильно.
— Правда?
— Да.
— Запиши дату, — сказал Фёдор.
Егор не улыбнулся.
— Завтра покажешь дорогу до канала.
— Я иду с вами?
— Нет.
— Почему?
— Потому что покажешь на карте.
— Но я лучше...
— Нет.
Тим посмотрел на Алексея.
— Скажи ему.
— Он прав.
— Вы сговорились.
— Нет.
— Значит, хуже.

После ухода Тима Егор перестал заниматься старыми журналами.

Он достал чистый лист.

— Если идём к Р-4, нужен минимум двухдневный выход.

— Ты уже решил? — спросил Алексей.

— Решил, что нужно подготовиться. Это не одно и то же.

Он начал писать.

— Вода на два дня плюс резерв.

Фёдор сказал:

— На три.

— Почему?

— Потому что всё всегда занимает дольше.

— На два с половиной.

— Отличный объём фляги.

Егор записал запас на три дня.

— Пища.

— Сухая.

— Сам знаю.

— Ты спросил.

— Не спрашивал.

— Тогда продолжай.

Егор сделал вид, что не слышит.

— Верёвка. Два фонаря. Запас батарей. Аптечка. Радио.

Алексей спросил:

— Связь на таком расстоянии работает?

— До канала — обычно. Дальше хуже.

— Почему?

— Рельеф.

— Или ретранслятор.

Егор посмотрел на него.

— Он официально не работает.

— Именно поэтому интересно проверить.

— Сначала маршрут.

— Согласен.

Лидия собрала несколько старых листов.

— Эти возьмёте.

Егор сразу покачал головой.

— Оригиналы не беру.

— Разумно.

— Сделай копию.

— От руки?

— Да.

— Сегодня?

— Да.

Лидия посмотрела на него.

— Ты очень удачно выбрал слово «сделай».

— Пожалуйста.

— Уже лучше.

Алексей подошёл к карте.

— Кто пойдёт?

Егор перестал писать.

— Пока никто.

— Егор.

— Что?

— Нам всё равно придётся решить.

— Но не сейчас.

— Почему?

— Потому что сначала я хочу понять, куда веду людей.

Он провёл карандашом линию.

Рубеж.

Старая эстакада.

Канал.

Станция 6.

Чёрный мост.

Дальше линия становилась пунктирной.

— Здесь маршрут заканчивается.

— В старом журнале нет?

— В старом есть.

— Тогда почему...

— Потому что журналу сорок лет.

Егор посмотрел на Алексея.

— Ты вчера сам говорил: настоящая запись не гарантирует правильного порядка событий. А теперь хочешь идти по старой бумаге через зону, которую никто из нас нормально не знает.

Алексей помолчал.

— Справедливо.

— Поэтому сначала собираем всё, что можно узнать здесь.

— Собиратели.

— Да.

— Охотники.

— Да.

— Старые дозорные.

— Если живы.

Лидия сказала:

— Один жив.

Егор повернулся.

— Кто?

— Назар Климов.

— Он ещё здесь?

— В южной части.

— Сколько ему?

— За семьдесят.

— Ходит?

— До столовой.

Фёдор сказал:

— Уже лучше, чем некоторые наши насосы.

Лидия продолжила:

— Он был в ремонтной группе, которая ходила к четвёртому ретранслятору.

Егор уставился на неё.

— Той самой?
— Да.
— Почему ты сразу не сказала?
— Потому что только что нашла список.
Она показала страницу.
Пять фамилий.
Четыре были перечёркнуты позднейшими пометками.
Возле пятой никаких отметок не стояло.
КЛИМОВ НАЗАР СТЕПАНОВИЧ.
Егор взял куртку.
— Идём.
Назар Климов жил возле южной стены в маленьком доме с низкой крышей.
Дверь им открыл сухой старик с густыми белыми бровями.
Посмотрел на Егора.
На Алексея.
На Лидию.
Потом на карту в её руках.
— Нет.
Егор моргнул.
— Мы ещё ничего не спросили.
— Поэтому экономлю время.
Он уже собирался закрыть дверь.
Лидия сказала:
— Ретранслятор четыре.
Дверь остановилась.
Старик посмотрел на неё.
— Кто вам про него рассказал?
— Вы.
— Я?
Она подняла старый журнал.
— Сорок один год назад.
Климов некоторое время смотрел на книгу.
Потом открыл дверь шире.
— Заходите.
В доме было тепло.
На печи стоял чайник.
Климов указал на стол.
— Карту сюда.
Лидия развернула копию.
Старик не стал искать ретранслятор.
Сразу показал на другой участок.
— Здесь неправильно.
Егор наклонился.
— Что?
— Канал.
— Он там.
— Сейчас — да. Тогда вода шла дальше.
Климов провёл пальцем вдоль старой линии.
— Здесь была насыпь. Потом её прорвало.

— Проход?
— По северному краю.
— До станции 6?
Старик посмотрел на него.
— Кто тебе сказал про шестую?
— Архив.
— Архив много знает.
Лидия сухо ответила:
— Иногда.
Климов усмехнулся.
— Станции давно нет.
— Тим видел бетонные опоры.
— Опоры есть. Станции нет.
— Дальше Чёрный мост?
Старик перестал улыбаться.
— Кто там был?
— Собиратели.
— Дураки.
— Почему?
— Потому что после моста начинается старая зона.
— Сдвиг?
— Нет.
— Тогда что?
Климов посмотрел на Алексея.
— Ты тот самый?
— Смотря что вам рассказали.
— Оператор.
— Да.
Старик кивнул.
— Тогда тебе особенно туда не надо.
Егор спросил:
— Почему?
Климов не ответил.
Он достал три кружки.
Потом заметил Лидию.
Достал четвёртую.
— Мы ходили к четвёртому не чинить ретранслятор.
Лидия нахмурилась.
— В журнале написано именно это.
— В журнале много чего написано.
— Что делали на самом деле?
— Меняли питание.
Фёдор бы сейчас обязательно сказал, что это и называется ремонтом.
Алексей промолчал.
Егор уточнил:
— Для чего?
Климов налил чай.
— Чтобы он не включился.
Алексей посмотрел на старика.

- Объясните.
- Старый источник сдох. Нам сказали поставить новый.
- Тогда как это могло помешать включению?
- Потому что новый был не подключён.
- Лидия напонила:
- В отчёте указано: «замена источника питания завершена».
- Завершена.
- Но вы его не подключили?
- Нет.
- Почему?
- Климов сел.
- Потому что старший группы получил другой приказ.
- От кого?
- Не знаю.
- Что в нём было?
- Поставить блок. Проверить линию. Кабель оставить разомкнутым.
- Алексей спросил:
- Письменный приказ?
- Нет.
- Радио?
- Нет.
- Тогда как получили?
- Климов посмотрел на него.
- Через человека.
- Кого?
- Проводника.
- Имя?
- Старик покачал головой.
- Не помню.
- Из Рубежа?
- Нет.
- Егор перестал писать.
- Откуда?
- Он встретил нас у Чёрного моста.
- Один?
- Один.
- Кто он был?
- Сказал, что из восточного поселения.
- Какого?
- Тогда их там было несколько.
- Вы поверили?
- Климов пожал плечами.
- Он знал маршрут. Знал код блока. Знал, что мы несём.
- Алексей спросил:
- Что именно он сказал про ретранслятор?
- Старик посмотрел в кружку.
- Что если подключить его сразу, сеть увидит возвращение узла.
- Какая сеть?
- Не объяснил.

— HORIZON?

— Этого слова он не говорил.

— А вы знали его тогда?

Климов поднял глаза.

— Конечно.

Алексей не ожидал ответа.

— Откуда?

— Здесь всегда знали про старые системы. Просто не все называли их одинаково.

Лидия спросила:

— Почему этого нет в отчёте?

— Потому что нам приказали записать только выполненную работу.

— Кто приказал?

— Наш старший.

— Он жив?

Климов покачал головой.

— Давно нет.

Егор спросил:

— А проводник?

— Не знаю.

— Вы видели его потом?

— Нет.

Алексей посмотрел на карту.

— Блок питания всё ещё там?

— Если никто не забрал.

— Подключён?

— Когда мы уходили — нет.

— Кабель?

— Оставили рядом.

Климов сделал глоток.

— Но это было сорок лет назад.

Егор уточнил:

— После Чёрного моста идти можно?

Старик посмотрел на него.

— Можно.

— Безопасно?

— Это другой вопрос.

— Что там?

— Лес. Старые дороги. Провалы. Несколько мест, где компас начинает врать.

Алексей поднял голову.

— Насколько?

— Иногда градусов на десять. Иногда разворачивает почти в обратную сторону.

— Постоянно?

— Нет.

— Поле?

— Тогда мы этого не знали.

— А сейчас?

— Сейчас я туда не хожу.

Егор свернул карту.

— Спасибо.

Климов задержал его.

— Ещё кое-что.

— Что?

Старик показал на журнал Лидии.

— Если там написано, что ретранслятор после нас проверяли, не верьте.

Лидия быстро открыла нужный раздел.

— Почему?

— Потому что следующая группа не дошла.

— Какая следующая?

— Через два года.

— У меня нет такой записи.

— А она была.

Егор спросил:

— Что с ними случилось?

— Вернулись через сутки.

— Все?

— Все.

— Почему не дошли?

Климов посмотрел на Алексея.

— Услышали передачу.

— Радио?

— Да.

— Откуда?

— С ретранслятора.

Никто не перебил.

— Что передавали?

Старик помолчал.

— Маршрут.

Лидия первой спросила:

— Какой?

— Обратно.

На улицу вышли без разговора.

Егор остановился возле калитки и развернул карту.

— Это ничего не доказывает.

Алексей кивнул.

— Не доказывает.

— Старик мог перепутать.

— Мог.

— Прошло сорок лет.

— Да.

Лидия стояла рядом.

— Но в архиве нет записи о второй группе.

Егор посмотрел на неё.

— Это важно?

— Пока не знаю.

— Почему её могло не быть?

— Потеряли журнал. Не внесли отчёт. Перепутали год.

Она убрала старую книгу в сумку.

— Или запись удалили.

Алексей посмотрел на неё.

— Можно понять?

— Если сохранились соседние журналы.

— Сколько времени?

— Несколько часов.

Егор покачал головой.

— Проверяй.

— А ты?

— Готовлю выход.

— Куда? — спросил Алексей.

— До Чёрного моста.

— Только?

— Сначала.

— А ретранслятор?

— Если маршрут безопасен, решим на месте.

— Кто идёт?

Егор посмотрел на него.

— Вот теперь можно обсуждать.

К вечеру в мастерской лежали два рюкзака.

Фёдор проверял крепление одной из рам.

— Это кто собирал?

— Тим, — ответил второй Алексей.

— Я так и понял.

— Почему?

— Слишком красиво.

Он дёрнул ремень.

Узел развязался.

— Вот.

Тим из другого конца помещения крикнул:

— Я собирался переделать!

— Конечно!

Основной Алексей вошёл с картой.

Второй сразу заметил.

— Нашли?

— Маршрут.

— Куда?

— Восток. Старый ретранслятор.

Фёдор перестал заниматься ремнём.

— Когда?

— Пока разведка.

— Назови срок.

— Послезавтра, если Егор подтвердит людей.

— Кто идёт?

— Ещё решаем.

Второй Алексей посмотрел на карту.

— Далеко?

— До первой точки около пятнадцати километров по старому маршруту.

— «По старому» мне не нравится.

— Егору тоже.

— Я иду.
Основной Алексей посмотрел на него.
— Зачем?
— Потому что если там оборудование HORIZON...
— Именно поэтому не надо.
— Это ещё почему?
— Потому что два одинаковых Оператора в неизвестной точке старой сети — плохой контрольный эксперимент.
Второй усмехнулся.
— Хорошо устроился.
— Что?
— Когда тебе выгодно, я человек. Когда невыгодно — контрольный образец.
Алексей замолчал.
Фёдор медленно положил ремень.
— Я, пожалуй...
— Стой, — сказал второй.
Фёдор остался.
— Я серьёзно.
Основной Алексей ответил:
— Я тоже.
— Тогда объясни нормально.
— В городе остаётся оборудование, которое нужно проверять. Мы ещё не закончили с регистраторами.
— И?
— Твои часы.
Второй посмотрел на запястье.
— Что с ними?
— Они единственные, которые мы не переводили.
— Значит, я должен сидеть в Рубеже из-за часов?
— Нет.
Основной Алексей остановился.
— Не только.
— А из-за чего ещё?
Ответ оказался неприятным.
— Потому что если со мной что-то случится, останешься ты.
Второй Воронцов перестал улыбаться.
Фёдор отвернулся к верстаку.
Тим тоже ничего не сказал.
— Вот как, — произнёс второй.
— Я не это хотел...
— Нет. Именно это.
— Я имею в виду статус Оператора.
— Конечно.
— Послушай.
— Слушаю.
Основной Алексей поискал слова.
— Мы не знаем, как HORIZON воспринимает нас. Как одного Оператора? Двух? Ошибку? Два контура одной личности?
— И поэтому один должен остаться в запасе?

— Поэтому бессмысленно рисковать обоими в первой же разведке.
Второй несколько секунд смотрел на него.
— Вот теперь звучит лучше.
— Потому что?
— Потому что ты сказал «рисковать обоими», а не «оставить запасного».
— Я и не говорил «запасного».
— Почти сказал.
Фёдор вмешался:
— Он прав.
Оба повернулись.
— Который? — спросил Тим.
Фёдор посмотрел на него.
— Вот за это однажды получишь.
Тим улыбнулся.
Фёдор продолжил:
— Оба правы. И оба раздражают.
Он показал на второго Алексея.
— Мне здесь нужен человек для проверки аппаратуры.
Потом на основного Алексея.
— А этому там нужен кто-то, кто остановит его, когда он решит починить ретранслятор отвёрткой.
— У меня будет Егор.
— Тогда тем более.
Второй Алексей взял карту.
— Я пока ничего не обещаю.
— И не надо, — сказал основной Алексей.
— Но если вы найдёте работающий узел...
— Свяжемся.
— Независимо.
— Да.
— Не через HORIZON.
— Да.
— И если связь пропадёт...
— Ничего не включаем до возвращения.
Второй кивнул.
— Вот теперь договорились.
Лидия вернулась после захода солнца.
Нашла всех в мастерской.
В руках у неё была тонкая папка.
— Я нашла вторую группу.
Егор, который проверял аптечку, сразу подошёл.
— Где?
— Не в журнале выходов.
— А где?
— В расходах кухни.
Фёдор моргнул.
— Что?
— Пять человек получили сухой паёк на два дня.
Она открыла лист.

— Дата совпадает со словами Климова.

— Имена?

— Есть.

Егор прочитал.

— Двух знаю по фамилиям.

— Дальше.

Лидия достала ещё один документ.

— Медицинский журнал. На следующий день все пятеро обратились с головной болью, тошнотой и дезориентацией.

Мира, сидевшая возле печи, поднялась.

— Все?

— Все.

— Что написали?

— «Воздействие неизвестного фактора».

Мира забрала лист.

— Это может быть Поле.

— Может.

— Что ещё?

— Отравление. Вода. Растения. Что угодно.

— Радио?

Лидия посмотрела на Алексея.

— В медицинском журнале об этом нет.

Егор спросил:

— А отчёт группы?

— Нет.

— Совсем?

— Я нашла номер.

— Какой?

Лидия положила на стол карточку учёта.

На ней стояло:

ОТЧЁТ ВР-1187.

Ниже:

ПЕРЕДАН В ТЕХНИЧЕСКИЙ АРХИВ.

— А самого отчёта нет, — сказала она.

Фёдор нахмурился.

— Потеряли.

— Возможно.

— Опять это слово.

— Оно точное.

Алексей взял карточку.

— Технический архив где?

Лидия посмотрела на него.

— Вот это ещё интереснее.

— Где?

— По старой системе хранения — не в Рубеже.

— А где?

Она указала на карту.

Не на город.

Не на ретранслятор 4.

Чуть дальше восточнее.
На маленькую отметку:
ВУ-2.
Егор медленно провёл пальцем по маршруту.
Рубеж.
Станция 6.
Чёрный мост.
Ретранслятор 4.
И дальше — внешний узел, которого не было ни на одной современной карте.
— Значит, туда действительно ходили, — сказал он.
— Кто-то ходил, — поправила Лидия.
— И документы отправляли туда.
— По крайней мере, так записано.
Алексей снова посмотрел на четыре недавних сообщения.
МАРШРУТ СОГЛАСОВАН.
Та же фраза стояла в журнале двадцатисемилетней давности.
Связанная с ретранслятором 4.
Он положил старую и новую записи рядом.
Одинаковые слова.
Разница — десятки лет.
— Завтра ещё не выходим, — сказал Егор.
Фёдор посмотрел на него.
— Передумал?
— Нет.
Егор взял чистый лист.
— Завтра собираю людей, проверяю снаряжение и разговариваю со всеми, кто ходил восточнее канала.
— А послезавтра?
Егор посмотрел на карту.
— Если ничего не изменится — идём до Чёрного моста.
— А дальше?
— Решим там.
— Правильно, — подтвердил Алексей.
Фёдор усмехнулся.
— Записать дату?
Никто не поддержал шутку.
Лидия продолжала смотреть на старую карту.
— Есть ещё вопрос.
— Какой? — спросил Алексей.
Она указала на обозначения ретрансляторов.
Р-4.
Р-7.
Р-12.
Потом на маленький ВУ-2.
— Мы всё время говорим, что старая сеть мёртвая.
— Да.
— Кто это проверял?
Егор ответил:
— Никто целиком.

— Когда последний раз?

— Не знаю.

— Вот именно.

Она собрала документы.

— У нас есть карты объектов, которые десятилетиями никто не посещал. Есть журналы, которых не хватает. Есть старые сообщения от ретранслятора, официально считавшегося отключённым. И теперь та же формулировка снова появляется в городских записях.

Алексей посмотрел на серый регистратор на верстаке.

На кабель, который они специально держали отсоединённым.

На часы второго Воронцова.

На старую карту.

— Тогда вопрос уже не в том, работает ли четвёртый.

— А в чём? — спросила Ная.

Алексей провёл взглядом по обозначениям старой сети.

— Какие из них вообще перестали работать.

Никто не ответил.

Егор сложил карту и убрал её в сумку.

— Значит, с этого и начнём.

Глава 7. Невидимое распоряжение

Артём Лесков отказался идти в экспедицию ещё до того, как Егор успел её предложить.

— Нет.

Егор остановился перед верстаком.

— Я ничего не сказал.

— Собирался.

— Откуда знаешь?

— Потому что ты пришёл ко мне в восемь утра с Алексеем Воронцовым и картой под мышкой.

Артём затянул ремешок на кожаном чехле и отложил его в сторону.

— Для приглашения на завтрак слишком много подготовки.

Алексей посмотрел на Егора.

— Убедительно.

— Не помогай.

Мастерская Артёма находилась возле западной стены Рубежа. Небольшое помещение, наполовину занятое ремнями, сумками, ножнами и конской сбруей. Пахло кожей, воском и чем-то горелым.

Алексей ожидал увидеть человека, который хотя бы внешне будет отличаться от остальных Изменённых.

Ничего подобного.

Артёму было около тридцати пяти. Худощавый, коротко стриженный, в простой тёмной рубаше. На правом запястье — старый кожаный напульсник. Лицо спокойное, даже немного скучающее.

Он взял следующий ремень.

— Куда?

Егор всё-таки развернул карту.

— Восток.

— Нет.

— До Чёрного моста.

Артём поднял глаза.

— Тем более.

— Почему?

— Потому что за Чёрным мостом люди плохо спят.

Алексей нахмурился.

— В каком смысле?

— В обычном.

— Ты там был?

— Два раза.

Егор явно этого не знал.

— Когда?

— Лет пять назад.

— С кем?

— С дозорными.

— Почему в отчётах тебя нет?

— Потому что я не был дозорным.

— Зачем ходил?

Артём посмотрел на него.

— А ты как думаешь?
Егор вздохнул.
— Поэтому я и пришёл.
Алексей вмешался:
— Ты телепат?
Артём перевёл взгляд на него.
— Очень не люблю это слово.
— Почему?
— Потому что после него люди обычно спрашивают, о чём они сейчас думают.
Алексей невольно улыбнулся.
— Не спрошу.
— Уже лучше.
— Но что ты умеешь?
Артём отложил ремень.
— Иногда чувствую сильные эмоции.
— Иногда?
— Да.
— Какие?
— Страх. Злость. Намерение напасть. Сильное желание уйти. Иногда ещё что-нибудь.
— Мысли?
— Нет.
— Слова?
— Нет.
— Воспоминания?
— Нет.
— Образы?
Артём помедлил.
— Иногда.
— Какие?
— Короткие.
— Например?
— Человек очень боится огня — могу увидеть что-то похожее на пламя. Не пожар из его памяти. Просто образ, связанный с тем, что он чувствует.
— То есть ты не знаешь, почему он боится?
— Нет.
— И не знаешь, видел он реальный огонь или придумал?
— Нет.
— И не знаешь, врёт он или нет?
Артём посмотрел на Егора.
— Он всегда так разговаривает?
— Почти.
— Теперь понимаю, почему ты хотел взять меня.
Алексей не отступил.
— Если человек говорит неправду?
— Может бояться. Может нервничать. Может быть совершенно спокоен.
— А если говорит правду?
— То же самое.
— Тогда чем ты полезен?
Егор усмехнулся.

Артём — нет.
— Иногда человек улыбается тебе и уже решил ударить ножом.
— И ты чувствуешь?
— Иногда.
— А иногда?
— Получаю ножом вместе со всеми.
Алексей кивнул.
— Хороший ответ.
— Других у меня нет.
Егор показал на карту.
— Теперь про экспедицию.
— Я уже ответил.
— Тогда не про неё.
Артём насторожился.
— Что случилось?
Егор достал сложенный лист.
— Помнишь историю с распоряжением медицинскому центру?
— Весь город помнит.
— Мне нужен разговор с одним человеком.
— Допрос?
— Нет.
— Тогда зачем я?
— Потому что он уверен, что всё сделал правильно.
Артём пожал плечами.
— Возможно, так и есть.
— Приказа не было.
— Это уже интереснее.
Алексей рассказал ему цепочку.
Медцентр.
Восточный пост.
Общий дежурный.
Канцелярия.
Настоящая печать.
Настоящий документ.
И решение, которого никто не принимал.
Артём слушал молча.
Когда Алексей закончил, он спросил:
— Вы хотите, чтобы я нашёл Кукловода?
— Нет, — сразу ответил Егор.
Артём посмотрел на него внимательнее.
— Хорошо.
— Почему?
— Потому что если бы сказал «да», я бы снова отказался.
Алексей спросил:
— Ты можешь почувствовать чужое воздействие?
— Иногда человек после сильного воздействия ведёт себя иначе.
— Как?
— По-разному.
— Это можно определить точно?

— Нет.
Артём снова посмотрел на карту.
— И если человек полностью уверен в том, что делает, я почувствую уверенность.
— Даже если эта уверенность ему внушена?
— Да.
— Значит, ты можешь ошибиться.
— Постоянно.
Фёдор бы одобрил такой ответ.
Егор сложил карту.
— Пойдём.
— Куда?
— На восточный пост.
Артём посмотрел на недоделанный ремень.
Потом на Егора.
— Один разговор.
— Один.
— И это не означает, что я согласился идти за стену.
— Не означает.
— Хорошо.
Он снял фартук.
— Тогда идём.
Дежурного звали Семён.
Алексей видел его раньше, но почти не разговаривал.
Крепкий мужчина лет сорока с короткой седой полосой над правым ухом. На восточном посту он работал больше десяти лет.
Сегодня Семён выглядел раздражённым.
— Я уже всё рассказал.
— Знаю, — сказал Егор.
— Тебе. Глебу. Потом этой женщине из архива.
— Лидии.
— Мне всё равно.
— Теперь расскажешь ещё раз.
Семён посмотрел на Артёма.
— А он зачем?
— Послушает.
— Он из этих?
Артём ответил сам:
— Из каких?
Семён поморщился.
— Сам знаешь.
— Нет.
— Изменённый.
— Да.
— Телепат?
— Если тебе так проще.
Семён посмотрел на Егора.
— Вы теперь мысли будете проверять?
Артём спокойно сказал:
— Не умею.

— Все так говорят.
— Тогда к чему вопрос?
Семён открыл рот.
Закрыл.
Егор спрятал улыбку.
— Сядем.
Они расположились в небольшой комнате поста.
На стене висела карта восточного участка. Рядом — график караулов и список частот для городского радио.
Артём сел сбоку.
Не напротив Семёна.
Алексей это заметил.
— Почему там?
— Чтобы не мешать.
— Чему?
— Разговору.
Егор положил на стол копию распоряжения.
— Начнём ещё раз.
Семён тяжело выдохнул.
— Утром пришло сообщение с восточного медцентра.
— Не с медцентра, — поправил Егор. — Через ваш пост.
— Хорошо. Через нас.
— Кто передал?
— Дежурный.
— Какой?
— Не помню.
— Мужчина, женщина?
— Мужчина.
— Точно?
Семён задумался.
— Кажется.
Артём ничего не говорил.
— Что именно он сказал?
— Что медцентр просит временно ограничить перемещение пациентки. Что руководство в курсе.
— Какое руководство?
— Не уточнялось.
— Ты решил, что Глеб?
— Да.
— Почему?
Семён раздражённо посмотрел на него.
— Потому что кто ещё?
— И всё?
— А чего тебе нужно?
— Я хочу понять момент, когда ты решил, что распоряжение уже согласовано.
— Я не решал.
— А кто?
— Мне сказали.
— Кто?

Семён ударил ладонью по столу.

— Я не знаю!

Егор не повысил голос.

— Именно поэтому мы здесь.

Семён провёл рукой по лицу.

— Мне передали информацию. Обычную. Я принял её, записал в журнал и передал дальше.

— Ты сомневался?

— Нет.

— Почему?

— Потому что не было причины сомневаться.

Егор посмотрел на Артёма.

Тот едва заметно покачал головой.

Не сейчас.

— Вспомни утро, — продолжил Егор. — Ты сидел здесь?

— Да.

— Один?

— Сменщик ушёл минут за десять до этого.

— Радио работало?

— Всегда работает.

— Телефон?

— Да.

— Откуда пришло сообщение?

Семён сразу ответил:

— По внутренней линии.

— Уверен?

— Да.

Артём поднял голову.

— Можно?

Егор кивнул.

Телепат впервые обратился к Семёну напрямую:

— Ты сейчас вспоминаешь сам разговор или то, что записал потом?

Семён нахмурился.

— Не понял.

— Когда говоришь «по внутренней линии», ты видишь перед собой телефон?

— Да.

— Какой?

Семён показал на аппарат у стены.

— Этот.

— Ты помнишь, как снимал трубку?

— Конечно.

— Звонок?

— Да.

— Сколько раз?

— Что?

— Телефон звонил один раз? Два? Долго?

Семён помолчал.

— Не помню.

— А голос помнишь?

— Примерно.
— Лицо человека?
— Какое лицо? Это телефон.
— Именно.
Семён посмотрел на Егора.
— Зачем это?
Артём ответил:
— Потому что ты очень уверен в телефоне.
— И что?
— Пока ничего.
— Ты чувствуешь, что я вру?
— Нет.
— Вот.
— Я также не чувствую, что ты говоришь правду.
Семён раздражённо усмехнулся.
— И много от неё пользы?
— Иногда.
Артём немного наклонился вперёд.
— Вспомни момент до сообщения.
— Зачем?
— Просто вспомни.
Семён закрыл глаза.
— Утро. Я здесь. Проверяю журнал.
— Ещё.
— За стеной меняются караульные.
— Ещё.
— Радио шумит.
Артём сразу спросил:
— Радио?
Семён открыл глаза.
— Ну да.
— Ты только что сказал, что сообщение пришло по телефону.
— И?
— Ничего. Продолжай.
— Потом звонок.
Артём посмотрел на него.
Алексей заметил, как пальцы телепата сжались на краю стула.
— Что? — спросил Егор.
Артём поднял ладонь.
Ещё несколько секунд смотрел на Семёна.
Потом отвернулся.
— Всё.
Семён переспросил:
— Что всё?
— Мне достаточно.
Егор спросил:
— Что почувствовал?
— Не здесь.
— Почему?

Артём посмотрел на Семёна.

— Потому что мы обещали не решать за человека, — сказал Артём. — Семён согласился на разговор. Значит, услышать результат он тоже имеет право.

Алексей сначала не понял.

Потом вспомнил новые правила.

Человек должен знать, что именно с ним делают.

— Скажи при нём, — сказал Семён. — Раз уж начали.

Артём посмотрел на него.

— Ты уверен, что сообщение пришло по внутренней линии.

— Да.

— Очень уверен.

— Я это и без тебя знаю.

— Вот именно.

Семён пожал плечами.

— И?

— Когда ты вспоминал радио, уверенность была такой же.

— Как это?

— Я не знаю.

Семён раздражённо рассмеялся.

— Отлично.

Артём продолжил:

— Я почувствовал одну вещь. Не мысль. Не память.

Он показал пальцем на свою грудь.

— Ощущение завершенности.

— Чего?

— Будто вопрос уже решён.

Семён перестал улыбаться.

— Я и знал, что решён.

— Да.

— Потому что мне сказали.

— Возможно.

— Что значит «возможно»?

Артём посмотрел прямо на него.

— Я не могу отличить убеждение, которое появилось у тебя само, от убеждения, которое тебе помогли получить.

Семён больше не спорил.

Алексей спросил:

— Был образ?

Артём кивнул.

— Очень короткий.

— Какой?

Он указал на стену.

— Свет.

Все посмотрели туда.

На стене висела радиостанция.

Рядом с ней находилась маленькая контрольная лампа.

Семён тоже повернулся.

— Она всегда горит.

— Сейчас — да.

Артём покачал головой.

— Я не знаю, про неё ли речь. Просто свет. Жёлтый или белый. И чувство: можно продолжать.

Егор встал.

— Радио.

Семён спросил:

— При чём здесь радио?

— Сейчас узнаем.

Радиостанция была старше самого поста.

По крайней мере, так утверждал Семён.

Основной блок несколько раз ремонтировали. Панель меняли. Часть ручек не соответствовала надписям. Один переключатель вообще закрепили проволокой.

Фёдор, когда его позвали, осмотрел устройство и сказал:

— Прекрасно.

Семён насторожился.

— Что?

— Всё.

— Она работает.

— Поэтому и прекрасно.

Фёдор снял заднюю крышку.

— Кто последний ремонтировал?

— Савва.

— Когда?

— Месяца три назад.

— Что делал?

— Менял питание.

— Ещё?

— Не знаю. Спроси его.

Фёдор заглянул внутрь.

— Спрошу.

Алексей подошёл к списку частот.

Основные городские каналы были записаны от руки.

Дежурная связь.

Север.

Юг.

Медцентр.

Резерв.

Ниже — несколько старых строк, перечёркнутых.

Одна привлекла внимание:

ВНЕШНЯЯ 41,8.

— Пользуетесь?

— Нет, — ответил Семён.

— Почему записана?

— Всегда была.

— Приёмник на неё настроен?

— Иногда проверяем.

— Зачем?

— По инструкции.

— Какой?

Семён пожал плечами.

— Старой.

Фёдор, не поднимая головы, сказал:

— Очень люблю инструкции, которые никто не читал, но все выполняют.

Егор спросил:

— Когда последний раз проверяли?

Семён задумался.

— Сегодня утром.

Алексей повернулся.

— Во сколько?

— Перед сменой.

— Зачем?

— Потому что проверяем утром и вечером.

— Есть журнал?

— Есть.

Он достал тонкую тетрадь.

Алексей открыл сегодняшнюю страницу.

05:55 — ОСНОВНАЯ. НОРМА.

05:57 — РЕЗЕРВ. НОРМА.

05:58 — ВНЕШНЯЯ. НЕУСТОЙЧИВЫЙ СИГНАЛ.

Ниже:

06:20 — МАРШРУТ СОГЛАСОВАН.

Алексей перечитал.

— Что значит «неустойчивый сигнал»?

Семён посмотрел.

— Помеха.

— Какая?

— Несущая появлялась.

— Голос?

— Нет.

— Код?

— Не слышал.

— Долго?

— Несколько секунд.

Егор спросил:

— Это бывает?

— Иногда.

— Часто?

— Не знаю.

Фёдор закрыл заднюю крышку.

— Вот это можно узнать.

— Как?

— Журнал.

Лидия появилась через двадцать минут.

Ей принесли все радиожурналы восточного поста за последние три месяца.

Она увидела стопку и посмотрела на Егора.

— Я начинаю подозревать, что ты меня не любишь.

— Почему?

— Потому что нормальные люди при встрече предлагают чай.

Фёдор протянул кружку.

— Держи.

Лидия взяла.

— Вот поэтому тебя я пока терплю.

Она села за стол.

— Что ищем?

Алексей положил перед ней четыре копии:

МАРШРУТ СОГЛАСОВАН.

— Эти даты.

— И?

— Смотри внешнюю частоту.

Лидия открыла первый журнал.

Через минуту нашла.

06:11 — ВНЕШНЯЯ. КОРОТКАЯ НЕСУЩАЯ.

Через девять минут:

МАРШРУТ СОГЛАСОВАН.

Второй случай.

05:43 — 41,8. ПОМЕХА / СИГНАЛ.

Через двенадцать минут — запись о подготовке топлива.

Третий.

Ничего.

Фёдор сразу указал:

— Вот.

— Что?

— Не совпадает.

— Пока.

Лидия перелистнула страницу.

Вечером предыдущего дня:

21:17 — ВНЕШНЯЯ. НЕОПОЗНАННЫЙ СИГНАЛ, 6 СЕК.

Утром ремонтная группа получила изменение маршрута.

Егор нахмурился.

— Слишком большой промежуток.

— Согласна, — сказала Лидия.

Четвёртый случай.

Снова:

05:51 — ВНЕШНЯЯ. НЕСУЩАЯ.

Через двадцать семь минут разведывательное снаряжение начали переносить к восточным воротам.

Алексей пересчитал.

— Четыре случая.

Фёдор поправил:

— Три близко по времени. Один — вечером накануне.

— Да.

Лидия закрыла журнал.

— Теперь нужно узнать, сколько таких сигналов было вообще.

— Зачем? — спросил Семён.

— Потому что если они идут каждый день, мы сейчас нашли красивое совпадение.

Алексей помолчал.

— Хорошо.

Фёдор усмехнулся.

— Она всё-таки заразилась.

Лидия уже листала страницы.

Сигналы на частоте 41,8 действительно появлялись.

Но редко.

За три месяца — девять записей.

Четыре уже совпали с известными случаями.

Пятый пришёлся на день ремонта северного водовода.

Шестой — на караульную тревогу.

Ещё три пока ни с чем не связывались.

— Половина, — сказал Егор.

— Не половина, — поправила Лидия. — Мы просто ещё не проверили остальные события.

— Но это уже не ежедневная помеха.

— Нет.

Алексей спросил Семёна:

— Что это за частота?

— Говорил же. Внешняя.

— Куда она раньше вела?

— Не знаю.

Лидия достала из сумки копию старой карты.

— Возможно, я знаю.

Она развернула лист.

Р-4.

Фёдор посмотрел на неё.

— Откуда?

— В старом техническом журнале ретранслятора есть частотная таблица.

Она положила рядом маленькую карточку.

Алексей прочитал:

Р-4. РАБОЧАЯ: 41,8. РЕЗЕРВ: 39,2.

Егор посмотрел на радиостанцию.

Потом на карту.

— Значит, четвёртый работает.

— Нет, — сказал Алексей.

— Почему?

— Мы знаем только, что на его старой частоте есть сигнал.

— Разница?

— Огромная. Передавать может кто угодно.

Фёдор добавил:

— И откуда угодно, если мощность позволяет.

Егор показал на антенну.

— Эта направлена на восток.

Фёдор посмотрел в окно.

На крыше действительно стояла старая рамочная конструкция.

— Насколько направлена?

— Не знаю.

— Тогда выясним.

Выяснение заняло почти два часа.

Фёдор поднялся на крышу вместе со вторым Алексеем.

Основной остался внизу у станции.

Антенна оказалась не совсем направленной, но явно имела лучший приём с восточного сектора.

Когда Фёдор вернулся, рукав у него был порван.

— Кто проектировал крышу?

— Люди, которые не ждали, что ты будешь по ней лазить, — ответил Егор.

— Очень недальновидно.

Алексей показал на радиоблок.

— Можно определить направление точнее?

— Если сигнал повторится.

— Как?

— Повернуть антенну.

Семён рассмеялся.

Фёдор нахмурился.

— Что?

— Она не поворачивалась лет двадцать.

— Значит, будет.

— Там механизм заржавел.

— Значит, перестанет.

Семён покачал головой.

— Ты всех так раздражаешь?

— В основном технику.

Фёдор уже выходил.

— Нужны Тим и второй.

Алексей спросил:

— Почему Тим?

— Потому что он легче.

— Для чего?

Фёдор остановился у двери.

— Если скажу, ты запретишь.

— Тогда точно скажи.

— Он полезет на ферму.

— Нет.

— Вот видишь.

— Сам полезешь.

— Я тяжёлый.

— Это твоя проблема.

— Алексей.

— Фёдор.

Егор вмешался:

— Возьмите лестницу.

Фёдор посмотрел на него так, будто тот разрушил хороший спор.

— Скучные вы люди.

Артём всё это время почти не участвовал.

Он сидел у стены, иногда выходил наружу и возвращался.

Алексей заметил это только когда работа с радиостанцией временно остановилась.

— Устал?

— Немного.

— Из-за Семёна?

— Из-за всех.

— Мы что-то делаем?

Артём посмотрел на людей.

Лидия спорила с Егором над журналами.

Семён объяснял караульному, почему нельзя переключать радиостанцию.

Фёдор ругался с кем-то на крыше.

— Людей много.

— И ты чувствуешь всех?

— Не всех.

— А кого?

— Тех, кто сейчас сильно чего-то хочет.

Алексей усмехнулся.

— Тогда рядом с Фёдором тяжело.

— Ты даже не представляешь.

— Что он хочет?

— Чтобы никто не трогал антенну, пока он её разбирает.

С крыши донеслось:

— ТИМ! Я СКАЗАЛ НЕ ТРОГАТЬ!

Алексей посмотрел вверх.

Потом на Артёма.

— Убедительно.

— Не всегда так просто.

Артём потёр висок.

— Иногда хуже.

— В каком смысле?

— Ты спрашивал, почему я не люблю ходить далеко.

— Да.

— В городе привыкаешь к людям.

— К эмоциям?

— К фону.

Он поискал слово.

— Знаешь старый генератор в мастерской?

— Да.

— Первые десять минут слышишь его постоянно. Потом перестаёшь замечать.

— А за городом?

— Тихо.

— Это плохо?

— Иногда.

— Почему?

Артём посмотрел в окно.

— Потому что если там вдруг появляется чужое намерение, оно ощущается слишком резко.

Алексей вспомнил будущую дорогу.

— Поэтому Егор хочет тебя взять.

— Поэтому я не хочу идти.

— Боишься?

— Да.

Ответ прозвучал спокойно.

Алексей не стал говорить, что это нормально.

Артём продолжил:

— Там однажды было трое людей. Я почувствовал четвёртого.

— Где?

— После Чёрного моста.

— Человека?

— Не знаю.

— Что чувствовал?

— Внимание.

— Чьё?

— Не знаю.

— Откуда?

— Не знаю.

Алексей вздохнул.

Артём улыбнулся.

— Теперь понимаешь, почему со мной неудобно?

— Начинаю.

— Я сказал дозорным, что за нами кто-то наблюдает. Мы проверили лес.

— Нашли?

— Нет.

— Следы?

— Нет.

— Потом чувство исчезло.

— Да.

— И что ты думаешь?

— Что мог ошибиться.

— Только?

— А что ещё?

— Большинство на твоём месте придумало бы объяснение.

— Именно поэтому большинство не надо брать телепатами в разведку.

Алексей кивнул.

— Ты всё ещё не идёшь?

— Всё ещё.

— Хорошо.

Артём посмотрел на него.

— Не будешь уговаривать?

— Нет.

— Почему?

— Позавчера мы целый день писали правила о праве отказаться.

— И уже применяешь?

— Пытаюсь.

Артём несколько секунд молчал.

— Посмотрим до вечера.

— Это не согласие.

— Знаю.

Лидия нашла пятый случай после обеда.

Сигнал 41,8.

Через семнадцать минут — распоряжение перенести ремонт насосной на следующий день.

— И что здесь важного? — спросил Егор.

— Ничего.

— Тогда зачем показываешь?

— Потому что бригада, которая должна была заниматься насосной, в результате ушла на восточную стену.

— Кто отправил?

— Дежурный мастер.

— По чьему приказу?

Лидия посмотрела на него.

— Угадай.

Егор взял документ.

РАБОТЫ ПЕРЕНЕСЕНЫ. ПЕРСОНАЛ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЁН ПО СОГЛАСОВАННОМУ МАРШРУТУ.

Алексей прочитал дважды.

— Опять маршрут.

— Только формулировка другая.

— Источник?

— Не указан.

Фёдор спустился с крыши именно в этот момент.

— Получилось.

— Что? — спросил Алексей.

— Антенна теперь поворачивается.

— Хорошо.

— Плохо.

— Почему?

— Потому что теперь её должен кто-то поворачивать.

Тим спустился следом по лестнице.

Алексей вскинул брови.

— Ты всё-таки туда полез?

— Нет.

— Где был?

— На лестнице.

Фёдор вмешался:

— Он держал.

— А порванный рукав?

— Это крыша напала.

Лидия протянула новый документ.

— Ещё один случай.

Фёдор прочитал.

— Сколько теперь?

— Пять из девяти сигналов связаны с решениями, которые в итоге перемещали людей или ресурсы на восток.

Фёдор сразу спросил:

— А остальные четыре?

— Один совпал с тревогой у северной стены.

— Не подходит.

— Возможно.

— Дальше?

— Два пока ни с чем.

— И последний?

Лидия посмотрела на Егора.

— День, когда Тим и Савва ушли за Чёрный мост.

Тим перестал улыбаться.

— Что?

— Когда вы ходили?

— Я же говорил. Месяца два назад.

— Дату помнишь?

— Нет.

— Савва помнит.

— Откуда?

— Потому что на следующий день ремонтировал машинку в канцелярии и записал дату в своей тетради.

Фёдор хмыкнул.

— Вот зачем нужно чинить машинки.

Лидия открыла журнал.

Вечером накануне похода Тима:

41,8 — СИГНАЛ 8 СЕК.

Утром следующего дня никаких распоряжений в журналах не было.

Егор посмотрел на Тима.

— Почему вы пошли на восток?

— Хотели поискать медь.

— Кто предложил?

— Савва.

— Почему там?

— Сказал, что за мостом есть старые кабели.

— Откуда он знал?

Тим пожал плечами.

— Не спросил.

Егор сразу направился к двери.

— Пойдём.

Тим остался на месте.

— Куда?

— К Савве.

Фёдор хмыкнул.

— Он сейчас у мельницы.

Савва оказался под мельницей.

В буквальном смысле.

Когда они пришли, из технического люка торчали только его ноги.

Фёдор постучал по подошве.

— Живой?

— Был, пока ты не пришёл.

— Вылезай.

— Зачем?

— Разговор.

— Тогда подождёт.

Фёдор посмотрел на Егора.

— Видишь, почему я с ним редко спорю?

— Потому что он не слушает?

— Потому что я его понимаю.

Через несколько минут Савва всё-таки выбрался.

Невысокий мужчина около сорока, с длинными руками и неизменным карандашом за ухом.

Увидев Тима, он сразу сказал:

— Я тебе говорил, про мост никому не рассказывать.

Егор остановился.

— Почему?

Савва понял, что начал разговор неудачно.

— Не в том смысле.

— А в каком?

Он вытер руки ветошью.

— Потому что туда полезут.

— Кто?

— Такие как он.

Показал на Тима.

— Я уже один раз пожалел.

— Почему вы туда пошли?

— За кабелем.

— Откуда ты знал, что там есть кабель?

— На старых опорах.

— Ты был раньше?

— Нет.

— Тогда откуда?

Савва задумался.

— Кто-то говорил.

— Кто?

— Не помню.

Егор не отводил взгляд.

— Попробуй.

— Не помню.

Артём, который пришёл вместе с ними, держался в стороне.

Савва заметил его.

— А этот зачем?

— Артём, — сказал Егор, — можно?

Савва нахмурился.

— Что можно?

Артём объяснил сам.

Коротко.

Без слов «проверка» и «допрос».

Когда закончил, Савва спросил:

— Больно?

— Нет.

— Я что-нибудь услышу?

— Нет.

— А ты?

— Возможно, что-то почувствую.

— Что именно?

— Не знаю.

Савва посмотрел на Егора.

— Очень убедительно.
— Ты можешь отказаться.
Савва снова посмотрел на Артёма.
— А если откажусь, решите, что скрываю?
Артём ответил:
— Я — нет.
— Остальные?
Егор сказал:
— Тоже нет.
Савва подумал.
— Ладно.
Артём не подходил ближе.
— Вспомни, почему решил идти к Чёрному мосту.
Савва пожал плечами.
— Медь.
— Не зачем. Почему именно туда?
— Кабель.
— Откуда знал?
— Говорю же, слышал.
— Где?
— Не помню.
— Тогда не ищи слова. Просто вспомни тот день.
Савва закрыл глаза.
Несколько секунд ничего не происходило.
Потом Артём нахмурился.
— Что? — спросил Алексей.
Телепат не ответил.
Савва открыл глаза.
— Всё?
— Ещё секунду.
Артём потёр висок.
— Ты уверен, что знал про кабель до того дня.
— Конечно.
— Откуда?
— Не знаю.
— Но уверен?
— Да.
— Почему?
Савва начал раздражаться.
— Потому что иначе я бы туда не пошёл.
— Именно, — подтвердил Артём.
— Что именно?
— То же самое.
Егор спросил:
— Что у Семёна?
— Да.
— Уверенность?
— Очень похожая.
Савва скрестил руки.

— В чём я уверен?
— Что идея была твоей.
— Она и была моей.
Артём спокойно ответил:
— Я не спорю.
— Но думаешь иначе.
— Я не знаю.
— Значит, проверить не можешь.
— Именно. И мне это не нравится.
Артём сделал паузу.
— Был ещё образ.
Савва напрягся.
— Какой?
— Провод.
Фёдор фыркнул.
— Он механик. Тут половина мыслей про провода.
— Я знаю.
Артём посмотрел на него.
— Но этот был не в мастерской.
— Где?
— На земле.
— Какой?
— Чёрный. Толстый. И что-то металлическое рядом.
Савва перестал спорить.
— Что?
— Я не знаю.
— Ещё.
Артём закрыл глаза.
Потом покачал головой.
— Всё.
Савва смотрел на него.
— Под мостом кабель лежит именно так.
Егор спросил:
— Ты видел его до того, как пошёл?
— Нет.
— Уверен?
— Да.
— Тогда откуда образ?
Савва резко ответил:
— Не знаю!
Артём поднял руку.
— Стоп.
Все посмотрели на него.
— Это ничего не доказывает.
Егор возразил:
— Ты увидел то, чего он не видел.
— Нет.
— Он только что сказал...

— Я почувствовал образ. Он мог возникнуть сейчас, потому что Савва уже видел кабель потом.

Алексей кивнул.

— То есть ты мог получить сегодняшнее воспоминание, а не причину старого решения.

— Именно.

Савва шумно выдохнул.

— Хоть кто-то здесь говорит понятно.

Егор спросил:

— Но уверенность такая же?

— Да.

— Как у Семёна?

— Похожа.

— Это важно.

— Возможно.

— Артём.

Телепат посмотрел на него.

— Два человека могут быть одинаково уверены без всякого воздействия.

— Могут.

— Даже если не помнят, откуда появилась причина?

— Могут.

— Ты специально всё усложняешь?

— Нет. Я не хочу, чтобы вы сделали из меня прибор, которого у вас нет.

Алексей кивнул.

Фраза понравилась.

— Правильно.

Егор провёл ладонью по затылку.

— Хорошо. Тогда ищем обычным способом.

Он повернулся к Савве.

— Ты сказал про старые кабели. Может, где-то записывал?

Савва задумался.

— Нет.

— Карта?

— Нет.

— Разговор с Тимом?

— Был.

— Когда?

— За день до выхода.

Лидия, пришедшая последней, открыла журнал радиопоста.

— Тогда совпадает.

— Что совпадает?

— Вечером накануне был сигнал на старой внешней частоте.

Савва посмотрел на неё.

— И?

— Пока ничего.

Фёдор усмехнулся.

— Теперь официально заразились все.

К восточному посту вернулись ближе к вечеру.

Артём хотел уйти.

Егор не удерживал.

— Завтра скажешь решение.

— Какое?

— По экспедиции.

— Я уже сказал.

— Ты сказал утром.

— И?

— День был длинный.

Артём посмотрел на него.

— Ненавижу разведчиков.

— Запишу как «думает».

— Запиши как «нет».

Он сделал несколько шагов.

Потом остановился.

— Если сигнал появится сегодня, позовите.

— Зачем?

— Хочу понять, почувствую ли что-нибудь рядом с приёмником.

Алексей покачал головой.

— Не надо.

Артём удивился.

— Почему?

— Потому что ты только что объяснял, что ты не прибор.

— И?

— Не будем проверять тебя как прибор без причины.

Артём некоторое время смотрел на него.

— Хорошо.

— Если будет сигнал, просто запишем.

— А утром?

— Решишь сам.

Телепат кивнул и ушёл.

Фёдор проводил его взглядом.

— Нормальный.

— Почему? — спросил Тим.

— Постоянно говорит, что ничего не знает.

— Тогда я тоже могу быть телепатом.

— Ты и без этого опасен.

Антенну подготовили к девяти вечера.

Фёдор установил на основание простую шкалу из металлической полосы.

Никакой высокой точности.

Только возможность повернуть конструкцию на несколько градусов и сравнить силу сигнала.

— Если он вообще придёт, — сказал Алексей.

— Если не придёт, поспим.

— Ты собираешься здесь ночевать?

— Нет.

— Тогда кто будет слушать?

Фёдор показал на Семёна.

Тот возмутился:

— Я вообще-то работаю.

— Вот и отлично.

— Это и раньше входило в мою работу.
— Теперь будешь делать её внимательнее.
Семён пробормотал что-то непечатное.
Лидия оставила копию таблицы частот.
Егор ушёл проверять людей на предстоящий выход.
Алексей задержался.
В 21:00 ничего.
В 21:30 тоже.
В 22:00 Семён переключил приёмник на внешнюю частоту.
Шум.
Треск.
Несколько коротких всплесков.
Фёдор посмотрел на стрелку индикатора.
— Обычный фон.
22:15.
22:40.
Тим начал засыпать на стуле.
— Иди домой, — сказал Алексей.
— Я не сплю.
— Ты только что храпел.
— Это радио.
Фёдор посмотрел на приёмник.
— Радио звучит лучше.
В 22:47 стрелка резко дёрнулась.
Семён выпрямился.
— Есть.
Фёдор уже был возле станции.
Из динамика шёл ровный шорох.
Потом появился низкий тон.
Один.
Пауза.
Второй.
Третий.
Сигнал пропал.
— Сколько? — спросил Алексей.
Семён посмотрел на секундомер.
— Семь секунд.
Фёдор схватился за рычаг антенны.
— Теперь поздно.
— Почему?
— Исчез.
Семён записал:
22:47 — 41,8. УСТОЙЧИВАЯ НЕСУЩАЯ, 7 СЕК. ТРИ ТОНА.
Алексей спросил:
— Раньше тоны были?
— Не помню.
— В журнале?
Лидия уже искала.
В старых записях встречались только «сигнал», «помеха», «несущая».

Тоноу никто не отмечал.
— Может, просто не записывали, — сказал Фёдор.
— Может.
— Теперь что?
Алексей посмотрел на карту.
— Ничего.
Тим окончательно проснулся.
— Как ничего? Мы же поймали сигнал.
— Поймали.
— С того ретранслятора?
— Не знаем.
— На его частоте.
— Да.
— С востока.
— Предположительно.
— И три тона.
— Да.
Тим посмотрел на него.
— Ты умеешь радоваться?
Фёдор ответил вместо Алексея:
— Нет. У него заводская настройка.
Следующий сигнал пришёл через двадцать три минуты.
На этот раз Фёдор был готов.
Как только стрелка поднялась, он повернул антенну на пять градусов к северу.
Сигнал ослаб.
Вернул.
Усилился.
Пять градусов к югу.
Снова ослаб.
— Восток, — сказал он.
Алексей отметил положение.
— Насколько точно?
— Никак.
— Фёдор.
— Сектор. Может, десять градусов. Может, пятнадцать.
Егор вернулся именно в этот момент.
— Что случилось?
— Второй сигнал.
— Направление?
Алексей показал на карту.
— Восток.
— Р-4?
— Попадает в сектор.
— Чёрный мост?
— Тоже.
— ВУ-2?
Алексей провёл линию дальше.
— И он.
Егор посмотрел на всех троих.

— Значит, сигнал идёт по нашему маршруту.
— Из нашего сектора, — поправил Фёдор.
— Хорошо. Из сектора.
Семён внезапно сказал:
— Подождите.
Он смотрел на журнал.
— Что?
— Второй сигнал.
— И?
Семён пролистал несколько старых страниц.
Потом первую.
— Я видел такое.
— Когда?
Он нашёл запись.
Месяц назад.
21:12 — ТРИ КОРОТКИХ ТОНА.
Ниже следующая смена:
05:40 — МАРШРУТ СОГЛАСОВАН.
Лидия взяла журнал.
— Ещё.
Семён искал быстрее.
Ещё одна запись.
06:03 — ТРИ ТОНА.
Через несколько минут:
06:11 — ПОЛУЧЕНО ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПО МАРШРУТУ.
Фёдор перестал крутить ручку антенны.
Егор спросил:
— Что означают три тона?
Никто не ответил.
Алексей посмотрел на старую таблицу Р-4.
Внизу карточки мелким почерком стояли служебные коды.
Он прочитал:
1 ТОН — КАНАЛ.
2 ТОНА — СВЯЗЬ.
3 ТОНА — ПЕРЕДАЧА МАРШРУТА.
Алексей передал карточку Егору.
Тот прочитал.
Потом ещё раз.
— «Передача маршрута».
— Да.
— Это код ретранслятора?
Лидия ответила:
— Код старой внешней сети.
— И после него у нас появляется «маршрут согласован».
— Несколько раз.
Фёдор сразу сказал:
— Не во все.
— Я знаю.
— И сигнал мог использовать кто угодно.

— Знаю.
— Тогда не делай лицо, будто мы всё выяснили.
Егор хмыкнул.
— Я делаю лицо человека, который завтра идёт туда.
На этот раз Фёдор не спорил.
Глеб пришёл на пост после полуночи.
Ему показали журналы.
Старую частотную таблицу.
Карту.
Записи о трёх тонах.
Он прочитал всё молча.
Потом спросил:
— Связь с распоряжением по Нае есть?
Алексей ответил:
— Прямой — нет.
— С решениями по маршрутам?
— Есть совпадения.
— Сколько?
— Недостаточно, чтобы считать доказанным управлением.
— Я спрашиваю проще.
Глеб указал на карту.
— Оттуда кто-то передаёт?
— Да, — сказал Фёдор.
Алексей поднял брови.
— Что?
— Сигнал приходит с востока. Это мы проверили. На старой внешней частоте. Это передача.
— Источник неизвестен.
— Я и не сказал, что Р-4.
Глеб кивнул.
— Значит, впервые у нас есть не запись HORIZON, не старый архив и не чьи-то воспоминания.
— Да.
Фёдор постучал по радиостанции.
— Обычный радиосигнал.
— Который можно принять повторно?
— Если передадут.
— Записать?
— Завтра поставим самописец на звуковой канал.
— Направление?
— Восточный сектор.
Глеб посмотрел на Егора.
— Выход?
— Послезавтра утром.
— Кто?
— Я. Алексей. Мира.
Первая Ная, стоявшая у двери, сказала:
— И я.
Егор повернулся.

— Мы ещё не обсуждали.
— Вот и обсудим.
Глеб посмотрел на неё.
— После реакции Поля?
— Именно поэтому Мира идёт.
— И если она скажет, что опасно?
— Тогда решу, что делать.
Глеб уже не стал поправлять.
Егор продолжил:
— Ещё один стрелок. И, возможно, Артём.
— Возможно?
— Он пока не согласился.
Глеб кивнул.
— Не дави.
— Не давлю.
Фёдор кашлянул.
Егор прищурился.
— Что?
— Ничего.
— Тогда молчи.
Вторая Ная спросила:
— А я?
Все повернулись к ней.
Она стояла рядом с основным Алексеем, скрестив руки.
Егор ответил осторожно:
— Пока нет.
— Почему?
— Потому что я не хочу брать обеих одновременно до того, как Мира поймёт вашу реакцию.
— То есть меня оставляете из-за неё?
— Нет.
— Тогда из-за чего?
Егор подумал.
— Потому что в первую разведку я хочу взять минимум людей.
— Это уже лучше.
— И потому что ты только вышла из медицинского центра.
— Хуже.
Фёдор тихо сказал:
— Началось.
Вторая Ная посмотрела на Егора.
— Я не требую места. Я хочу нормальную причину.
— Хорошо.
Он указал на карту.
— Нам нужен один человек, который знает Поле, — Мира. Один человек, который знает дорогу и безопасность, — я. Алексей нужен из-за старой техники. Первая Ная уже бывала за пределами Рубежа чаще тебя после разделения и умеет защищаться.
Вторая Ная слушала.
— Артём нужен только если сам согласится и если я решу, что встреча с людьми вероятнее, чем дополнительный риск для него.

— Хорошо, — ответила она.

— Всё?

— Почти.

— Что ещё?

— Если найдёте что-нибудь про Рана, мне расскажете.

Первая Ная посмотрела на неё.

— Нам обеим.

— Да.

— Договорились, — сказал Егор.

Глеб сложил журналы.

— Тогда завтра никаких выходов. Только подготовка.

Фёдор сказал:

— И проверка радио.

— Да.

— И оборудования.

— Да.

— И людей.

Глеб посмотрел на него.

— Людей не разбирай.

— Очень смешно.

Артём пришёл сам утром.

Егор встретил его возле восточных ворот.

— Передумал?

— Нет.

— Тогда зачем пришёл?

Артём показал на карту у него в руках.

— Хочу знать маршрут.

Егор развернул.

— Старая эстакада. Канал. Станция 6. Чёрный мост. Дальше пока не идём без оценки на месте.

— Сколько?

— Ночёвка минимум одна.

— Люди?

Егор перечислил.

Когда дошёл до Миры, Артём кивнул.

— Хорошо.

— Почему?

— Она понимает, что чувствовать что-то и знать что-то — разные вещи.

Егор усмехнулся.

— Вы поладите.

— Не уверен.

— Значит?

Артём посмотрел на ворота.

За ними начиналась дорога, дальше поля, потом старый канал и лес, который он помнил слишком хорошо.

— Если почувствую что-то странное, решение не принимаете только на моих словах.

— Согласен.

— Проверяете обычным способом.

— Да.

— Если скажу, что дальше не могу, возвращаюсь.

— Да.

— Один, если понадобится.

— Нет.

Артём посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что за стеной никто не возвращается один, если этого можно избежать.

— Это приказ?

— Правило разведчиков.

— А если откажусь?

— Тогда не идёшь.

Артём помолчал.

— Хорошо.

Егор протянул руку.

Телепат пожал.

— Значит, идёшь?

— Да.

— Почему передумал?

Артём отпустил руку.

— Не передумал.

— А что?

Он посмотрел на восток.

— В прошлый раз за Чёрным мостом я почувствовал внимание и ушёл.

— И?

— Пять лет думаю, было ли там что-нибудь на самом деле.

— Хочешь проверить?

— Хочу перестать придумывать ответ.

Егор кивнул.

— Подходит.

К полудню Лидия принесла последнее подтверждение.

Не HORIZON.

Не электронный журнал.

Обычная бумага.

Старая инструкция восточного поста, написанная больше шестидесяти лет назад.

В разделе внешней связи стояло:

ЧАСТОТА 41,8 — РЕТРАНСЛЯТОР Р-4.

ТРИ ТОНА — ГОТОВНОСТЬ ПЕРЕДАЧИ МАРШРУТНОГО ПАКЕТА.

Ниже была приписка другим почерком:

ПОСЛЕ ПРИЁМА ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПЕРЕДАЁТСЯ ВНУТРЕННЕМУ ДЕЖУР-
НОМУ.

Алексей прочитал её несколько раз.

Егор стоял рядом.

— Вот откуда могло взяться «маршрут согласован».

— Могло.

— Опять?

— Да.

— Почему?

— Потому что мы не знаем, принимал ли кто-нибудь настоящий маршрутный пакет.

— Но три тона были.

— Были.

— После них появлялись решения.

— Иногда.

— Частота Р-4.

— Да.

Егор ткнул пальцем в карту.

— Что ещё тебе нужно?

Алексей кивнул на карту.

— Добраться туда.

Егор усмехнулся.

— Наконец-то.

Фёдор, стоявший рядом, покачал головой.

— Никогда не думал, что доживу до дня, когда разведчик уговаривает инженера пойти проверить работающую железку.

Алексей снова посмотрел на инструкцию.

До этого все подозрительные решения возникали внутри Рубежа.

В кабинете.

У телефона.

В журнале.

В голове человека, который был уверен, что приказ уже существует.

Теперь впервые появилась линия, которую можно было провести за городские стены.

Не доказательство Кукловода.

Не доказательство работы HORIZON.

Даже не доказательство того, что Р-4 сохранился.

Но сигнал существовал.

Его приняли обычной радиостанцией.

Записали обычные люди.

И направление можно было проверить.

Алексей положил старую инструкцию рядом с картой.

Красная линия от Рубежа уходила на восток.

Через старую эстакаду.

Канал.

Станцию 6.

Чёрный мост.

К точке, возле которой стояло:

Р-4.

За ней находился неизвестный ВУ-2.

Егор свернул карту.

— Выходим на рассвете.

Алексей кивнул.

Первый раз с момента пробуждения ответ находился не под Рубежом.

За его стенами.

Глава 8. За городскими стенами

Егор заставил каждого выложить содержимое рюкзака на стол.

— Всё?

Алексей посмотрел на свои вещи.

Две фляги.

Сухой паёк.

Аптечка.

Складной нож.

Фонарь.

Запас батарей.

Моток тонкого провода.

Мультиметр.

Плоскогубцы.

Отвёртки.

Небольшой стрелочный прибор, который Фёдор переделал для регистрации изменений

Поля.

Три соединительных кабеля.

Кусок изоляционной ленты.

Егор взял отвёртку.

— Одна.

— Там разные.

— Одна.

— Крестовая и шлицевая.

— Выбирай.

— Обе.

Егор поморщился.

— Мы идём на разведку, а не открываем мастерскую.

— Если найдём Р-4, ты первым спросишь, можно ли его проверить.

— Проверить.

— Именно.

Алексей забрал обе отвёртки и положил обратно.

Егор вздохнул.

— Ладно.

Фёдор, стоявший рядом, одобрительно кивнул.

— Не позволяй ему подавлять техническую инициативу.

— Тебя вообще никто не спрашивал.

— Поэтому говорю бесплатно.

На соседнем столе Мира перебирала свои вещи. Её снаряжение выглядело значительно скромнее: вода, еда, аптечка, тёплая одежда, блокнот, два карандаша и переделанный аналоговый регистратор.

Никакого серого блока HORIZON.

Фёдор запретил брать его категорически.

— Одной непонятной коробки у нас в городе достаточно, — сказал он ещё вечером. —

В лес вторую проблему не понесём.

Вместо неё он собрал простой стрелочный индикатор на отдельных элементах питания.

Прибор умел только одно — показывать изменение входного сигнала.

Не записывал время.

Не хранил данные.

Не подключался к сети.

Когда Алексей спросил, насколько ему можно доверять, Фёдор ответил:

— Пока стрелка движется — настолько.

Это было честнее большинства инструкций HORIZON.

Первая Ная собиралась у дальней стены.

Короткий клинок.

Две фляги.

Верёвка.

Плащ.

Несколько свёртков с едой.

Егор посмотрел на нож.

— Больше ничего?

— А нужно?

— Стрелковое?

— Нет.

— Почему?

Ная посмотрела на него.

— Потому что я им почти не пользуюсь.

Егор не стал спорить.

Он уже знал, чем заканчиваются попытки навязать человеку «правильное» снаряжение только потому, что так удобнее руководителю группы.

У двери сидел Артём.

Его рюкзак оставался закрытым.

— Ты проверяться не будешь? — спросил Егор.

— Проверяй.

Егор открыл.

Внутри лежали вода, еда, одеяло, нож, запасные носки и маленькая жестяная коробка.

— Что там?

— Таблетки.

— Какие?

— От головы.

Мира повернулась.

— Покажи.

Артём протянул коробку.

Она открыла.

— Нормальные.

— Спасибо.

— Сколько обычно принимаешь?

— Когда становится плохо.

— Это не количество.

— Одну.

— А если не помогает?

— Вторую.

— Через сколько?

— Часа через два.

Мира вернула коробку.

— Если понадобится вторая — говоришь мне.

Артём нахмурился.

— Зачем?

— Потому что если у тебя начнётся сильная перегрузка, я хочу знать до того, как ты упадёшь.

— Я не падаю.

— Все когда-нибудь начинают.

Артём собирался ответить, но передумал.

— Хорошо.

Шестым участником группы был Данил Шестов — молодой дозорный лет двадцати пяти, которого Егор выбрал как стрелка.

Он говорил мало и с утра уже дважды проверил тетиву короткого композитного лука.

Алексей посмотрел на оружие.

— Почему не ружьё?

Данил пожал плечами.

— Патроны.

— Экономите?

— Всегда.

Егор добавил:

— Ружьё тоже берём. Одно.

Он показал на длинный чехол возле стены.

— На крайний случай.

— Кто несёт?

— Я.

Фёдор усмехнулся.

— Чтобы остальные быстрее бежали?

— Чтобы остальные не стреляли без необходимости.

— Тоже разумно.

Тим стоял рядом со вторым Алексеем и выглядел крайне недовольным.

— Я до канала знаю дорогу лучше половины из них.

Егор даже не повернулся.

— Нет.

— Я ещё ничего не спросил.

— Уже знаем.

— Я могу показать проход.

— Показал на карте.

— На карте не видно старую канаву.

— Расскажешь.

— И поваленную опору.

— Расскажешь.

— И где тропа уходит...

Егор повернулся.

— Тим.

— Что?

— Нет.

Тим скрестил руки.

— Отлично.

Фёдор хлопнул его по плечу.

— Поздравляю.

— С чем?

— Начинаешь понимать устройство мира.

— Какое?
— Взрослые тоже часто слышат «нет».
Вторая Ная сидела на широком подоконнике.
Она не просилась в группу повторно.
Алексей заметил это сразу.
Вчера она задала вопросы, получила ответ и больше к разговору не возвращалась.
Но сейчас внимательно следила за сборами.
Первая Ная подошла к ней.
— Если к вечеру не выйдем на связь...
— Я знаю.
— Я всё равно скажу.
Вторая кивнула.
— Говори.
— Не начинайте искать до утра.
— Егор уже сказал.
— Я говорю не про Егора.
Несколько секунд они смотрели друг на друга.
— Хорошо, — ответила вторая. — До утра.
— А потом?
— А потом решим сами.
Первая улыбнулась.
— Нормально.
— Учусь.
Они обнялись не сразу.
Обе на секунду замешкались.
Мира увидела это с другого конца комнаты.
— Можно, — сказала она.
Первая Ная повернулась.
— Мы спрашивали?
— Нет.
— Тогда молчи.
Но всё-таки подошла ближе к второй.
Они осторожно обнялись.
Коротко.
Мира смотрела на стрелку своего прибора.
Та почти не сдвинулась.
— Что? — спросила вторая Ная.
— Ничего заметного.
— Вот и отлично.
— Один случай ничего не доказывает.
— Ты слишком много разговариваешь с Алексеем.
— С каким?
Обе посмотрели на двух Воронцовых.
Тим рассмеялся первым.
Перед выходом Егор закрыл дверь мастерской.
— Теперь последнее.
Фёдор поднял брови.
— Ты уже три раза говорил «последнее».
— Теперь действительно последнее.

— Запишем.
Егор развернул карту.
— За стеной команду я.
Первая Ная подняла бровь.
— Хорошее начало.
— В вопросах маршрута и непосредственной безопасности.
Она кивнула.
— Уже лучше.
Егор продолжил:
— Если говорю «стоп» — все останавливаются. Если говорю «назад» — сначала отходим, потом спорим.
Алексей спросил:
— Даже если рядом оборудование HORIZON?
— Особенно если рядом оборудование HORIZON.
— Справедливо.
— По технике решаешь ты. Но ничего не включаешь один.
— Я и не собирался.
Фёдор кашлянул.
Алексей обернулся.
— Что?
— Ничего.
Егор продолжил:
— Если Мира говорит, что Поле меняется, мы останавливаемся.
Мира сказала:
— Не всегда.
— Объясни.
— Я могу чувствовать слабое изменение постоянно. Если каждый раз останавливаться, мы дальше ворот не уйдём.
— Тогда как?
— Я скажу, когда изменение будет необычным или станет усиливаться.
— Хорошо.
Артём поднял руку.
— Говори.
— Если я что-то почувствовал, это информация. Не приказ.
— Согласен.
— Даже если скажу, что рядом человек.
— Проверяем.
— Даже если скажу, что человек опасен.
— Проверяем, если есть время.
Артём кивнул.
— Если времени нет — решает тот, кто видит угрозу.
— Так и есть, — подтвердил Егор.
Ная спросила:
— А я?
— Что ты?
— Если понадобится кинетика.
Егор задумался.
— Решение твоё.
— Даже в бою?

— Если я скажу «сдвинь дерево», а ты понимаешь, что после этого потеряешь сознание, мне откуда это знать лучше тебя?

— Хорошо, — ответила Ная.

— Но если можешь помочь и не говоришь, что не можешь, я буду считать, что можешь.

— Справедливо.

Данил спросил:

— А если стрелять?

Егор пожал плечами.

— Если нападение очевидно — не ждёшь команды.

— Люди?

— Только при непосредственной угрозе жизни.

— Животные?

— То же самое, если можем уйти.

Алексей посмотрел на карту.

— Получается почти инструкция.

— Именно.

— Ненавижу инструкции.

Фёдор фыркнул.

— С каких пор?

— С тех пор как увидел, что люди делают, когда перестают понимать, зачем они написаны.

Егор сложил карту.

— Тогда запомните смысл, а не слова.

Он посмотрел на каждого.

— Мы идём не захватывать узел. Не искать виноватого. Не доказывать, что HORIZON работает. Задача — дойти до Чёрного моста, проверить маршрут и, если условия позволяют, приблизиться к Р-4.

— А если он работает? — спросил Тим.

— Тогда вернёмся с этим знанием.

— Не включать?

— Нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.